

#ленивая
мама

ДЕТЯМ НУЖНА НАША ПОДДЕРЖКА

ШКОЛЬНИКИ «ЛЕНИВОЙ МАМЫ»

Ошибки?
Исправим...

АННА БЫКОВА

АВТОР ПОПУЛЯРНОГО ИНТЕРНЕТ-БЛОГА

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

Вот и настал сезон родительских собраний. Уже в садике нам сообщают, что сейчас самое важное – это подготовка к школе, а в школе, что самое важное – это подготовка к ЕГЭ. И не важно, сколько еще лет ждать этого момента. Про ЕГЭ говорит даже завуч начальной школы на собрании для родителей будущих первоклассников. Как будто за восемнадцать лет жизни ничего более важного быть не может. Как будто все детство – это период, когда нужно готовиться к экзаменам. Книга педагога, психолога и автора серии книг-бестселлеров «Ленивая мама» Анны Быковой о том, как пережить «школьные годы чудесные». Без неврозов, без насилия, без комплекса родительской неполноценности и без необходимости пить валерьянку.

- Анна Быкова

- НЕЗАМЕНИМЫЕ КНИГИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

- Введение

- Часть 1

- Родители – ученик – учитель

- Родительская власть

- Родительская забота

- Нацеленность на успех

- Развитие познавательной активности

- Эмоциональная включенность

- Часть 2

- Интеллект

- Психотип

- «Творческий» ребенок

- «Правильный» ребенок

- «Звездный» ребенок

- «Дружелюбный» ребенок

- Такие разные взрослые

- Часть 3

- Выбирая школу...

- Примеры временного минуса

- Психологическая готовность ребенка к школе

- Кружки и секции в первом классе

- Признаки нормальной нагрузки
 - Оценки в первом классе
- Часть 4
 - Ребенок не хочет в школу
 - Диагностика. что не так в этой школе?
 - Ситуация успеха и выученная беспомощность
 - Страх ошибки
 - Отношение к оценкам
 - Домашние задания как фактор стресса
 - Репетитор
 - Семейное образование
- Часть 5
 - Мама, тебя в школу вызывают
 -
 - Задачи родителя
 - Общий порядок проведения конфликтные переговоры
 - «Нельзя жаловаться». Конфликты в школе
 - Границы личности. Защита прав ребенка
 -
 - Пассивный
 - Активный
 - Агрессивный
 - Как научить ребенка осознавать и проявлять свои границы личности
 - Как научить ребенка соблюдать границы личности другого человека
 - Травля. Буллинг
 -
 - Тревожные симптомы, указывающие на возможный буллинг ребенка
 - Профилактика буллинга
 - Осторожно! псевдопсихология в школе
 - Дети и социальные сети
- Заключение
- notes
 - 1
 - 2
 - 3

Анна Быкова

Школьники «ленивой мамы»

© Быкова Д., текст, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Из этой книги вы узнаете:

- Как правильно выбрать школу
- Как относиться к оценкам
- Как без напряжения и стрессов делать уроки
- Как быть в ситуации школьной травли
- Как противостоять учителю, если он нарушает границы личности ребенка

НЕЗАМЕНИМЫЕ КНИГИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

1) Дети и деньги. Книга для родителей из страны, в которой научились эффективно управлять финансами

Хотите вырастить успешных детей? Прежде всего научите их правильно обращаться с деньгами. Бизнесмены из Сингапура Адам Хо и Кеон Чи предлагают эффективные методы воспитания финансовой грамотности у детей и интересные рекомендации для родителей. Тесты в каждой главе помогут принимать правильные решения, а множество полезных советов облегчат применение идей на практике.

2) Дети страны хюгге. Уроки счастья и любви от лучших в мире родителей

Детей любят и окружают заботой во всем мире, но именно в Дании они растут уверенными в себе, самостоятельными, здоровыми и счастливыми. В чем же секрет? В этой книге известный датский психолог Еспер Юуль рассказывает, как правильно общаться с детьми и сохранять в семье атмосферу любви, взаимного уважения и поддержки.

3) Как сделать, чтобы ребенок учился с удовольствием? Японские ответы на неразрешимые вопросы

Как научить детей учиться? Как объяснить им, что это важно и нужно? Специалист по экономике образования Макико Накамура опубликовала исследование, которое способно изменить жизнь как родителей, так и самих школьников. В этой книге на риторические вопросы, которые волнуют всех мам и пап, предлагаются научно обоснованные ответы.

4) Раньше у меня была жизнь, а теперь у меня дети. Хроники неидеального материнства

Блогер и мама двоих сыновей Кандис Анзель не позволяет бытовым неурядицам и стереотипам омрачать радость материнства. В своей книге она учит оставаться счастливой и самой лучшей для своих детей. Вас ждут откровенные разговоры о детях, мужьях и родственниках, а также полезные советы и море оптимизма.

Введение

Осень – сезон родительских собраний. Узнаю в садике от воспитателей младшего сына, что сейчас САМОЕ ВАЖНОЕ – это подготовка к школе. А в школе узнаю от учителей старшего сына, что сейчас САМОЕ ВАЖНОЕ – это подготовка к ЕГЭ. И не важно, сколько еще лет ждать этого момента. Про ЕГЭ говорит даже завуч начальной школы на собрании родителей будущих первоклассников. Будущих! То есть детям еще целый год до школы, а родителей уже пугают ЕГЭ. Как будто за восемнадцать лет жизни ничего более важного быть не может. Как будто все детство – это период, когда нужно готовиться к экзаменам. Как будто после плохо сданного экзамена нет будущего...

Зачем создавать такое напряжение? Уже известны случаи подростковых суицидов, связанных с волнением и тревогой в дни экзаменов. Пожалуйста, родители, сохраняйте спокойствие. Хорошее психологическое здоровье важнее хороших оценок.

В моем школьном детстве был реальный пример девочки-вундеркинда. Феноменальная память. Быстрое усвоение больших объемов информации. Родители гордились и стремились, из класса в класс ее переводили с опережением. К выпускным экзаменам она подошла в возрасте двенадцати лет претенденткой на золотую медаль. Но при сдаче последнего экзамена девочка так переволновалась, что с ней случился нервный срыв. Не знаю подробностей, ибо сама в то время была еще мала. Знаю только, что ее долго лечили в психиатрической больнице, а учиться после этого она больше не смогла... Я как-то приезжала в город своего детства. Мы с друзьями решили покататься на лыжах. Зашли в пункт проката, и там я увидела эту девочку-вундеркинда. То есть теперь уже тетеньку тридцати лет. Она работала гардеробщицей...

Эту грустную историю я вспомнила при посещении родительского собрания в лингвистической гимназии. Всего лишь информационная встреча завуча начальной школы с родителями, желающими водить своих детей на подготовительные курсы. Еще целый год до школы. Но какие напряженные лица у родителей... Особенно в момент, когда завуч говорит, что поступят в гимназию не все, что будет строгий отбор по результатам четырех контрольных работ, которые дети будут писать в течение года. Шестилетки?! Контрольные?! Да. И по результатам каждой контрольной будут индивидуальные собеседования с родителями.

Отслеживаю реакцию взрослых людей. Кто-то начинает нервно барабанить пальцами по своим коленкам. Кто-то начинает теревить сумочку. Кто-то вжимается в спинку стула и немного сползает под парту. Мышечная память отреагировала на слово «контрольная». Моя – тоже, мне захотелось немедленно сбежать с собрания. То есть сначала мои стопы развернулись в направлении двери, а потом я осознала пружинистый телесный импульс: «Хочу

сбежать». Но я осталась. Сидела и смотрела на напряженные позы родителей, слушала наставления завуча про «обязательно за пятнадцать минут, чтобы успеть переодеть сменку», про «обязательные домашние задания», и мне очень захотелось продлить ребенку (и себе) беззаботное детство еще на один год... В итоге я приняла решение не водить Сашку на подготовительные курсы. Будет сохраннее для психики, если со всем, что «строго обязательно», он встретится годом позже.

А еще у меня возникла идея новой книги. Книги для родителей о том, как пережить эти школьные годы чудесные. Без неврозов, без насилия, без комплекса родительской неполноценности, без потребности пить валерьянку.

Тема школы мне близка. Я знаю школу не только снаружи, как родитель школьников, но и изнутри, как психолог, к которому часто обращаются другие родители за помощью в решении школьных проблем, и как учитель, много лет проработавший в системе государственного образования. По первому образованию я учитель математики и информатики. После окончания вуза пришла работать в школу, преподавала информатику в начальной школе. Потом преподавала информатику и дискретную математику уже в колледже, была куратором первокурсников. Со временем к педагогическому опыту добавился психологический взгляд на саму ситуацию обучения в школе. Честно скажу, психологический и педагогический взгляды на проблемы школьников сильно отличаются. Даже при воспитании собственных детей во мне часто спорят разные части «Я». Внутренние персонажи: педагог, психолог, родитель. Поэтому в данной книге я буду излагать не одну точку зрения, а сразу три своих точки зрения. То есть буду просматривать ситуации с точки зрения педагога, с точки зрения психолога и с точки зрения мамы.

Когда во мне рождался и рос психолог, авторитарному педагогу приходилось несладко. Он сопротивлялся, отстаивал свои установки, кричал о правилах и морали. Но психолог набирал силы, подтачивал замок убеждений, скруглял углы. Все структурированное и черно-белое в моей картине мира (то есть в той картине, которая была у меня как у педагога), он превращал в нечто текущее и переливающееся всеми цветами и оттенками. В конце концов педагог сдался, собрал остатки тетрадок, исписанных правилами, в портфель... но не ушел, а подвинулся, признав психолога равным и имеющим право голоса. Психологу, правда, было фиолетово, что там признает педагог. На самооценку психолога это никак не влияло.

С тех пор на любую ситуацию я смотрю то глазами педагога, то психолога.

- У педагога все четко: «Так можно, а так нельзя»
- У психолога: «Так тоже можно, но с другими последствиями»
- Педагог призывает: «Быстрее, выше, сильнее!»
- Психолог говорит: «Счастливее!»
- Педагог говорит: «Так надо!»
- Психолог спрашивает: «А как ты хочешь?»

Иногда педагог стремится перевоспитать психолога. Порой даже гневно поучает, но психолог не реагирует. В свою очередь психолог тоже осознает в себе желание немного поработать с

педагогом, чтобы тот стал более расслабленным. Но психолог свое желание не выпячивает, так как запроса на консультацию от педагога не поступало...

А еще во мне есть родительская часть. Мама. Она вообще странная женщина. То сжимается от тревоги, то расплывается в любви и нежности, то впадает в ярость, то в отчаянье. Чаще всего паникует и боится сделать ошибку. Как бы она жила, бедная, без педагога и психолога?

Однажды в августе мама во мне начала тревожиться, что каникулы заканчиваются, а старший сын еще не прочитал книги из того списка, который выдали в школе. Десять книг за две недели прочитать нереально. Что же делать? Мама паникует.

Педагог возмущен таким наплевательским отношением к заданию. Педагог негодует и продумывает систему наказаний.

А психологу фиолетово...

Педагог возмущен, что психологу фиолетово. Но его возмущение психологу тоже фиолетово.

Мама в тихой панике. Мама не может принять решение: то ли надавить на ребенка, заставить читать с утра до вечера, то ли каждое утро проводить воспитательную беседу о пользе чтения, а вечером читать вслух...

И тогда внутренний психолог задает маме резонный вопрос: «А сколько книг ты сама прочитала за лето?» (Рассматриваем только произведения художественной литературы, профессиональная не в счет!) Я из своей «мамской части» честно отвечаю, что нисколько. Нет смысла врать внутреннему психологу. «Вот-вот!» – радуется он возможности провести сравнение. Мама старается оправдаться: «Мне было некогда! А вообще, я читать люблю. Вон та стопочка книг на книжной полке – это книги, которые ждут своей очереди. Я бы с радостью их прочитала, будь у меня свободное время».

Фразу «будь у меня свободное время» надо понимать как «всегда находятся дела поважнее».

Ребенок в деревне. Там велосипед и приятели. В его системе ценностей это определенно важнее, чем чтение книг, которые он даже не сам выбирал.

Мама отпустила ситуацию. Чуда не случилось. Ребенок не прочитал все книги по списку. Он вообще прочитал только одну книгу. Но он сдал в срок и в полном объеме читательский дневник, написав краткое резюме по каждому произведению (кто главные герои, о чем книга и что больше всего понравилось) – собственно, это то, что будет проверять учитель.

Нечестно! Но внутреннему возмущенному педагогу пришлось пристыженно замолчать, потому что психолог спросил его: «А не было ли в твоей жизни подобного?»

Все тяготы школьной жизни ребенок сможет преодолеть при наличии адекватной поддержки родителей.

Было. Когда-то давно, после первого курса университета, я сдавала отчет по педагогической практике в летнем лагере, хотя на самом деле все лето провела в студенческом стройотряде с мастерком в руке... А еще на защите выпускной работы я знакомила комиссию с результатами тестов при исследовании динамики развития внимания школьников 5–7-х классов, хотя на самом деле тесты я не проводила, а просто подогнала цифры под нужный мне результат... Вот так психолог учит педагога не осуждать.

Мой внутренний психолог научил моего внутреннего педагога задавать себе несколько простых вопросов, прежде чем принимать воспитательные решения. Вот эти вопросы:

- А не было ли в твоей жизни подобного? Всегда ли ты сама ведешь себя идеально правильно?

- Поступали ли с тобой аналогичным образом твои родители? Что ты при этом чувствовала?

- Если бы ты была на месте ребенка, какую поддержку от родителей ты хотела бы получить?

Родительской поддержке в этой книге будет отведена ключевая роль. Потому что я пока не придумала, каким образом могу повлиять на всю систему образования, перестроить ее таким образом, чтобы каждому ребенку было в ней комфортно. Но я знаю, что все тяготы школьной жизни, все недостатки системы ребенок сможет преодолеть при наличии адекватной поддержки родителей. Эту идею подтверждают многочисленные письма читателей моего блога. Когда я только начала работу над этой книгой, я попросила их поделиться историями из своей школьной жизни. Не историями успеха, а историями проблем, психологических травм, сильных переживаний и потрясений. Все истории разделились на три основные группы:

- Родители знали о проблемах, но не знали, чем поддержать ребенка

- Родители не подозревали о наличии проблем либо не считали нужным поддерживать ребенка

- Родители усугубляли ситуацию, были «страшнее школы»

Пока шла работа над этой книгой, жизнь активно подбрасывала мне новые школьные задачки. Поступление в школу младшего сына и выпускные экзамены у старшего. Для меня, мамы, первый класс показался испытанием посложнее, чем выпускной класс. Менялись учителя (за три класса начальной школы сменились три педагога), сменилось место жительства (переводить или оставить в прежней?), менялись взгляды на школу, и даже собственная система ценностей пересматривалась.

В какой-то момент сменилась форма получения образования,

хотя изначально такие перемены я не планировала. Как будто есть некая книжная фея, которая знает, что книги я пишу, в основном опираясь на профессиональный и родительский опыт. И эта книжная фея смотрит сверху и рассуждает: «Хм, она еще ничего не написала про семейное обучение. А ведь это сейчас набирает популярность. Надо создать ситуацию, при которой у нее появится интерес к альтернативным формам получения образования и соответствующий опыт». Фея хлопает в ладоши (или машет волшебной палочкой) – и вот пожалуйста, я сопоставляю факты и размышляю, что, пожалуй, лучшим выходом, наименее энергозатратным, на данный период будет уход на заочное обучение. А там посмотрим, вернемся в школу или уйдем на семейное... Конечно, психоаналитики в этом месте скажут, что никакой книжной феи нет, а есть мое бессознательное, которое провоцирует меня на такие решения, но ведь нет существенной разницы в выборе терминологии? Это не меняет ни сути, ни фактов...

Часть 1

Детям нужна наша поддержка

Родители – ученик – учитель

Если рассматривать школу как систему, то можно выделить следующие составляющие ее звенья:

- Среда
- Учитель
- Ученик
- Родитель

Среда. Это и помещение, и оснащение. Это уютные классы. Это хорошая материально-техническая база, обеспечивающая реализацию всех дидактических принципов. В такой среде комфортно находиться. С такими наглядными пособиями интересно учиться. (Если, конечно, все это есть.)

Учитель. Когда учитель идеальный, дети с радостью бегут в школу и учатся с интересом. Идеальный учитель способен найти подход к каждому ребенку, сплотить коллектив, создать комфортную среду обучения.

Ученик. Идеальный ученик учится сам, вне зависимости от того, какая среда и какой учитель. Ему чрезвычайно интересно узнавать что-то новое. Он умеет работать с информацией. Легко находит ее, легко понимает и запоминает. Его не надо мотивировать, убеждать, заинтересовывать, контролировать. С ним никогда не бывает проблем. (В природе идеальный ученик встречается, но крайне редко.)

Родитель. Родитель – один из заказчиков образовательных услуг, но чему и как учить, все-таки определяет государство. Но я не об этом. Если ваш ребенок не родился с талантом идеального ученика, если вам не посчастливилось найти школу, где все учителя – идеальны, а среда не уровня, то единственный шанс приблизить школьную систему к идеалу (а идеальная школа для меня та, где у детей не возникает неврозов) это попробовать стать идеальным родителем. Родителем, который сможет сглаживать недостатки всех других звеньев системы и поддерживать ребенка при любых обстоятельствах, обеспечивая ему психологический комфорт на таком важном жизненном этапе.

Быть идеальным родителем для своего ребенка легче, чем быть идеальным учителем. Могу даже сказать, во сколько раз, – подсчитайте, сколько учеников в вашем классе. Не учат у нас в педагогических вузах тому, как мотивировать на учебу абсолютно каждого ребенка, я это знаю точно. Курса лекций по возрастной психологии недостаточно, чтобы понимать каждого ребенка, диагностировать его состояние и причины порой очень странных поступков, да еще и успевать делать все это в рамках урока. У родителей для этого больше возможностей. У родителей есть

возможность изучать своего ребенка с самого рождения. Они замечают, как он меняется, как меняются его пристрастия и способности, они знают, в чем его сильные и слабые стороны. Родители могут сопоставить с ситуацией в школе различные факты из семейной жизни, косвенно влияющие на учебу. Учитель часто не в курсе, что происходит у ребенка дома или в личной жизни, почему он стал меньше внимания уделять урокам. А вот мама может выяснить у дочки, почему ей не хочется учить стихотворение. Потому что поссорилась с подружкой и от этого очень грустно, не запоминаются строчки. Мама дочку поймет, а учителю чаще всего приходится констатировать факт, что ребенок к уроку не готов. Не каждый ребенок не каждому учителю готов довериться. Да и не сможет учитель традиционной школы, где в одном классе учится тридцать человек, переварить переживания всех своих учеников, если они все внезапно захотят с ним пооткровенничать.

Родители бывают разные. Помимо «общечеловеческих» различий, таких как разные психотипы, темпераменты и тому подобное, существуют еще специфические родительские характеристики, которые я рассматриваю по шкале «порок – добродетель – порок». Добродетель – это некая черта характера доброго, мудрого, нравственного человека. Когда же эта черта доводится до крайности, до абсурда, она превращается в порок. Например, бережливость, рачительность – добродетель. Но в своем крайнем проявлении рачительность превращается в скупость, жадность – а это уже порок. Есть и другая крайность, полярная этой: транжирство, расточительство. И нет четкой границы, когда одно превращается в другое, оттого так непросто удерживать баланс, пребывать в состоянии «между крайностями».

Родительская власть

Одна крайность – безапелляционная власть родителей, подавление воли ребенка. *«Мое слово кремень. Как я сказала, так и будет»*. Мнение ребенка обычно не учитывается. *«Сопливым слова не давали»*, – часто слышит ребенок от таких родителей. Интересы ребенка обесцениваются. *«Хочется – перехочется»* и *«Мало ли чего я хочу!»* – в таких формах ребенку сообщают, что его потребности, скорее всего, будут проигнорированы, а возможно, и высмеяны. Ребенок не рассматривается как самостоятельная личность со своими индивидуальными особенностями. Ребенок нужен для обеспечения каких-либо родительских потребностей. Того же пресловутого стакана воды в старости. Ребенок должен слушать и выполнять то, что говорят родители. Воспитание у таких родителей больше похоже на дрессуру. Очень много ограничений. Ребенок находится под прессингом агрессивной критики. Воспитание сводится к выискиванию недостатков и их исправлению. Фокус родительского внимания направлен на ошибки ребенка. *«Ну кто так делает? Откуда у тебя руки растут? Написал как курица лапой!»* Уважение к ребенку отсутствует. Такие родители и школу выберут с жесткой дисциплиной, и педагога предпочтут авторитарного. Неавторитарного будут наставлять: *«Вы с ним постройже! Его надо в ежовых рукавицах держать!»* При возникающих конфликтах властные родители, скорее всего, встанут на сторону педагогов и администрации школы. При проблемах с учебной работой во всем обвинят ребенка, назовут ленивым, поставят диагноз: *«Плохо старается!»* Чтобы ребенок стал «лучше стараться», лишат его удовольствий, развлечений, свободного времени.

Другая крайность – это власть ребенка. Родители делают ребенка даже не наследным принцем, а сразу королем, ставя себя в униженное положение прислуги. Культ ребенка без уважения родителей. Родители не уважают свои интересы и потребности. Под девизом «Все самое лучшее для любимого сыночка» моментально исполняют все прихоти. Ограничений практически нет. «ОНЖЕРЕБЕНОК» творит что хочет, не беспокоясь об окружающих. В семейной жизни налицо хаос, потому что ребенку все позволено, а он сам еще не способен структурировать пространство и время. Как следствие – полное отсутствие порядка, режима дня, семейных традиций. Проступки ребенка игнорируются, а недостатки презентуются как достоинства: «Он не умеет дружить? Перессорился со всеми детьми в группе? Просто дети в группе такие, не способные понять его тонкую душевную организацию! Он не слушает воспитателя? Это воспитатель не нашла к нему подход! Она не учитывает его психологию лидера! Он пинает всех, кто проходит мимо? Так пусть не ходят, проход не загораживают, играть не мешают. Он так отстаивает свои личные границы».

В школе такому ребенку будет чрезвычайно тяжело принять другую реальность. Реальность, в которой он не самый умный, не самый интересный и вообще не король. Такому ребенку очень сложно встроиться в жесткую систему, коей является обычная общеобразовательная школа, принять ее правила и нормы. Как это нельзя вставать во время урока? Как это нельзя выкрикивать с места? Почему это спросили другого ребенка, если я хотел ответить? Между этими крайностями есть золотая середина – родительское доминирование, но не с позиции физического превосходства, а с позиции мудрости и любящей доброты. *«Я уважаю твои желания. Я уважаю твои эмоции. Но сейчас мы сделаем так, как я решил, потому что я считаю, что так будет правильно».*

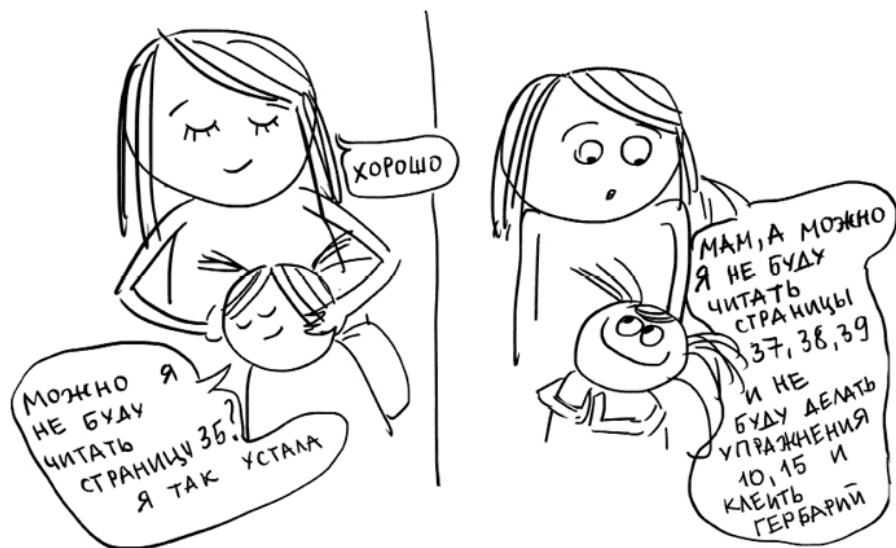
Как понять, когда надо проявить власть, надавить, а когда можно уступить, согласиться с ребенком? Такой вопрос мне на консультациях задают часто. В ответ я рисую пирамиду человеческих потребностей. Ребенок ведь тоже человек – в этом нет сомнений? Стало быть, у него тоже потребности выстраиваются в пирамиду от низших к высшим. В самом низу – физиологические потребности. Потом потребность в безопасности. Выше – потребность в любви. Еще выше – потребность в уважении, самоуважении, познании и развитии. Все эти потребности не случайно выстроены в пирамиду: психологи заметили иерархическую закономерность. Потребности более высокого порядка становятся актуальны тогда, когда удовлетворены базовые потребности, те, что внизу. Ребенок, который очень сильно хочет в туалет, не может концентрироваться на теме урока. Только когда будет удовлетворена физиологическая потребность, его внимание вернется к обучению.

Приоритетность физиологических потребностей обычно родителями признается. Чаще от них можно услышать: «Иди быстро ешь, а потом за уроки». Значительно реже: «Пока не выучишь параграф, кормить не буду». Хорошо бы еще не забывать про приоритетность потребности в безопасности и любви. Перwokлашка закрылся в туалете и кричит оттуда, что в школу не пойдет. Если бы просто закрылся, тогда понятно – физиологические потребности, но заявление «В школу не пойду!» превращает действие в акцию протеста. Что делать? Пообещать, что папа сейчас снимет дверь с петель и доставит бунтаря в школу силой? Или попытаться спокойно вразумить, объяснить, что школу прогуливать нельзя? Прежде чем говорить о долге, об ответственности, об обязанностях, надо проверить, на каком уровне пирамиды потребностей протестующий ребенок.

Разговоры про ответственность и сознательность начинаются с уровня уважения и самоуважения. А закрыты ли потребности в безопасности и любви? Нет ли в классе активной травли? Не издеваются ли в школе над ребенком? Чувствует ли он себя принятым в коллективе? Уверен ли в любви близких?

Как понять, когда надо проявить власть, надавить, а когда можно уступить, согласиться с ребенком?

Еще пример. Ребенок рыдает, говорит, что он не будет выполнять задание по математике. Разрешить ему не делать или настоять на том, что еще шесть примеров на вычитание столбиком – это очень важно и обязательно нужно выполнить? Надавить или уступить?

Для принятия решения сверьте состояние ребенка с пирамидой потребностей. Голова болит, переутомление – уступить. Сыт? Здоров? Бодр? А любимым себя чувствует? Напитан теплым общением с близкими? Мама была две недели в командировке, только вернулась. Соскучился, хочется с мамой пообщаться, а тут вычитание столбиком... Надавить? Поставить ультиматум: «Не буду с тобой разговаривать, пока не решишь!» Или как? Логичней пообщаться, а потом помочь с примерами. День был неудачный. Череду происшествий, а всему виной он, ребенок. Он не специально, он не хотел, но вещи ломались. Весь день расстройство, лишения, наказания, упреки. Их было так много, что ребенку стало казаться, что его не любят. А тут еще

ненавистные примеры, которые никак не получаются... «Ааа! Мне так плоохооо!» Пожалеть, восполнить дефицит любви.

Если же вы уверены, что все базовые потребности закрыты и ребенок просто отлынивает от уроков в сторону более интересного времяпрепровождения в компании планшета, тогда можно надавить. И даже поставить ультиматум: «Планшет получишь после того, как выполнишь задание».

Родительская забота

Одна крайность – это гиперопека, чрезмерная, удушающая родительская забота. Ребенку не дают возможности проявить свою самостоятельность. Ребенку всегда готовы оказать помощь, даже когда он об этом не просит. Я таких родителей называю неленивыми. Неленивая мама подает ребенку желанную игрушку раньше, чем он успеет до нее доползти. Неленивая мама бежит и поднимает упавшего ребенка раньше, чем он сделает попытку подняться самостоятельно. Неленивая мама знает наизусть школьное расписание, пересказывает ребенку параграфы учебника, собирает ему портфель, всегда и все за него помнит и не устает напоминать. Впоследствии неленивая мама ходит в институт чаще самого ребенка-студента, знакома со всеми преподавателями, знает, где найти репетитора и купить диплом. А потом неленивая мама работает на трех работах, хотя можно было бы пойти на пенсию. Но надо финансово помочь ребенку, у которого кризис среднего возраста, он в поисках себя, смысла жизни, идеальной спутницы... И пока он все это ищет, маме надо его кормить...

Если ребенок не просит о помощи – пусть справляется сам. Если попросил – помогите.

Далеко не всегда такая гиперопека происходит с согласия ребенка. Бывает, что и вопреки. Мама ходит в школу, беседует со всеми учителями, чтобы решить проблемы подростка. А подросток краснеет, а подросток бунтует: «Не приходи в школу! Надо мной уже все ребята смеются!» Мама удивляется такому бунту: «Но я же хочу как лучше!» Лучше для кого? Как правило, для мамы, чтобы унять ее повышенную тревожность. Проще сделать, решить, договориться, чем переживать, справится ли чадо.

Другая крайность – отсутствие заботы. Родительский пофигизм. Бесконтрольность.

Отсутствие адекватной заботы и контроля приводит к развитию ранней самостоятельности. Вынужденной – добавлю негативную краску. «Мне не на кого положиться», – с малых лет решает ребенок. О возникающих проблемах родителям он не сообщает, пытаясь решить их доступными для себя способами. Способы эти не всегда социально одобряемые. А иные и вовсе противозаконны: воровство, грабежи, насилие, бродяжничество.

Между этими двумя крайностями – адекватная забота, при которой у ребенка есть возможность проявить свою самостоятельность и есть возможность попросить о помощи. Ребенок хочет попробовать сделать что-то самостоятельно? Отлично, предоставьте ему эту возможность, если нет риска для жизни и здоровья. Просит совета? Дайте совет. Просит что-то сделать за него? Рассмотрите ситуацию: бывает, ребенок действительно что-то не может сделать, а бывает, что ему просто не хватает уверенности. Попробуйте разбить задачу на части, на подзадачи, выполнить которые ребенку по силам.

Если ребенок не просит о помощи – пусть справляется сам. Если попросил – помогите. Только сделайте это вместе с ним, а не вместо него. И не забудьте найти и похвалить то, что у него действительно хорошо получилось. Получилось недостаточно хорошо, но лучше, чем вчера, – тоже похвалите. Учите ребенка замечать динамику изменений – это мотивирует, потому что завтра будет еще лучше.

Поясню на примере.

Ребенок сообщает, что не может решить задачу.

• При адекватной заботе взрослый проясняет, что именно непонятно.

– Я не могу решить задачу!

– А ты пробовал?

– Нет, я не понял условие.

– Что именно ты не понял?

- Все не понял.
- «Лесорубы вырубili один гектар леса»... Что в первом предложении тебе непонятно?
- Тут все понятно.
- А что тогда непонятно? Зарисуй схематично условие, как ты его понял, а я объясню по твоей схеме.

• **При отсутствии заботы** от ребенка с его задачей отмахнутся, как от назойливой мухи: «Я в твои годы сам учился». Ребенок идет в школу с нерешенной задачей в надежде списать у кого-нибудь на перемене.

Нацеленность на успех

Одна крайность – «мой ребенок гений», сверхмотивация на успехи ребенка.

Ребенок обязан удовлетворять родительские амбиции и демонстрировать высокие результаты. В этом случае он является нарциссическим продолжением родителей. Родители ставят амбициозные цели в ущерб отношениям и психологическому комфорту ребенка. Школа выбирается самая престижная, программа углубленная, даже если ребенок ее не тянет. «Не тянет? Ничего! С репетиторами вытянем!» Занятий с репетиторами и тренировок столько, что у ребенка не остается времени просто поиграть.

Другая крайность – «мой ребенок бездарь» – возникает, если ребенок не оправдал завышенных ожиданий родителя.

Родитель не упускает возможности упрекнуть ребенка в отсутствии достижений, приводит в пример других детей или себя: «Вот я в твои годы!» Такие родители делают невозможной для ребенка ситуацию успеха. Достижения ребенка тут же обесцениваются родителями: «Ты думаешь, эта случайным образом полученная пятерка способна исправить твою стабильную тройку за четверть? То ли ты дурак, то ли просто очень

наивный...», «Подумаешь, пятьдесят четыре слова в минуту прочитал. Я в твои годы уже сто двадцать слов читал!»

Между этими двумя крайностями – достаточно сильная мотивация на развитие способностей ребенка, но не ущерб его психологическому комфорту. Цели выбираются достижимые, с опорой на сильные стороны ребенка и признание его индивидуальных особенностей. Успехи ребенка, пусть даже незначительные, замечаются. «Пятьдесят четыре слова в минуту. Это на двенадцать слов больше, чем на прошлой неделе! Молодец». При необходимости родитель может создать ребенку ситуацию успеха.

Развитие познавательной активности

Одна крайность – «информационный потоп». Ребенка грузят энциклопедическими знаниями буквально с пеленок. При этом все ответы даются в готовом виде, еще до того, как проснулся познавательный интерес и ребенок начал задавать вопросы. При изложении материала нарушается системность, особенно принцип от общего к частному. Например, рассказывают о составе вулканической лавы, забыв поинтересоваться у ребенка, знает ли он, что такое вулкан. При объяснении пользуются сложными для детского восприятия наукоемкими терминами. В результате «каша в голове», перегруженность разрозненными знаниями.

Другая крайность – «информационный вакуум». Вопросы

ребенка игнорируются, остаются без ответов. *«Подрастешь – узнаешь», «Не забивай голову всякой ерундой не по возрасту», «Рано тебе еще это знать», «В школе расскажут», «Не грузи меня своими вопросами».*

Между первым и вторым – «информационный серфинг», при котором родители не просто дают ребенку необходимую информацию, но ставят перед собой задачу научить ребенка эту информацию получать, работать с ней.

Важно стимулировать ребенка к самостоятельному поиску ответов, а объем информации должен соответствовать конкретному запросу ребенка и возрастным возможностям.

Краткость – сестра таланта. Но не педагогического.

Ребенок спрашивает – ему отвечают. Даже если прямо сейчас готового ответа нет, от ребенка не отмахиваются: «Ой, я не знаю», а предлагают вместе поискать ответ. Современным родителям для этого не нужно брать энциклопедии в библиотеке – достаточно обратиться к поисковой системе в Интернете. А современные средства связи предоставляют такую возможность практически всегда.

При адекватном подходе к развитию познавательной активности должен соблюдаться баланс учебы и отдыха. Родители знают, как важно не перекормить знаниями. Новую информацию нужно переварить. Легче переваривается информация, поданная с опорой на уже имеющиеся знания.

– Кто это? – Ребенок видит незнакомое животное у тети за паухой; дело происходит в метро.

– Это сфинкс, – отвечает родитель.

Коротко и ясно. Краткость – сестра таланта. Но не педагогического.

– Сфинкс, – повторяет ребенок. И забывает через две остановки.

Через месяц он снова видит это лысое существо и пытается вспомнить: «Как же это... Мне же его называли...»

А вот если бы родитель связал новое с уже имеющимися знаниями, было бы проще запомнить.

– Это кошка. Вот такая порода лысых кошек. Нет, она не болеет. Нет, она не потеряла волосы от старости. Нет, у нее потом не вырастут волосы. Это наш папа родился лысым – помнишь его детскую фотографию? – потом волосы выросли, а после тридцати папа стал их терять и теперь опять лысый. А кошка такой породы рождается лысой и всю жизнь живет лысой. Какие еще породы ты знаешь? Все породы можно разделить на длинношерстные,

короткошерстные и бесшерстные. У этой породы есть название, «сфинкс». Потому что кошка похожа по внешнему виду на мифическое существо, которое называли сфинксом. Помнишь, мы читали мифы Древнего Египта? Сейчас найду тебе картинку сфинкса. (Смартфон с Интернетом – универсальная карманная энциклопедия.) Правда, похоже? А на что похоже это название?

– Сфинкс... свинка-с... Сфинкс... с-финик-с...

Ребенок играет со словом, ищет звуковые ассоциации, а это стопроцентная гарантия запоминания. И формирование системного мышления.

Системность мышления – это умение соотносить часть и целое, искать сходства и отличия, уметь обобщать и понимать простые причинно-следственные связи.

Для развития лучше давать меньше знаний, но давать в системе, формируя таким образом привычку структурировать поступающую информацию, искать и устанавливать связи между отдельными элементами.

При системном подходе новая информация дается обязательно с опорой на уже известную, объясняется, как новое связано с тем, что уже знакомо.

Очень тяжело переучивать детей, которые выучили, что есть квадрат, прямоугольник, ромб, трапеция, параллелограмм, но выучили все это вне системы. Они спорят, что вот это квадрат, а это прямоугольник. И не понимают, что квадрат – это тоже прямоугольник. А еще квадрат – частный случай параллелограмма. И ромбом квадрат тоже является. По определению.

Чтобы выстроить систему, нужно начать с обобщающего понятия: это четырехугольники. И далее находить у разных четырехугольников общие признаки и отличия. Что общего у квадрата и трапеции?

Эмоциональная включенность

Одна крайность – игнорирование чувств ребенка, запрет на проявление чувств: *«Стыдно плакать», «Что ты плачешь по пустякам», «Мальчики не плачут. Распустил нюни, как девочка».*

При такой крайности – отсутствие разговоров по душам, только формальное общение: *«Ты поел?», «Уроки сделал?», «Что получил?».* По возникающим проблемам чаще всего разговор предельно короток: *«Не жалуйся. Учись решать проблемы сам».* А ребенок, возможно, пришел даже не за готовым решением, но с потребностью подумать вместе, поделиться своими мыслями и чувствами. Тайна ребенка в такой семье не считается тайной и легко может быть передана третьим лицам.

Ребенок что-то рассказал маме «по секрету», поделился сокровенным, а мама на первом же семейном ужине выдает секрет ребенка между анекдотом и свежей сплетней. Ребенок делает вывод: *«Даже маме нельзя доверять»* – и замыкается.

Другая крайность – слишком сильное погружение в чувства и эмоции, неспособность выносить сильные эмоции ребенка. Эмоции затопляют всех, мешая конструктивно мыслить и действовать. В результате дочь плачет, мама плачет, мир несправедлив и жесток, проблема ребенка не решается. Эмпатии много, но вот реальной поддержки, поддержки действием – нет. В результате ребенок тоже может замкнуться в себе, перестать делиться проблемами: *«Что толку сообщать о своих проблемах и переживаниях? Проблемы не решаются, да еще и мама расстраивается».* Мама встревожена, чувствует, что ребенок от нее отдаляется, но не понимает почему. Возникает родительская навязчивость: *«Ну скажи-и, что у тебя происходит!»*

Потребность получить информацию, пусть даже не из уст ребенка, приводит к вмешательству в его личную жизнь, вплоть до звонков друзьям, чтения личного дневника и проверки аккаунта в социальной сети.

Между этими крайностями – принятие чувств, но не в ущерб действиям. Эмоции ребенка не осуждаются, не блокируются. Вместо этого – спокойное принятие любых эмоций: *«Я вижу, что ты очень сердисься. Еще я вижу в этом много обиды. Чем я могу помочь?»*

Если ребенок доверил тайну маме, это значит, что дальше мамы тайна не уйдет.

Присутствует доверительное общение: *«Расскажешь мне, что*

тебя беспокоит?» Если ребенок не хочет делиться, его желание уважают: *«Хорошо. Как хочешь. Если что, я готова выслушать»*. Право на личную тайну строго соблюдается.

Если ребенок доверил тайну маме, это значит, что дальше мамы тайна не уйдет. Папе или бабушке мама может это рассказать только с разрешения ребенка. Ребенок в такой семье получает и эмпатическую поддержку (его выслушивают, понимают, ему сочувствуют), и поддержку действием (родители советуют, помогают).

* * *

Каждый родитель по каким-то из этих критериев может находиться в «золотой середине», а по каким-то уходить в крайности. У каждого есть своя «любимая крайность». Это не обязательно крайность, с которой вы живете постоянно. Это может быть крайность, в которую вы периодически впадаете. Например, в стрессовой ситуации. Знать эту крайность важно, потому что только так мы получаем доступ к управлению. Иными словами, получаем способность поймать себя: *«Вот тут я перегибаю палку»* – и вернуться к «золотой середине».

Часть 2

Такие разные дети... и взрослые

По общению с разными родителями я знаю, что остались еще идеалисты воспитания, уверенные, что ребенок – это чистый лист и все зависит от педагогических усилий. Мол, что родители нарисуют на нем, то и покажут свету. Увы, далеко не все зависит от ваших воспитательных усилий. Если ребенок и лист, то еще до рождения по этому листу основательно прошлись наследственность и эндогенные факторы периода беременности, влияющие на формирование мозга и центральной нервной системы.

Если уж применить какое-нибудь поэтическое метафорическое сравнение, то давайте сравнивать с зерном, семенем. Безусловно, от вложенных усилий зависит, насколько здоровым, сильным, приспособленным вырастет растение, но будет это дуб, подсолнух или рожь – зависит от того, чем изначально было то семя, что зарыли в землю. Подсолнух не хуже и не лучше дуба. Он такой, какой есть, и в этом своем качестве приносит пользу. Плохим подсолнух могут считать только те родители, что ожидали получить непременно дуб.

Даже успех интеллектуального развития ребенка, по гипотезам разных ученых, на 50–80 % зависит от наследственности. (Перефразируя известную пословицу – с чем родился, тем и пригодился.) Но это вовсе не значит, что попытки развивать интеллект не приносят пользы. Мне нравится идея условного деления интеллекта на «жидкий» и «кристаллизованный»^[1]. «Жидкий», или «текущий», интеллект – врожденный, потенциальный – лежит в основе способностей, зависит от общих физиологических свойств индивида. «Кристаллизованный» интеллект определяется влиянием среды и изменяется в процессе обучения, состоит из различных знаний, умений и навыков, которые человек приобретает в процессе жизненного опыта. Так, например, «жидкий» интеллект отвечает за скорость и точность текущего оперирования информацией, а «кристаллизованный» – за словарный запас и общую эрудицию. «Жидкий» интеллект – сырье для построения «кристаллизованного», и, конечно, объем этого сырья – с лужицу, озерцо или океан – влияет на итоговый размер выращенного на нем кристалла. Но можно и из лужицы получить изумительной красоты кристалл, а из океана – ничего.

Это я к тому, что развивать ребенка все-таки нужно, но при постановке целей важно ориентироваться на врожденные способности. Для простоты понимания и наглядности в тренингах

я часто привожу такую метафору с демонстрацией: показываю родителям куски глины. Куски разные. Отличаются по размеру: большие, средние, маленькие. Отличаются по качеству: жесткая, пересушенная глина, или мягкая, податливая, или слишком жидкая, расплзается в руках, не держит форму. Даю задание вылепить посуду... Распределяю эти кусочки случайным образом по родителям. Кому-то достается солидный кусок пластичной глины, из которой лепить – одно удовольствие, и выходит крепкий добротный кувшин. Другой получает такой же хороший кусочек, но вот лепить человек не умеет или не хочет. Тая-ляп, сделает наспех грубоватую плоскую тарелку и идет руки мыть. Третьему достается непонятно что – жидкая лепешечка. Смотрят другие участники, сочувствуют: «Ну и что из такого можно слепить?» Однако гончар-родитель терпеливо и долго месит глину, выжимая лишнюю влагу, а потом получается у него изящная... свистулька. Да, не посуда, зато какие мелодичные звуки издает. А ведь мог человек просто рукой махнуть, мол, ничего путного из этого комка не выйдет, не повезло мне с ним...

Если остаться в рамках этой метафоры, традиционная школа оценивает качество «посуды» по способности вместить определенный объем знаний, умений и навыков, а «непосуду» выбраковывает. Традиционная школа ценит умение работать с вербальной информацией, способность к абстрактному мышлению. А вот умение придумать интересную игру из подручных материалов – не ценится. Умение нарисовать карикатуру на директора – не ценится. Умение мирить поссорившихся одноклассников – тоже. Мальчишку, который имеет в аттестате единственную пятерку по физкультуре и успешен только в забивании голов, учителя не назовут интеллектуалом. А зря, между прочим...

В 1983 году Говард Гарднер^[2], изучая работу мозга, создал новую теорию – *множественного интеллекта*. Согласно этой теории, каждый человек обладает набором относительно независимых способностей, которые определяются степенью развития того или иного участка головного мозга. Мозг развивается неоднородно. Этим Гарднер объясняет тот факт, что у одних людей ярче проявляются склонности к логике и математике, а у других – к искусству и творчеству. Он пришел к выводу, что существует по крайней мере семь различных проявлений интеллекта. Эти виды интеллекта независимы друг от друга и в том или ином сочетании присутствуют у каждого человека. Но все-таки, понимая особенности своего ребенка, как-то легче смириться с двойкой по алгебре при пятерках по литературе.

Каким же бывает интеллект?

- *Вербальный интеллект* отвечает за все, что касается речи: произношение звуков, запоминание слов, грамотность, смысловое содержание. Ребенок, наделенный высоким уровнем вербального интеллекта, рано начинает говорить. Скорее всего, он заинтересуется стихами, с удовольствием будет подыскивать рифмы к словам, сам сочинять стихи и сказки. Он будет придумывать новые слова и вкладывать в них свой смысл. Полюбит чтение. Сам проявит интерес к буквам и сам захочет научиться читать. В дальнейшем он будет с легкостью писать сочинения, причем грамотно. Кажется, что грамотность у таких детей врожденная, так как пишут они без ошибок, не заучивая правила. Ребенок с вербальным интеллектом может увлечься иностранными языками. Если у него не будет психологической зажатости, застенчивости, то он станет прекрасным оратором, так как способен красиво излагать свои мысли и легко запоминать любые тексты. Застенчивый ребенок с вербальным интеллектом будет вести дневник, писать стихи и публиковать их в Сети под вымышленным именем. Вербальный интеллект помогает легко заучивать формулировки аксиом и теорем, даже не понимая их смысла. Зная свои сильные стороны, такие дети стараются нахватать хороших оценок за устные ответы и активно тянут руку, чтобы их спросили. Нередко учителя удивляются: «Как так? Блестяще знает все теоремы, а задачу решить не может». При выборе образовательного учреждения для ребенка с вербальным интеллектом предпочтение лучше отдать гуманитарной гимназии.

- *Музыкальный интеллект* – это все, что связано с восприятием звуков. Высота, громкость, длительность звучания, ритм... Одаренный музыкальным интеллектом ребенок начнет пританцовывать под музыку раньше, чем ходить. Он будет с удовольствием исследовать звуки окружающего пространства и не просто колотить чем-то обо что-то, а выстукивать четкий ритм. Его будут интересовать музыкальные инструменты, он сам попросит записать его в музыкальную школу, а освоив какой-нибудь инструмент, он будет увлеченно подбирать мелодию понравившейся песни на слух. Стихи и правила такие дети легче запоминают, когда пропевают их.

- *Логико-математический интеллект* – это способность к абстрактному мышлению, способность использовать и оценивать соотношения между действиями или объектами. Ребенок с высоким уровнем математического интеллекта, едва научившись считать, с удовольствием начнет считать все вокруг: ступеньки на лестнице, совочки в песочнице. А еще он будет сравнивать, что

больше, а что меньше. Такой ребенок рано озадачится поиском самого большого числа и доказательством отсутствия такового. Он легко освоит бытовые измерительные приборы: градусник, который держат под мышкой, или же термометр за окном. Еще в дошкольном возрасте интуитивным путем он осилит действия с дробями и отрицательными числами и будет спорить со сверстниками-подготовишками, что из трех пять вычесть можно, а три конфеты запросто можно поделить на четверых. В средней школе он проявит страсть к сложным вычислениям, будет в уме складывать и вычитать многозначные числа. Он будет уговаривать родных поиграть с ним в шахматы. Решение математических головоломок и олимпиадных задач занимают его не меньше, чем музыканта подбор мелодии. Школьный курс математики покажется ему слишком легким. Другие школьные предметы, в которых он не найдет четкую структуру и логику, скорее всего, покажутся ему скучными и непонятными. Такие дети легче усваивают материал, если его структурируют и преподносят в виде лаконичных схем и таблиц.

ИНТЕЛЛЕКТ

ВЕРБАЛЬНЫЙ

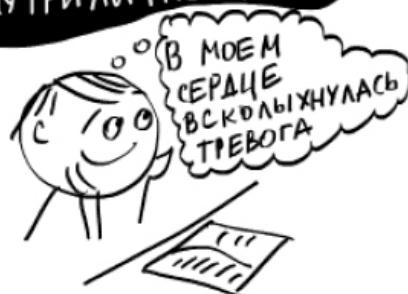
ТЕЛЕСНО-КИНЕСТЕТИЧЕСКИЙ

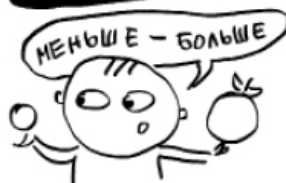
МУЗЫКАЛЬНЫЙ

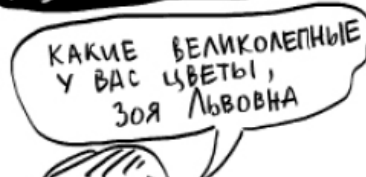
ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ

ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ

зрительную информацию, обрабатывать ее, создавая новые зрительные образы, мысленно перемещать и вращать их. Ребенок с хорошим пространственным интеллектом раньше сверстников перейдет от этапа «каляки-маляки» к узнаваемым образам. Он рано научится собирать пазлы. Лепка, рисование, моделирование, конструирование будут для него любимым видом досуга. Из деталей конструктора он будет собирать не только изделия по образцу, но и придумывать свои варианты, технически совершенствуя модель. В школе такому ребенку легко даются рисование и черчение. Дети с пространственным интеллектом лучше запоминают информацию, когда представляют ее в виде образа, зарисовывают. Зная это, при заучивании стихотворения можно предложить ребенку нарисовать образ-подсказку на каждую строчку. Хорошо помогают пониманию материала различные метафоры, сравнения. «Волшебная» фраза для такого ребенка при объяснении – «Представь себе...». «Представь...» – и моментально в сознании включается образ, картинка, активизируется мышление. Именно изображение долго хранится в памяти, поэтому рекомендуется при написании конспектов часть информации зарисовывать, а главные мысли выделять цветом.

• *Телесно-кинестетический интеллект* – способность управлять своим телом и отличное чувство баланса. Ребенок с хорошим телесно-кинестетическим интеллектом будет удивлять своей живостью, подвижностью, пластичностью. Как только он дорастет до возможности прямохождения, он сразу побежит, пиная мячик. Будет легко и с удовольствием подражать увиденным танцевальным и акробатическим движениям. Каждую кровать он будет превращать в батут, каждую балку – в турник, каждый шкаф с полочками – в шведскую стенку, каждый табурет – в гимнастического козла. Легко, без тени страха и неуверенности, научится кататься на велосипеде, коньках и лыжах. Проявит интерес к какому-нибудь виду спорта. Если в паре с телесно-кинестетическим интеллектом будет музыкальный, то ребенок может увлечься танцами, фигурным катанием. При обучении детям с ведущим телесно-кинестетическим интеллектом рекомендуется делать частые физкультурные паузы. Во время занятия хорошо бы позволить ребенку встать и попрыгать или выполнить несколько приседаний. Дети с телесно-кинестетическим интеллектом намного лучше запоминают действия, чем слова, – эту особенность можно использовать при заучивании стихов или правил, придумывая характерное движение для каждого слова. Порой дети интуитивно чувствуют важность движения и учат параграф, расхаживая по комнате,

чеканя шаг на каждое слово. Одна мама рассказывала мне, что ее сын предпочитает заучивать стихи, лежа на спине и подбрасывая ногами вверх диванную подушку на каждую строчку. Если такого ребенка усадить за стол: «Сиди смирно! Не отвлекайся!» – результат запоминания будет только хуже. Эффективно при обучении использовать наглядные модели, которые можно потрогать или даже смастерить самому, потому что информация дети с телесно-кинестетическим интеллектом лучше усваивают через действие. К хорошему результату приводят используемые при обучении «движухи»: эксперименты, опыты, экскурсии и ролевые игры.

• *Внутриличностный (эмоциональный) интеллект* – способность распознавать свои собственные чувства, намерения и мотивы. Такой ребенок будет удивлять способностью долгое время находиться в одиночестве. Он будет раздумывать о чем-то, мечтать, рефлексировать. Научившись писать, начнет вести личный дневник. Он будет запоем читать книги, в которых большее внимание автор уделяет описанию внутреннего мира героев, раскрытию их душевных метаний. В более старшем возрасте такие дети увлекаются философией и психологией. Обычно они нацелены на саморазвитие и к учебе имеют устойчивую мотивацию.

• *Межличностный (социальный) интеллект* – способность распознавать чувства, намерения и мотивы других людей. У такого ребенка просто талант нравиться окружающим. Он быстро усвоит нормы социально одобряемого поведения. Без каких-либо наставлений со стороны взрослых, сам поинтересуется здоровьем одной соседки, похвалит собачку другой, и все будут отзываться о нем как о вежливом, воспитанном ребенке. Но этот же вежливый и воспитанный ребенок может обладать большим запасом нецензурных слов, которые к месту употребляет, находясь в компании друзей, потому что там включаются свои социокультурные нормы. Он гибкий, подстраивающийся. Сможет установить хорошие отношения и с учителями, и с одноклассниками. Понимает, как играть на чувствах других людей, как использовать их слабые стороны, обращая себе во благо. Оценки может иметь выше своих способностей и затраченных усилий: договорился с одноклассником и списал, договорился с учителем об исправлении отметки. Важно особое внимание обращать на развитие нравственных качеств, чтобы ребенок не превратился в манипулятора.

Если следовать теории множественного интеллекта, то турист, обладающий развитыми навыками ориентации по звездам, фигурист, успешно выполняющий тройной «тулуп»,

музыкант, подбирающий мелодию на слух, харизматичный ведущий ток-шоу не менее интеллектуальны, чем математик, философ или высококвалифицированный инженер. Этим же объясняется факт, что традиционные тесты IQ хорошо прогнозируют оценки в школе, но их результаты совсем не очевидны в плане прогноза последующего социального успеха или карьерного продвижения. Если принять во внимание не только успехи в освоении точных и гуманитарных наук (вербальный и логико-математический интеллект), а еще и фактор межличностного общения (социальный интеллект), то легко объяснить, почему некоторые троечники становятся в дальнейшей жизни более успешными, чем отличники. И почему некоторые люди, которые многого достигают в профессии, могут быть несчастны в личной жизни, не умеют строить близкие отношения.

Не стоит трагически переживать из-за плохих оценок ребенка в школе. Возможно, что его способности просто не вписываются в рамки школьных учебников, а находятся где-то за их пределами. Попробуйте посмотреть на своего ребенка со стороны. Ему тяжело дается математика? Он не любит читать? Но, может быть, он лучше других проявляет себя в музыке или спорте? Может быть, он хорошо налаживает отношения с окружающими и у него много друзей? Важно понять при развитии ребенка, какой стратегии мы придерживаемся: отталкиваемся от сильных сторон или достигаем до нормы слабые? Что мы делаем для того, чтобы реализовать заложенный в ребенке потенциал? Каков интеллектуальный профиль у вашего ребенка?

Для примера могу рассказать о своем интеллектуальном профиле. Вербальный интеллект. Я начала сочинять стишки и сказки до того, как научилась читать и писать. Поэтому многие мои «шедевры» так и остались незаписанными и быстро забылись. Читать я начала в 4 года, наблюдая, как занимается мой старший брат-первоклассник. В школе на литературе развлекалась сочинением пародий на стихи изучаемых классиков. Вербального интеллекта у меня пусть не океан, но нормальное озерцо. Чего не сказать про музыкальный. Музыкального интеллекта у меня с чайную ложечку. Мои дети, подрастая, быстро отказывались от возможности слушать мамину колыбельную. Ноты, близкие по звучанию, я не отличаю. Мелодию запоминаю с большим трудом. Ритмический рисунок на ударных воспроизвожу с ошибками. Зато у меня все нормально с логико-математическим интеллектом. Тут и стабильные пятерки по алгебре и геометрии, и победы в городских олимпиадах по математике, и успешно оконченный математический факультет. А вот телесно-кинестетический

подкачал... Когда другие дети в детском саду крутили «солнышко» на турнике, я боялась даже просто к нему подойти. Мои подружки делали сальто на траве, а я элементарный мостик сделать не могла. В школе искала все возможные способы прогулять физкультуру. Если прогулять не удавалось, то во время коллективных игр с мячом я бегала не как все – за мячом, а наоборот – от мяча. Панически боялась момента, что мяч ко мне прилетит и все будут кричать «бей», а я по нему все равно не попаду. Прыжки в высоту. Я подбегаю к планке и... в страхе останавливаюсь. Учитель физкультуры рисовал мне хорошие оценки просто так, чтоб не портить общую картину. Но я старательно ходила в танцевальный кружок несколько лет. Я никогда не была солисткой и даже просто успешной во время занятий – нет, не была. Руководитель никогда не хвалил меня за умение, а только за дисциплинированность. Мне требовалось много повторений, чтобы понять, как выполнить то или иное движение, и еще столько же, чтобы заучить его. Я часто путала рисунок танца на сцене, у меня никогда не было хорошей растяжки. Но из отведенного мне «жидкого» телесно-кинестетического интеллекта ценой многократных повторений я выкристаллизовала умение танцевать на дискотеках, и это был мой максимум при таких способностях.

А теперь представьте, что было бы со мной и моей

самооценкой, если бы меня окружали люди, которые ценили бы только телесно-кинестетический или музыкальный интеллект. «Опять ты со своей книжкой! Положи книгу и иди отжиматься!» «Позор! Ты до сих пор не умеешь кувыраться! Как ты жить-то будешь дальше без этого навыка?» «Ты поешь хуже всех в классе! Нам за тебя стыдно!» «Ты до сих пор не умеешь играть ни на одном музыкальном инструменте?! У соседей трехлетний Вася уже на рояле гаммы играет!» «Вот кому какое дело до твоей победы в олимпиаде по математике, если ты не можешь проехать на коньках 10 метров по прямой так, чтоб не упасть!» Постоянная ситуация неуспеха, постоянная критика, ощущение никчемности. Либо раздражение, либо «меня никто не понимает», отдаление, уход в себя.

Не стоит трагически переживать из-за плохих оценок ребенка в школе. Возможно, что его способности просто не вписываются в рамки школьных учебников.

Примерно то же чувствует ребенок, одаренный иными видами интеллекта при обучении в традиционной школе, где ценятся вербальный и математический интеллект. Помогая подтягивать «слабое звено», старайтесь увидеть то, в чем ваш ребенок успешен. Делайте акцент на его сильные стороны. Совершенно неспособных детей не бывает. Бывают незамеченные способности.

Заметить способности мешают ожидания. Например, ожидают родители, что их дочь будет знать английский. С детского сада водят ее на занятия. Потом в гимназию английскую отдают. А ей язык тяжело дается. Старается девочка, но все равно до пятерки не дотягивает. И слышит от взрослых постоянно, что она не тянет, что надо больше стараться. Считает себя «не умной», а у нее ведущий интеллект не вербальный, а пространственно-образный. Она бы могла рисовать лучше всех в классе, но об этом никто не догадывается, даже она сама. Потому что ей рисовать некогда, у нее английский каждый день. Английский, наверное, важно. Но важнее, чтобы у ребенка была высокая самооценка. А высокая самооценка формируется за счет знания своих сильных сторон.

Бывает так, что родители художники, а ребенок – спортсмен. Вот такой «нежданчик». «Отдел комбинаторики» при распределении детей по родителям развлекается, чтоб родителям скучно не было. Ребенок непременно в чем-то будет совершенно не похож на родителя, совершенно не впишется в ожидания. Родители из династии врачей, а сын решает поступать на

философский факультет. Его всей врачебной семьей уговаривают «одуматься». И я не знаю, кому в этой ситуации тяжелее: ребенку, которого не поддерживают родители, или родителям, у которых рушатся ожидания. Принять ребенка – значит, в том числе принять ваши интеллектуальные «профильные несовпадения».

Только множественным интеллектом различия детей не ограничиваются. Есть еще психика. К настоящему времени достаточно подробно изучено влияние генетики на психику и поведение человека. (Да, опять-таки ребенок не «чистый лист».) Родительские гены и условия внутриутробного развития влияют на то, какой будет у человека нервная система. Свойства нервной системы сами по себе не предопределяют никаких внешних форм поведения, но они образуют почву, на которой одни формы поведения сформировать легче, чем другие. Этим можно объяснить, почему одни дети быстро усваивают нормы поведения, а другие сопротивляются. Почему одним детям легко удастся встроиться в школьную систему, а другим сложно. Почему одно и то же событие один ребенок может воспринять как травмирующее, а другой даже не расстроится.

Я думаю, вы уже не раз встречали различные научные и ненаучные деления людей на разные типы. Хочу предложить вам в этой главе вольный пересказ типологии Игоря Викторовича Боева^[3]. Его деление людей по психотипам основано на психофизиологических показателях. Если суть его научного исследования попробовать объяснить совсем по-простому, то выглядит это так. На каждого подростка крепят много датчиков, снимают показания. Потом сравнивают показания, и людей с одинаковыми значениями заносят в одну группу. По полученным результатам исследований, проводимых Боевым, свыше 2000 подростков четко расположились по группам. Оказалось, что внутри каждой группы, сформированной по физиологическим показателям, психологические характеристики тоже одинаковы. Это было видно по результатам психологических тестов.

Я попробую описать каждый психотип. Но тестов на определение типа не будет. В ситуации определения психотипа я отношусь к тестам как к попытке переложить ответственность. Если взять тест, который директивно укажет: «Ты на 100 % вот такого типа и больше никакого и поэтому у тебя в жизни все так», то это будет еще один ярлык: «Я – Кролик, я – Козерог, я – вот такой вот психотип». А кто сказал, что данный тест не может ошибаться? Что мы не можем ошибаться, отвечая на вопросы теста? Уважая тесты, я все-таки призываю не терять бдительности. В смысле наблюдательности. Когда мы не навешиваем ярлык, а начинаем наблюдать за собой или за своим ребенком, за своими (его) эмоциями, установками, мотивацией («Что сейчас сподвигло меня (его) на это поступок? Какая

внутренняя потребность?») и сопоставлять свое (его) поведение с проявлениями разных психотипов, то такое самоопределение приводит к повышению осознанности. Тест может дать ошибочный результат, но при этом не оставить сомнений. Если же вы обходитесь без теста, то сомнения появляются: может, этот тип, а может, вот этот. Сомнения – это прекрасно. В состоянии сомнения наблюдательность гораздо выше. Наблюдайте за своим ребенком, внимайте его словам. Знание типологии отрезвляет, излечивает от завышенных ожиданий, формирует понимание: «Я не должен ожидать от ребенка поведения, которое не свойственно его типу».

У Боева названия психотипов звучат пугающе: шизоид, циклоид, epileптоид, истероид. Это просто такие названия, а не диагнозы из учебника по психиатрии. Однако для удобства восприятия я все-таки решила в этой книге использовать другую терминологию, более благозвучную и понятную. Пусть будет так: *«творческий» ребенок*, *«правильный» ребенок*, *«звездный» ребенок*, *«дружелюбный» ребенок*.

Важно ведь опираться на индивидуальные особенности конкретного ребенка, а уж каким языком и какими терминами эти особенности будут описаны – это уже вторично. Поэтому можете после прочтения характеристик в свою очередь переименовать типы, как вам захочется.

Самое интересное: типы бывают смешанные. То есть если вы узнаете себя или своего ребенка в двух описаниях или даже в трех – это нормально, так тоже бывает. Просто при этом какой-то тип будет ведущим.

«Творческий» ребенок

Именно творческий, нестандартно мыслящий. Маленький изобретатель. В садике отличается способностью придумывать новые игры. Может производить на педагога странное впечатление: «А он у вас нормальный? Ходит всю прогулку один, сам с собой разговаривает». Да, нормальный. Он придумал себе игру и сам в нее играет. Компания для этого необязательна.

В школе пытливому уму таких детей бывает скучно. Потому что в доведении навыков до автоматизма элемент творчества отсутствует. Опять умножать трехзначное число на двузначное столбиком?! Зачем?! Я же это уже умею! И «творческий» ребенок начинает изобретать новый способ умножения. Не факт, что получится, но процесс изобретения нового гораздо увлекательнее, чем выполнение действий по образцу. Что при этом видит педагог? Что ребенок не понял материал и, как следствие,

неправильно выполняет задание. При своих высоких способностях «творческий» ребенок не всегда будет получать высокие оценки.

«ТВОРЧЕСКИЙ» РЕБЕНОК

МАРГАРИТА

СПОСОБНАЯ,
НО ЛЕНИВАЯ

НЕБРЕЖНАЯ,
РАССЕЯННАЯ,
ТВОРЧЕСКАЯ.
«БЕЛАЯ ВОРОНА»
СЧИТАЕТ ОСТАЛЬНЫХ
КУДА МЕНЕЕ
УМНЫМИ И
ТАЛАНТЛИВЫМИ,
ЧЕМ ОНА

БОЖЕ, КАКИЕ
ОНИ ВСЕ ТУПЫЕ...

НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ
ПОРЯДКА, РАЗДЕВАЕТСЯ,
«КАК ДЕРЕВО ОСЕНЬЮ»
«ЕСТЬ ДЕЛА И ПОВАЖНЕЕ»
ВСЕ ЗАВАЛЕНО ПЛАСТИЛИНОМ,
ЛЕГО, КИСТОЧКАМИ И Т.Д.
УРОКИ УЧИТ ХОРОШО, НО
ПУТАЕТ И ДЕЛАЕТ НЕ ТО,
ЧТО ЗАДАНО
ДРУЗЕЙ НЕТ И
НЕ НАДО

Действие по образцу – это то, что противоречит натуре «творческого» ребенка. Он даже конструктор редко собирает в точности по инструкции, непременно в процессе возникнет желание усовершенствовать модель, внести изменения в конструкцию. Это касается любой деятельности. Приготовить блюдо по рецепту? А что, если вот этот ингредиент заменить? Нарисовать портрет мамы к 8 Марта? Тогда пусть это будет портрет в стиле «кубизм». Почему на портрете нос и глаза

прямоугольные? Я художник. Я так вижу.

«Творческий» ребенок часто имеет увлечения помимо учебы. Более того, учеба в школе досадно мешает его основным увлечениям. Увлекается он страстно, с жадной глубины познания. Это не тот ребенок, который будет каждую неделю записываться в новый кружок и уходить через несколько посещений. Если «творческий» ребенок чем-то увлекся, то скорей всего это всерьез и надолго, до тех пор, пока познавательный потенциал выбранной темы не будет исчерпан. Не всегда, но часто его хобби приносят еще и практическую пользу. Например, увлекся компьютерной игрой, достиг в этом вершин мастерства, создал свой видеоблог о том, как нужно проходить миссии в такой-то игре, – другие ребята платят ему деньги за просмотр подсказок. Или увлекся плетением фенечек, браслетов из резиночек. Все дети в классе плетут браслетики, но у всех простенькие, одинаковые. А «творческий» ребенок непременно захочет глубже этот вопрос изучить. Он посмотрит сотни видеоуроков о том, как еще можно плести браслеты. Придумает свой способ, оригинальный. В результате появятся нескольких десятков браслетиков, которые можно продать одноклассникам.

Школу в целом или какой-нибудь школьный предмет «творческий» ребенок полюбит только при условии, если открывается возможность для творческой реализации. Если учитель оценит глубину и системность его мышления и будет задавать нестандартные задачи. А также если ему снисходительно разрешат игнорировать скучные нормы оформления тетрадей. Такие, как «отступать от края десять клеточек» или «слово «Задача» писать с заглавной буквы». Подобные мелочи «творческому» ребенку сложно запомнить, потому что его системно устроенный ум искренне не понимает, в чем смысл подобных правил. По-своему он прав, считая это занудством: «Какая разница, с большой буквы я пишу слово «Ответ» или с маленькой? Главное, что сам ответ правильный». Однако это может негативно сказаться на оценке, особенно в начальной школе, где оформлению и почерку придают большое значение. Небрежность и рассеянность в отношении того, что не попадает в зону непосредственного интереса, будут мешать отличной учебе. Учителя с сожалением говорят родителям, что их ребенок «способный, но ленивый», «способный, но витает в облаках». Проблемы именно в прилежности. Задачу решил правильно, но, оказывается, номер не тот задали. Учил английский, а вместо английского была биология. Для отличной учебы такой ребенок нуждается во внешнем контроле, потому что может увлечься идеей, не связанной с уроками, и бросить все силы на ее

реализацию, запустив все остальное.

А еще в школе для такого ребенка слишком суетно и шумно. Возне на перемене с веселой потасовкой он предпочтет чтение. Выбирает обычно научно-популярные книги, фантастику или фэнтези.

Потребность в общении у таких детей низкая. Они ценят людей, которые разделяют их интересы, при общении с которыми можно получить для себя какую-то пользу, чему-то от них научиться, что-то узнать. Однако нельзя сказать, что «творческие» дети нелюдимы. Нет, они вполне коммуникабельны и могут длительное время спокойно выносить присутствие других людей, если этого требуют обстоятельства. Они спокойно чувствуют себя практически в любом коллективе, не особо сближаясь, но и не конфликтуя.

Действие по образцу – это то, что противоречит натуре «творческого» ребенка.

К конфликту может привести только природное стремление к справедливости, честности. Например, если весь класс договорился оклеветать одного ученика или убедить учителя, что тот на прошлом уроке забыл задать домашнее задание, – в этом «творческий» ребенок предпочтет не участвовать. На сторону лжи он не встанет даже в ущерб личным интересам. Он прямолинеен и принципиален, нетерпим к неправильному мнению.

Что касается борьбы за истину, то в этом вопросе для «творческого» ребенка не может быть компромисса. Если весь класс находится под влиянием определенного лидера, а «творческий» ребенок в нем лидера не признает, то он легко может пойти против мнения класса. Класс решил объявить ему бойкот? «Творческий» ребенок не воспримет это как трагедию – он легко обойдется и без общения. Он вообще с трудом переносит многих сверстников за их глупость и суетливость. Предпочитает отстраненность, одиночество, за что в школе может получить ярлык человека со странностями, белой вороны.

Важно, чтобы был альтернативный коллектив. Например, театральная студия или кружок компьютерной анимации, где такие же творческие, увлеченные люди будут создавать ощущение собственной нормальности, компенсировать школьную изоляцию.

«Я переживаю, что друзей в классе нет, а он на меня смотрит удивленно и говорит: «Мама, ты действительно переживаешь из-за того, что я не испытываю потребности общаться с этими тупыми созданиями?» – рассказала одна мама на тренинге. Родителям иногда кажется, что ребенок «толстокожий», ничто его не трогает. Действительно, эмоциональные переживания

«творческих» детей слабо окрашены, но это не значит, что их нет. Есть, просто внешне они слабо проявляются, что совсем не означает душевной черствости.

Сопереживания «творческого» ребенка носят рациональный оттенок. Он не из тех, кто в ответ на несчастье близкого выдаст реакцию «обнять и плакать», зато его мозг сразу же запустит работу по поиску выхода из сложившейся ситуации. Нужна помощь – будет реальная практическая помощь без лишней суеты и эмоций. Да, ему тяжело долго выслушивать жалобы или нотации, ибо они засоряют мозг, поэтому он может прервать стенания коротким вопросом: «Что надо сделать?» Впрочем, при осознании необходимости он может научиться социально одобряемым стереотипам поведения, например выкажет приемы активного слушания, будет в нужном месте вздыхать и говорить что-то типа: «Да, я тебя понимаю». Но это только в старших классах школы, не раньше. А в семь лет ребенок может просто заткнуть уши, спасая мозг от информационного шума.

«Творческого» ребенка можно определить по моторной неловкости, неуклюжести движений и однообразной мимике. Внешний вид, особенно у мальчиков, часто неряшливый. Забывают причесываться, забывают заправлять рубашку в брюки. Даже умываться забывают. Понятно, что всех детей, независимо от психотипа, приходится учить быть опрятными. Но в случае с «творческим» ребенком порой кажется, что миссия невыполнима. Его утомляет рутина в поддержании порядка. «Творческий» ребенок раздевается, как дерево в пору листопада: просто скидывает с себя одежду там, где стоит. Да, он давно выучил, как надо складывать одежду и куда убирать. Но это же так ску-учно. Ему не до этих мелочей, его мысли заняты очередной гениальной идеей. Увлеченный этой идеей, он может тут же кинуться рисовать или лепить новый образ. «Одежда? Да потом уберу!» Родителям требуется много терпения и отказ от личного перфекционизма в стремлении к порядку. Проще смириться с локальным беспорядком в комнате «творческого» ребенка, чем продолжать вести выматывающую борьбу. Смириться с пластилиновыми завалами на подоконнике, где ничего нельзя трогать, даже пыль, – потому что там ведутся съемки пластилинового мультфильма (уже третий месяц). Смириться с тем, что уроки ребенок выполняет на полу. А где же еще? Стол-то завален декорациями. Остается только ходить, перешагивая «творческий» хлам, запинаться за ноги ребенка, выполняющего домашние задания лежа на полу, и ворчать себе под нос про то, что «тут у тебя ступить некуда» и «как же ты в своей семье жить будешь?». Как-нибудь... Он же творческий, он

придумает свой способ жить эту жизнь.

«Правильный» ребенок

«Правильный» не потому, что остальные неправильные, а потому, что соблюдает правила и, главное, стремится к установлению правил.

Обычно это физически выносливые обладатели крепкого телосложения. Мимика живая, жестикуляция энергичная. Демонстрируют жизнелюбие и жизнерадостность. «Правильные» дети изначально нацелены на успех и имеют на то основание, потому что обладают хорошими способностями к обучению. Они педантичны, аккуратны, старательны.

Обладая иерархичным мышлением, выстраивают в своем восприятии пирамиду из окружающих людей: кто получше – те стоят повыше, кто похуже – те пониже. Слушаться нужно тех, кто выше. Сами они стремятся к доминированию, возможности подчинять себе окружающих. «Правильные» дети предпочитают играть с теми, кто младше по возрасту, потому что ими легко командовать. В друзья по этому же принципу выбирают тех, кто не спорит, не оказывает сопротивления, соглашается со всеми их идеями. Таким образом, образуется классическая пара «ведущий – ведомый», и «правильный» ребенок будет стремиться занять позицию ведущего. Если же другой в паре проявит себя как более сильный или будет занимать более высокую ступень по своему социальному статусу, «правильный» ребенок сначала может признать его авторитет, согласившись на роль ведомого. Но только до тех пор, пока не придумает план, как стать ведущим. Судьба «свергнутого» лидера зависит от того, как он ранее обходился с нашим «правильным» ребенком, не обижал ли его. «Правильный» ребенок очень долго помнит нанесенные обиды и может годами вынашивать план мести. Он склонен к тонкому психологическому садизму и получает удовольствие от проворачиваемых интриг. Но очень бережет, как ценный ресурс, тех людей, которые чем-то для него полезны, которые помогут приблизиться к намеченной цели.

«ПРАВИЛЬНЫЙ» РЕБЕНОК

«Правильный» ребенок обладает хорошим социальным интеллектом. Легко заводит полезные знакомства, умеет производить впечатление. Может манипулировать, играя на сильных и слабых сторонах людей, улавливая их скрытую мотивацию. Склонен продавливать свою позицию в переговорах (дети тоже ведут переговоры). На уступки соглашается, если есть осознание, что в долгосрочной перспективе компромисс более выгоден.

«Правильные» дети честолобивы и меркантильны. Любят подарки, но не милые сюрпризики, а что-то существенное или, лучше, деньги: «Я сам знаю, что мне надо». Первая копилка появится у них еще в дошкольном возрасте. Копить могут не только деньги, но и конфеты и прочие «полезные ресурсы». В одной семье, где было несколько детей, но только один из них «правильный», регулярно разворачивался один и тот же сценарий. Родители приносили пакет конфет. Конфеты делились между детьми поровну – это правило завел «правильный» ребенок: чтобы всем одинаково. После того как другие дети все конфеты съедали,

выяснялось, что «правильный» свои конфеты не ел, а припрятал. И вот тут-то «правильный» ребенок доставал «заначку». Он знал, что делает: немного силы воли – и конфеты становятся в два раза вкуснее, потому что теперь он их единственный обладатель, а все остальные смотрят и завидуют. Это был его способ почувствовать власть, возможность влиять на других. В этот момент другие дети были готовы сделать за него какую-нибудь работу по дому или отдать монеты из своих копилки, чтобы получить конфету. Родители за это прозвали «правильного» сыночка капиталистом, посмеивались над ситуацией, но не вмешивались, так как все сделки между детьми проворачивались «на законных основаниях», с соблюдением договоренностей. При недостатке нравственного воспитания «правильный» ребенок мог бы для достижения желаемого использовать антисоциальные способы: грабеж, шантаж, обман.

Вообще, при воспитании «правильного» ребенка важно делать акцент на развитии морально-нравственных качеств, иначе его жизненным правилом станет «кто сильнее, тот и прав». Начиная с дошкольного возраста за ним потянется шлейф конфликтов, драк, обманов. В школе он организует «дурную компанию» или станет инициатором травли. В этом случае остановить его можно только с помощью другой силы. Силу он уважает, к тому же, как я уже говорила, он мстителен и злопамятен. Если такие дети терпят унижения от своего учителя в школьные годы, то потом, при достижении определенного уровня материального достатка, они не упустят возможности продемонстрировать этот уровень, похвастаться. Победоносно придут в школу и скажут учителю: «А ты говорил, что я в жизни ничего не добьюсь. Сравним, что теперь имею я и что ты?» Впрочем, некоторые не откладывают месть на такой дальний срок, а забивают в поисковик «Как отомстить учителю и не спалиться». От вариантов, которые предлагают друг другу мстительные деточки школьного возраста, взрослому человеку становится понятно, насколько опасна профессия учителя. Варианты предлагаются от «стащить ключ и запереть в кабинете» до «обвинить в педофилии». Ребенок не приготовился к контрольной, родители дома жестко наказали за двойку, а виноват с точки зрения ребенка учитель, вливший двойку. Поэтому машину учителя царапают гвоздем... Вот почему при воспитании таких детей важно уделять как можно больше внимания нравственному аспекту. Важно дисциплинировать, важно четко регламентировать деятельность, учить жить «в рамках», соблюдая правила. Хотя это непросто. Любые бытовые ограничения вызывают у «правильных» детей бурную реакцию. Родителям требуется колоссальное терпение, чтобы, выставляя

рамки, не перейти на уровень физических наказаний, если перейдут – это только укрепит у ребенка культ силы и агрессивную модель поведения. Родители должны поддерживать не только свой авторитет, но и авторитет учителя – сообщая легче удерживать ребенка в рамках. Если один взрослый будет обесценивать другого, то вскоре у ребенка не останется никаких авторитетов.

«Правильные» дети изначально нацелены на успех и имеют на то основание.

Плюсы при воспитании ребенка этого типа: можно опираться на силу рациональных аргументов. Если показать взаимосвязь школьных оценок и материальных успехов в дальнейшей жизни, ребенок (при наличии интеллектуальных способностей) будет учиться в школе азартно и без принуждения.

Среди школьных дисциплин «правильный» ребенок тоже установит иерархию: «Это важный предмет, по нему нужно все знать досконально, потому что потом сдавать вступительный экзамен, а это неважный, можно относиться формально». Может вести с учителем борьбу за власть. С учителями не конфликтует, только если чувствует свою уязвимость. Например, опасается, что учитель может завалить, помешать получить нужные баллы. Если же «правильный» ребенок чувствует за собой силу в виде поддержки влиятельных родителей или рассчитывает на бонус от инцидента в виде повышения своего рейтинга среди одноклассников, то он может позволить себе прямую конфронтацию с педагогом.

«Правильный» ребенок самый предсказуемый тип. Главное – понять, по каким правилам он живет.

«Звездный» ребенок

«Звездный» – не потому, что реально звезда, а потому, что так о себе думает. Субъективная заявка на исключительность.

Очень любит быть в центре внимания. Обычно это получается за счет внешней привлекательности, выразительной мимики и артистичной жестикуляции. Порой ведет себя неестественно, наигранно.

Вот две девочки на школьном дворе. Они о чем-то оживленно болтают. Но если все внимание одной направлено на подругу, то вторая в этот момент еще и на воображаемой сцене. Ее внимание как будто по периметру распределяется: «А видят ли меня? А какое я сейчас впечатление произвожу?» Говорит нарочито

громко, чтобы слышала не только подруга, машет руками, изображает эмоции.

На уроках «звездные» дети суетливы, беспокойны, везде вставляют свои замечания и комментарии. Замечания не отличаются рациональностью, комментарии не несут смысловой нагрузки, но им архиважно высказаться, лишь бы привлечь внимание. «Звездные» первоклашки часто на уроках тянут руку, даже не зная ответа. Учителя недоумевают: «Зачем тянуть руку, если нечего сказать?» Так ведь потребность у «звездного» ребенка в другом. У него потребность быть замеченным. Его спросили – значит, его заметил учитель. Он встал отвечать – значит, его заметил весь класс.

В общении с другими детьми много конфликтов, недоразумений, обид. «Звездные» дети ревнуют своих друзей и

ставят ультиматумы: «Или ты дружишь со мной – или с Машей. Если ты с Машей будешь играть, я с тобой дружить не буду». Тот, кто не захочет выбирать и приведет вполне логичный довод: «Я могу дружить и с тобой, и с Машей», сразу становится предателем и эгоистом. Никаких компромиссов. Родителям может казаться, что ребенок в школе больше отношения выясняет, чем учится.

«Звездный» ребенок не умеет быть наедине с собой. Ему нужна аудитория, нужны поклонники: кто-то ведь должен рукоплескать. Помните, как фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»: «Аплодируйте, аплодируйте!»

Если место лидера занять не удастся, «звездный» ребенок предпочтет быть при лидере «верным помощником и правой рукой», он будет льстить лидеру, греться в лучах его популярности, питая себя иллюзией, что в этой популярности есть и плоды личных заслуг. Предпочитает дружить с сильными учениками, чтобы была возможность списать, чтобы готовить на двоих один проект. «Ты сделаешь презентацию, а я выступлю, чтобы поровну поучаствовать» – могут и такое предложить. Вообще, очень много усилий тратится на то, чтобы казаться, а не быть. Потому что казаться, с точки зрения таких детей, важнее.

Складывается впечатление, что обучение «звездному» ребенку дается легко, но на самом деле он не всегда глубоко понимает связи, предметы, явления. Ему важно красиво презентовать. На упорный кропотливый труд у него нет ни времени, ни желания. Уровень жизненного тонуса обычно средний, поэтому требуется частая смена деятельности и перерывы на отдых.

Такие дети часто меняют кружки и секции. «Если не получилось стать тут первой и самой лучшей, то пойду в другое место».

Тяжело переживают поражение. Для того чтобы пережить неуспех, могут выдавать желаемое за действительное, изящно пуская пыль в глаза.

– Я почти занял первое место!

– Как так? Ты ведь даже третье не занял?

– Тот, с которым я был в спарринге, занял первое место, но мне просто соринка в глаз попала. А если б не попала, я бы его точно уложил.

– Но ты же проиграл тому, у которого третье?

– Я же по баллам проиграл. Так это судья засудил. Он мне запрещенный удар засчитал. А не было никакого запрещенного удара. Если бы судья не засудил и соринка в глаз не попала, у меня было бы первое место!

«Звездный» ребенок совершенно не критичен к себе и склонен обвинять окружающих в предвзятости. Всегда найдет массу

причин для объяснения «случайного» неуспеха. Поэтому высока вероятность конфликтов с одноклассниками. Ведь это они во всем всегда виноваты: не дали списать, поздно дали списать, дали списать, но неверное решение, шумели, мешали, испортили учителю настроение, и он из-за этого всем оценки снизил.

«Звездный» ребенок демонстрирует высокие амбиции при недостаточности усилий. Искренне верит, что сможет легко достичь привилегированного положения благодаря «способностям». Богатая фантазия, в которой он/она герой/звезда. А в реальном мире может присутствовать некая социальная пассивность, инфантильность: «Все равно добьюсь успеха. Как-нибудь. Потом».

Перед родителями стоит задача вырабатывать у «звездного» ребенка терпение, упорство и самоконтроль.

Перед родителями стоит задача вырабатывать у «звездного» ребенка терпение, упорство и самоконтроль. Очень важна родительская поддержка и помощь в учебе. Родители должны оставаться фан-группой, помогающей в самореализации, создающей ситуацию успеха.

«Дружелюбный» ребенок

Милые, добрые дети. Бывают веселые, шумные, болтливые, а бывают тихие и спокойные. Мягкое, приветливое выражение лица. Внешне обаятельны. С ними очень уютно общаться. Вежливы, доброжелательны. Из них получаются надежные друзья, готовые всегда прийти на выручку, выслушать, посочувствовать. Особенно посочувствовать.

В общении для них характерен мягкий юмор, без издевки и сарказма. С помощью доброй шутки умеют выходить из конфликтных ситуаций. Сами не конфликтуют и стараются помирить других. Тяжело переживают ссоры близких. Трагедией для девочки-школьницы может стать ультиматум «звездной» одноклассницы: «Если ты с ней дружишь, то со мной не дружи» – из-за невозможности выбора.

Обладают высоким жизненным тонусом, однако предпочитают жить «в режиме энергосбережения». Не ставят перед собой сверхзадач, довольствуются меньшим, чем могли бы. Отказываются от роли лидера, предпочитая быть душой компании. Умеют довольствоваться в жизни тем, что имеют.

«ДРУЖЕЛЮБНЫЙ» РЕБЕНОК

ЛЮДОЧКА
ДРУЖИЛКА

ОЧЕНЬ ДРУЖЕЛЮБ-
НА, НАДЕЖНА,
ОБЯТЕЛЬНА, НЕ
ЛИДЕР, НО ВСЕГДА
ВСЕХ МИРИТ, ТА-
ЖЕЛО ПЕРЕЖИ-
ВАЕТ ССОРЫ ДРУЗЕЙ

ДЕВОЧКИ,
А ДАВАЙТЕ
ВСЕ ВМЕСТЕ

В ПЕРИОДЫ
«ПЛОХИХ ОТНОШЕНИЙ»
НАЧИНАЮТ ПЛОХО
УЧИТЬСЯ

НИЧЕГО
НЕ ПОЛУЧИТСЯ

~~НЕ НОЙ~~

Пожалуй, единственной сложностью при воспитании такого ребенка являются периоды флегматичности вплоть до меланхолии. День-два, несколько дней с интервалом от месяца до года он может демонстрировать подавленное состояние, отсутствие привычной жизнерадостности. Некоторые дети склонны к затяжным депрессиям. Особенно если в период спада рядом не найдется человека, способного оказать эмпатическую поддержку. Самое разумное в таких ситуациях – поговорить с ребенком по душам о том, что его волнует, позволить ему прогулять один учебный день. Он потом все нагонит, а после спада в настроении всегда наступает ресурсный подъем.

Не стоит включать строгость, если учебные провалы происходят по причине эмоциональных переживаний.

К традиционной школе такие дети адаптируются достаточно легко, быстро заводят друзей. Но им крайне важно получить эмоциональный отклик, душевное тепло, чтобы общение не было излишне формализованным. Учатся хорошо, старательно, но скорее не для себя, а чтобы не огорчать близких. В периоды каких-то волнений, связанных с межличностными отношениями, могут терять работоспособность. Не стоит включать строгость, если учебные провалы происходят по причине эмоциональных переживаний, это лишь усилит глубину переживаний: «Меня не

понимают». Бывает тяжело выдерживать продолжительное нытье по любому поводу, но придется. Разговоры на тему «хватит ныть» и «сам виноват» с «дружелюбным» ребенком не проходят. Только поддерживать, подбадривать, говорить: «Мы вместе. Мы всегда тебе поможем».

Такие разные взрослые

Проблемы общения возникают от непонимания особенностей друг друга. Люди разных психотипов говорят на разных языках. Очень часто на консультациях приходится объяснять родителям: «Вы поймите, ваш ребенок – другой. Он не хуже и не лучше вас, он просто другой. И он действительно не может выполнить то, чего вы от него хотите».

Думаю, понятно, что приведенные выше характеристики распространяются не только на детей и подростков. Дети вырастают и превращаются во взрослых. В «творческих» взрослых или в «правильных» взрослых. В «звездных» или «дружелюбных». А также в «творческих» с элементами «правильности» и в «правильных» с элементами «звездности». (Вы же помните, что бывают смешанные типы? Кстати, они встречаются чаще, чем чистые.)

Идеальный вариант, когда, например, у «творческого» ребенка родители и педагоги тоже «творческие». Тогда они всегда будут на одной волне. Общими усилиями будут постигать азы науки, не особо расстраиваясь, что нет в их отношениях «дружелюбной теплоты». Но такой вариант бывает редко. Мне, например, в моей практике не встречался, хотя по теории вероятности могу предположить, что он существует. Зато встречался вариант «дружелюбной» мамы, которая обратилась за помощью к психологу, потому что «ребенок ее не любит». «Где? Когда я его упустила?» Да нигде. Просто у него другая натура. Ему не хочется подолгу сидеть вместе, обнявшись, делиться секретиками и вкрадчивым шепотом разговаривать о чувствах. Ему, творческой натуре, интересно обсудить научную гипотезу, поэтому он идет к товарищу по научной лаборатории, а мама в панике: «Сын не хочет проводить время со мной».

Или наоборот. «Дружелюбный» ребенок просит:

- Мамочка, побудь со мной.
- Хорошо, давай вместе читаем.
- Нет, не надо читать, просто поговори со мной.
- Разве не лучше потратить время на полезное дело?
- Я просто хочу пожаловаться, какая несчастная у меня жизнь!

– А ты не жалуйся. Не вижу смысла в нытье. Нытьем ничего не исправить. Надо не жаловаться, а искать решение.

– Ах, меня никто никогда не понимает!

Дочь уходит в депрессию не на классические пару дней, а на целых четыре.

Есть ли выход? Выход в понимании. В понимании разности натуры. Натура – это не приобретенные поведенческие привычки, она «выдана при рождении». «Поговори со мной, мама, о том, как я несчастна» – это не блажь и не каприз, а потребность «дружелюбного» ребенка. И если ребенку отказывают в удовлетворении этой потребности, то возникает эмпатический провал. Регулярные эмпатические провалы приводят к формированию ощущения отвержения: «Меня не понимают и не принимают».

«Дружелюбная» мама очень любит детей, и своих, и чужих. Радостно приветствует у себя дома всех подружек дочери. Заботливо заплетает подружке сложную косу, такую же, как у своей родной дочки: «Вот теперь вы обе красавицы, обе с прическами принцесс!» «Звездная» дочка возмущена: «Что ты, мама, наделала! Это я! Я! Я должна быть красавицей и принцессой! Только я! Теперь, когда мы обе с красивыми прическами, мне будет меньше внимания!»

Выступление детского творческого коллектива на концерте, посвященном кому-то или чему-то. Открывает концерт кто-то очень главный. И вместо запланированных пяти приветственных минут говорит четверть часа, что приводит к сбою в расписании. Выступления приглашенных творческих коллективов по минутам были расписаны. Но кто ж решится прервать монолог САМОГО ГЛАВНОГО. Администрация (а на такие должности чаще идут «правильные» натуры) принимает решение кого-то из детей на сцену не выпускать. Для «звездного» ребенка это психологическая травма. Девочка рыдает: «Как так? Я же готовилась, я же наряжалась, у меня же в зале бабушка с фотоаппаратом и мама с камерой. Да мое выступление должно было стать самым главным событием концерта!» А ее «правильный» папа с иерархичным мышлением не понимает размера дочкиной драмы. Для него в этом нет никакой трагедии. Да, главный говорил долго. Но он же ГЛАВНЫЙ. Имеет право, и точка. Поэтому папа категорично пресекает дочкины рыдания: «Хватит реветь! Льешь слезы на пустом месте! Вот вырастешь до уровня этого дядьки, и тогда твое выступление никто не отменит. Вон посмотри, подружка твоя нисколько не расстроилась». Для «звездной» дочки двойная травма: папа только что дал ей понять, что она пока вообще никто, да еще и обратил внимание не на нее, а на подружку. Ее «творческая» подружка в этот момент сочиняет сказку, мыслями она далека от происходящего и никакой трагедии тоже не видит. Подумаешь, не выступили. Зато сейчас в буфете пирожное поедим.

Группа детей едет на соревнование в другой город. Навигатор

завел на уже не существующую дорогу. В результате опоздали на регистрацию. По правилам группу не допускают до соревнований. «Звездная» мама возмущается. «Как же так, ведь мы успели до начала соревнований. До соревнований еще целый час. Разве можно так наказывать детей, которые готовились к выступлению!» («Вы сорвали мой звездный триумф, триумф мамы ребенка-победителя.») «Правильный» тренер не спорит с организационным комитетом: «Правила есть правила. Правила едины для всех, не имеет значения, кто и откуда приехал», он игнорирует маму, потому что в его спортивной иерархии она вообще никто. Эмпатичный «дружелюбный» родитель поддерживает шутками всю группу (главное, чтобы дети не расстроились), находит слова и для утешения «звездной» мамы (видно ведь, как она расстроилась), и для утешения тренера (чувствуется, что он тоже расстроен, просто не показывает виду).

Подготовка выпускного класса к последнему звонку. Совместно с классным руководителем обсудили дресс-код: цвет блузок, фасон и допустимую длину юбок. Однако у «звездной» девочки есть задача выделиться. Поэтому на мероприятие она приходит в стильном брючном костюме. «Правильная» учительница категоричным тоном заявляет: «В таком виде ты на сцену не выйдешь. Наряд принципиален. Это не показ мод, а выступление коллектива на большой сцене. Коллектива! Здесь

важна каждая деталь. Вам нужно показать себя как коллектив, сформировать единый образ, а ты собралась показывать себя на общем фоне». Девочка расстроилась, что «звездный» выход не удался. Ее «дружелюбная» мама увидела в этом отвержение любимого чада, долго плакала на тему «нас здесь не любят», искала защиту у директора.

«Правильный» ребенок очень любит порядок. Поэтому он ходит по квартире и прибирается. Он сам так придумал: прибираться по понедельникам, определяя всему, что найдет, свое место. Расчески на мамином трюмо выкладываются строго параллельно зеркалу, помады – в ряд по росту. Папины бумаги собираются в одну аккуратную стопочку, предварительно они сортируются по формату. Листы А3 – вниз, А4 – сверху, а записочки с цифрами и формулами, по всему столу разложенные, ребенок кладет в отдельный конвертик. Его «творческий» папа, гениальный инженер, без пяти минут кандидат наук, превращается в «без двух дней кандидат наук», потому что за пять минут в наведенном порядке нужные бумаги не найти. Они ведь не просто так по всем горизонтальным поверхностям были разложены. Там была определенная логика, ведущая к научному открытию...

Дети приходят в этот мир не для того, чтобы оправдывать наши ожидания.

«Творческий» ребенок решил задачу. Да, не так, как в учебнике, а своим способом. Да, он не выучил теорему, но смог доказать ее в процессе решения. Да, он не написал часть решения, потому что «сделал это в уме и это вообще элементарно». «Правильный» учитель не принимает такую работу. Ему надо, чтобы решение было оформлено по образцу, и решено способом, как было всем показано в классе, а если иначе, то это неподчинение авторитету учителя.

«Правильный» папа заставляет сына ходить в спортивную секцию. Потому что у него есть установка: «Каждый ребенок должен заниматься спортом» А ребенок у него «творческий», ему претит общество других детей и необходимость строиться по свистку тренера. Ребенок, дабы не ссориться с родителем по вопросам физического совершенствования, начинает дома выполнять упражнения на определенные группы мышц, вешает в комнате боксерскую грушу. Папа, однако, непреклонен: ребенок должен заниматься не физкультурой дома, а именно спортом. «В спорте ведь главное дисциплина! Что значит – тренер тупой? Он тренер, и его надо слушаться! Ну и что, что тренер пришел с похмелья. Это не повод над ним смеяться. Он старше, и его надо

уважать».

Примеров могу привести много, а объединяет их одно: субъективная картина мира. У каждого из нас имеется своя картина мира, свои шаблоны суждений, свои убеждения, свои фильтры восприятия. Информация из окружающего мира проходит через эти фильтры. Что-то отсеивается, что-то пропускается. Одну и ту же учительскую фразу разные дети по-разному воспринимают. «Контрольную работу написали плохо!» – рубит воздух ладонью «правильный» учитель, подводя итоги. «Дружелюбный» ребенок начинает сочувствовать одноклассникам и самому учителю, который, вероятно, очень расстраивается, когда ставит двойки. «Звездный» ребенок думает только о себе, о своей оценке, о возможных последствиях для себя. «Творческий» тоже думает. Но совсем не об учителе, сотрясающем воздух, и не о контрольной, которая не первая и не последняя, тем более что у него скорее всего четверка. (Точно не пять, потому что один балл, как обычно, снизят за оформление.)

Дети приходят в этот мир не для того, чтобы оправдывать наши ожидания. Иначе почему они так часто совсем не похожи на нас по характеру? Я уже от многих психотерапевтов слышала, что даже для них самым сильным развивающим фактором выступил собственный ребенок. Перед родителями стоит задача научиться понимать и принимать своего ребенка. Смириться с его непохожестью. Смириться с выбором ребенка. Смириться с его отказом посещать спортивную секцию. Смириться с желанием дочери носить только черные майки и рваные джинсы, а не те красивые юбочки, что любит покупать мама. Смириться с отсутствием желания читать книги из семейной библиотеки, которую с такой любовью собирали родители. Смириться с желанием изучать в вузе философию вместо приобретения востребованной профессии. Смириться со своей тревогой относительно стабильности и устроенности будущего ребенка. У ребенка свой путь. И его на этом пути нужно не ломать, а поддерживать.

Часть 3

Первый раз в первый класс

Выбирая школу...

Выбирая школу, ориентируйтесь не только на показатели успеваемости учеников и процент поступления в престижные вузы. В начальной школе это наименее важно. Важен первый учитель. Сможет он если не привить любовь к учению, то хотя бы не убить имеющийся познавательный интерес? Сможет ли обеспечить легкую адаптацию? Сможет ли создать дружескую атмосферу в детском коллективе? Или вселит страх и неуверенность, настроит класс против конкретного ребенка, сделав его изгоем? Выбирайте учителя не по количеству отличников в его классе, а по количеству счастливых глаз детей, когда дети выбегают на перемену.

Выбирайте учителя не по «заслуженности», а по совместимости с вашим ребенком. Особенно если ребенок ранимый, чувствительный, плохо выдерживающий интенсивный темп. Ему очень тяжело будет с авторитарным, строгим, нацеленным на высокие результаты своих учеников педагогом. Хорошо, если есть положительные рекомендации от знакомых, но ориентируйтесь не только на их обобщенный отзыв «очень хороший учитель». Уточните, что именно они считают «хорошим», и сопоставьте, подходит ли это лично вашему ребенку. В каждом классе есть родители, которые боготворят учителя, и родители, убежденные в том, что с педагогом им не повезло. Потому что критерии «хорошести» могут быть разными.

– Ой, нам так не повезло. Учитель молодюсенькая, только после института, никакого опыта. Дисциплину не держит, класс организовать не может.

– Ой, нам так повезло. Учительница молодая, энергичная, еще не выгорела, работать хочет. Улыбчивая, детей любит. Дети ее тоже любят.

Это об одном и том же человеке.

– Нам очень повезло с учителем. Она заинтересована в хорошей успеваемости. Большой опыт. Она много может дать ребенку. Спрашивает, конечно, строго. Задает на дом много, но это потому, что на уроке старается нестандартные задания разбирать, задачи к олимпиаде решает. Дети ее слушаются.

– Нам не повезло с учителем. Она на высокие результаты нацелена. Ощущение, что результаты важнее психики детей. Нагрузку большую дает, задания сложные, темп высокий, не все дети справляются. Отстающих стыдит. На отвлекающихся сразу орет. Дети ее боятся.

И это тоже об одном и том же человеке. Понятно же, что

«повезло» – это про совпадение приоритетов у родителей и педагога.

Выбирая учителя, постарайтесь прояснить, есть ли у вас совпадение приоритетов («главное – здоровье» или «пятерка любой ценой»?). Ну и просто интуитивно, какое первое впечатление учитель произвел? Понравился вам? Контакт с детьми скорее «теплый», чем «холодный»? Совпадает ли ваш ребенок с учителем по «скорости»? Если ребенок медлительный, то для него лучше, если педагог будет неспешно говорить и двигаться. Быстрая речь, чрезмерная жестикуляция, высокая скорость сменяемости заданий медлительного ребенка будут напрягать.

Медлительный ребенок может раздражать «быстрого педагога». И наоборот, вертлявый, суетливый ребенок способен вывести из себя «медленного» педагога. Конечно, если учитель профессионал своего дела, он найдет подход к любому ребенку, независимо от собственного темперамента. Но если вы не уверены, что перед вами настоящий профессионал, подстелите соломки, пусть будет как можно больше совпадений. По скорости, по приоритетам и даже по внешности. Хорошо, если внешне (черты лица, фигура) или по манере поведения (голос, мимика, жесты) учитель будет напоминать человека, с которым у ребенка когда-то сложились хорошие отношения. Например, учитель похож на любимую няню или воспитательницу детского сада. Или даже на вас, на маму. Редко, но так бывает: смотришь на человека, слушаешь, как он говорит, что он говорит, и появляется ощущение родственной души. С таким человеком легко идти на контакт. Конечно, трудно выбрать педагога по такому принципу, но ведь не случайно учителя начальной школы называют «вторая мама».

ВЫБОР ШКОЛЫ

1

УЧИТЕЛЬ СХОДНОГО
С ВАШИМ РЕБЕНКОМ
ПСИХОТИПА

2

БЛИЗОСТЬ К ДОМУ
(СОН, САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ,
ДРУЗЬЯ ВАЖНЕЕ ПРОГРАММЫ)

3

ТУАЛЕТЫ, ЧТОБЫ РЕБЕНОК
НЕ ТЕРПЕЛ ДО ДОМА И
НЕ БОЯЛСЯ ТУДА ЗАЙТИ

4

ДА У НЕГО
ШЕСТОЙ
АЙФОН, О ЧЕМ
С НИМ РАЗГОВАРИВАТЬ...

КОНТИНГЕНТ, ЕДИННЫЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Выбирая школу, предпочтите ту, что ближе к дому. Чем ближе, тем лучше. Первокласснику физически тяжело рано вставать и ехать в супершколу через весь город. Я помню, как приезжала в школу к первому уроку, когда вела информатику у первоклассников. Зима. Малыши только отогрелись с мороза. Сидят за партами, сложив руки, как полагается, одна на другую. А глаза такие сонные, что с трудом перебарывала в себе желание выключить свет и предложить им досмотреть свои сны. Но есть цели, структура урока и поурочное планирование. Поэтому: «Здравствуйте, дети, открываем рабочие тетради на тринадцатой странице».

Школа возле дома – это лишний час сна. Нет, он совсем не лишний... Школа рядом с домом – это и приятели-одноклассники во дворе. Это общение после уроков на игровой площадке. Это – «Мам, а можно к нам Федя в гости зайдет?». Это – «Мам, можно я после уроков к Жене?». Это – «Мам, мы у Кати во дворе играть будем». Это больше возможностей для детской дружбы. Очень важно, чтобы в классе было много друзей. Выдерживать школьную нагрузку и давление авторитарного педагога при условии отсутствия друзей почти нереально. Тогда вообще

никакой отдушины. А так на перемене можно подзарядиться от дружеского общения.

Школа рядом с домом – это возможность самому приходить в школу и возвращаться домой. Это ранняя самостоятельность, поднимающая самооценку ребенка. Если он может сам в любой момент дойти до школы, то это повышает вероятность его участия в различных внеклассных мероприятиях, так как перед родителями не стоит проблема отвезти-встретить. А чем больше взаимодействия с одноклассниками во внеурочное время, тем выше шансы на дружбу.

Выбирая школу, выбирайте ее направление. Нет, я не про окна на юго-восток по фэн-шуй. В деятельности школы бывает приоритетное направление. Например, предметное (физико-математическое, лингвистическое, эколого-валеологическое, историко-краеведческое, художественно-эстетическое) Предметам по выбранному направлению уделяется повышенное внимание, отводится больше часов в неделю, более сложная программа. С этим все понятно. Желательно, чтобы «любимый предмет» школы совпадал с любимым предметом у вашего ребенка. Не стоит детей с ярко выраженным логико-математическим интеллектом и слабым лингвистическим отдавать в языковую гимназию.

Бывает так, что у школы нет какого-то предметного уклона, но есть значимое досуговое направление. Во многих школах есть творческие коллективы, кружки, секции, которые учащиеся посещают по желанию, в свободное от уроков время. Танцевальный коллектив, хор, вокально-инструментальный ансамбль, баскетбольная команда, шахматный клуб, команда КВН, театральная труппа. Создаваться они могут по инициативе вдохновленного педагога (иногда по принципу «занять детей чем-то полезным»), но если коллектив – команда – труппа занимает где-нибудь призовое место, то становится гордостью школы, ее визитной карточкой. Администрация школы поддерживает досуговое направление, потому что результаты положительно влияют на имидж образовательного учреждения. Ребенок, который по своим интересам и способностям совпадает с досуковым направлением школы, легче адаптируется и комфортнее себя чувствует, потому что школа негласно транслирует ему: «Ты важен для нас». Талантливому солисту прославленного школьного хора могут даже завышать отметки по предметам.

Выбирая школу, попробуйте представить: если бы школа была человеком, какой у нее был бы психотип? Школы тоже бывают «звездные», «правильные», «творческие» и «дружелюбные».

«Звездная» школа нацелена на успех. Победы, призы, медали,

высокое место в рейтинге лучших школ. Там любят учеников, которые помогают в этот рейтинг попасть.

Конечно, все школы любят, когда их хвалят, но далеко не все относятся к успеху с надрывностью, потому что для них это не основная мотивация. Получилось – хорошо. Нет – ну и ладно. В «звездных» школах эта надрывность присутствует. Они работают на внешний имидж, им важно создать ареол элитарности. Там ажиотаж при поступлении.

А теперь самое интересное. Большинство школ – «никакие».

Про «звездные» школы родители часто ворчат, что пафоса много, а реальные знания дают совсем не на заявленном уровне. При этом спрашивают строго, без репетитора на хорошую оценку не выйти. «Звездные» учителя «звездной» школы направляют все усилия на работу со способными детьми, которым гарантировано поступление в престижные вузы. «Слабенькими» там заниматься не хотят, намекают родителям на перевод в другую школу. От троечников проще избавиться, чтобы статистику не портили. «Быстрее! Выше! Сильнее!» – вот девиз «звездных» школ.

«Дружелюбная» школа нацелена на психологический комфорт. Здесь совсем другой подход: школа для детей, а не дети для школы. Никаких вступительных экзаменов, двери открыты каждому. Маленькое уточнение: каждому, чьи родители готовы платить за обучение, потому что обычно «дружелюбные» школы – это частные школы. В таких школах не больше десяти человек в классе, чтобы у педагога была возможность учитывать личностные особенности каждого ученика. Там очень гибкое расписание, выходные и каникулы готовы подстроить под пожелания родителей. У педагогов и родителей обычно формируется крепкое чувство «мы»: «Мы сотрудничаем на благо наших детей». Учителя в «дружелюбных» школах опекающие: «Как нам сделать лучше для вас?»

«Правильная» школа нацелена на порядок и дисциплину. Суворовские училища, к примеру, – очень «правильные». Строгая форма. Строгий распорядок дня. Строгие условия приема. Учителя задают рамки: «Необходимо и достаточно». В отличие от «дружелюбной» школы вы не встретите здесь ученика с пирсингом, зелеными волосами или в рваных джинсах. В уставе прописаны и допустимые прически, и цвет рубашек, и длина юбок.

«Творческая» школа нацелена на глубину познания. Там меньше формальных правил, нет строгой иерархии, как в «правильной» школе. Имидж у таких школ достаточно

«звездный», но он формируется скорее как побочный эффект, а первичным является то, что и учителя, и ученики фанатично влюблены в науку или искусство (зависит от направленности заведения). Внутри достаточно демократично, нет строгой иерархии, как в «правильной» школе. К форме относятся либерально – «творческих» учителей обычно не волнует, в чем ребенок пришел на урок, главное – что у него в голове. Учителя и ученики скорее коллеги, которых объединяет общий интерес: «А давайте еще вот это исследуем».

А теперь самое интересное. Большинство школ – «никакие». В том смысле, что их сложно однозначно отнести к какому-либо определенному типу. Есть немного от «правильной», есть немного от «звездной», а вот этот учитель вполне себе «дружелюбный»... На мой взгляд, чтобы школа стала школой определенного типа, нужна жесткая политика; руководство школы может меняться (уходит один директор, приходит другой), но общая направленность остается. «Никакая» школа – это даже хорошо, потому что ребенку любого психотипа легче к ней адаптироваться.

«Правильная» школа хороша для «правильного» ребенка. «Звездная» – для «звездного». Если вы видите, что школа «правильная» с элементами «звездности», пожалуй, не стоит отдавать туда свободолюбивого и беспечного «творческого» ребенка, которому важно быть принятым, поскольку «дружелюбность» в нем тоже присутствует.

* * *

Первого сентября во всех школах страны проходят торжественные линейки. При наличии хорошей погоды это действо происходит на улице. За год до того, как ваш ребенок станет первоклассником, можно заглянуть в ту школу, куда вы планируете отдать сына или дочь. О том, какого типа данное учебное заведение, можно понять по сценарию праздника.

Вот «дружелюбная» школа. Дети с букетами рядом родители. Директор улыбается тепло и приветливо. Учитель улыбается тепло и приветливо. Всем радостно. Звенит звонок, веселой гурьбой дети бегут в класс, родители идут с ними, фотографируют, снимают видео. Учитель подготовила для всех веселые конкурсы и сюрпризы. А потом общее чаепитие в классе, на котором родители имеют возможность познакомиться друг с другом.

Вот «правильная» школа. Строгие правила гласят, что

родители не должны мешаться. На линейке их оттесняют подальше, к забору. Из-за рослых старшеклассников родителям первоклашек не видно, как там их ребенок, один, в толпе незнакомых людей. Ничего, пусть привыкает. Официальная часть пафосная и... скучная для первоклашек. (Но ведь школа не развлечение, разве не так?) Вот детей стройными рядами заводят в школу. Родителей туда не пустят, нечего им там делать. Первый раз за партой – это, конечно, очень важное фото, но сделает его не мама, а специальный фотограф, с которым у школы контракт.

Вот «творческая» школа. Линейка больше похожа на концерт. Песни – танцы – сценки, подготовленные учениками, перемежаются напутственными речами администрации. Директор школы улыбается непринужденно и естественно.

Вот «звездная» школа. Директор улыбается, как для обложки глянцевого журнала. Непременно сообщит, что всем несказанно повезло учиться «в лучшей школе»! В прошлом году «школа снова попала в топ-300 лучших школ России» (о том, что в этом рейтинге она на 299-м месте, директор скромно умолчит). В «звездной» школе речи тоже могут быть разбавлены концертными номерами, подготовленными «нашими лучшими учениками».

Сценки, которые разыгрываются на праздничной линейке, тоже могут раскрыть систему ценностей данной школы.

Вот сценка, в которой действующие персонажи – Мэри Поппинс (конечно же, она выходит под песню «Я само совершенство») и Пеппи Длинныйчулок в пестрой одежде с нелепым чемоданом. Мэри Поппинс приходит в ужас: «Разве можно в школу с такой прической и в такой одежде!» Потом Мэри Поппинс устраивает испытания: «Ты же не знаешь элементарных вещей!» Она высмеивает чемодан и мягкую игрушку, которая оказалась в чемодане вместо учебников и тетрадей. (Подразумевается, что в этом месте первоклашки должны смеяться.) Однако леди Совершенство весьма благосклонна к Пеппи и соглашается взять ее в школу и учить уму-разуму. И вот происходит волшебное превращение Пеппилотты в ученицу. Под скинутыми пестрыми одеждами на ней оказывается строгая школьная форма с эмблемой образовательного учреждения. Мэри Поппинс дарит девочке вместо «чумадана» школьный ранец. И, приглаживая ее торчащие косички, вздыхает: «Однако сколько же еще придется потрудиться, чтобы из тебя человека сделать». Пожалуй, это все, что нужно знать об отношении к ученикам в этой школе...

Выбирая школу, выбирайте атмосферу. Что вы чувствуете, когда переступаете порог школы? Напряжение? Желание сжаться,

развернуться и выбежать? Раздражение и агрессию? Или спокойствие, интерес и желание пройти дальше? Что вы слышите? Как гардеробщица орет на детей? Как завуч отчитывает старшекласника? Как подростки матерятся? Или как дети смеются? Как обсуждают лабораторный опыт? Как поет школьный хор во время репетиции? И еще. Чем пахнет при входе в школу? Свежей выпечкой или канализацией?

Выбирая школу, выбирайте... туалеты. Уютные туалеты для психологического комфорта школьников даже важнее, чем уютные классы. Увы, до сих пор во многих школах отсутствуют кабинки в туалетах – только перегородки между унитазами. Невозможность уединиться тяжело переживается застенчивыми детьми. Дети стараются дотерпеть до дома, отказываются от еды и питья в школе, чтобы не возникла необходимость в посещении туалета. Стремление избежать насмешек одноклассников может привести к привычке подавлять естественные позывы, а последствием могут стать хронические запоры, растяжение прямой кишки и даже геморрой. Девочки-подростки во время критических дней стараются найти повод, чтобы прогулять школу, только бы не менять прокладку при свидетелях. Ведь в туалетах на переменах очень оживленно. Там и красятся, и списывают, и сплетничают. Не каждый учитель отпустит в туалет во время уроков. А если отпустит, то может бросить колкое замечание, сделав ребенка объектом насмешек одноклассников. Так что еще раз скажу: выбирая школу для своего ребенка, загляните в туалет.

Выбирая школу, ориентируйтесь на людей, рядом с которыми придется быть все эти годы. Подойдите и послушайте, как и о чем говорят дети, выходя из школьных дверей. (Дети обычно очень громко разговаривают, вам даже слух напрягать не придется.) Оцените материальный достаток родителей. Это не трудно сделать по внешнему виду детей и гаджетам, которые они держат в руках. По маркам машин, на которых этих детей встречают. Особенно если ваш ребенок «звездный». Потянете ли вы его запрос «чтобы все было как у всех и даже лучше»?

Знакомый мне «звездный» ребенок, девочка Маша, две недели прогуливала школу по причине того, что потеряла свой смартфон. Родители со словами: «Вот тебе, раз не умеешь беречь вещи!» – вручили ей старый кнопочный телефон. И Маша предпочла прогулять, опасаясь насмешек одноклассников.

Возле школы обычно много родителей, когда в начальных классах заканчиваются уроки. Подойдите к школе в это время. Оцените атмосферу, спросите себя: «Я чувствую себя на равных с другими родителями?»

Попробуйте через знакомых узнать, как в этой школе принято отмечать дни рождения, выпускные. Куда детей возят на каникулах. Какие подарки дарят педагогам. Какую сумму обычно собирают на нужды класса.

Спросите себя:

- «Я смогу купить своему ребенку то, что есть у других детей его класса?»
- «Я смогу оплачивать все те развлечения, на которые будет решено идти всем классом?»
- «Я смогу без ущемления своих интересов скидываться на нужды класса?»
- «Я смогу поддерживать своим кошельком традиции школы?»
- «Я смогу выложить ту сумму на выпускной вечер, с которой согласится большинство?»
- «Если я решу уменьшить бюджет мероприятия, хватит ли у меня энергии убедить остальных?»

Конечно, расходы – дело добровольное, можно не платить. Можно не скидываться на подарки, не ездить на экскурсии и, в конце концов, не пойти на выпускной. Но ребенок в классе станет изгоем.

Какими будут одноклассники, легко ли будет общаться с ними – это даже более важно, чем по какой программе в выбранной школе ведут математику. Я проводила опрос среди своих читателей. Спросила: если оглянуться назад и погрузиться в школьные переживания, с чем они будут связаны? Что сложнее давалось: учеба, отношения с учителями, отношения с родителями или отношения с одноклассниками? Что тяжелее всего переживалось? В какой сфере было больше проблем и негативных эмоций? Пятьдесят восемь процентов опрошенных (а их было более тысячи) на первое место поставили переживания из-за отношений с одноклассниками.

* * *

Идеально подходящую по всем параметрам школу найти очень непросто. Скорее всего, придется сравнивать несколько школ, в каждой из которых будут свои плюсы и свои минусы. Простой подсчет минусов выбор не облегчит. Потому что выявленный вами недостаток может быть «минусиком», а может быть «минусищем». С каждым минусом нужно разбираться детально.

Этот минус временного характера или постоянный?

Примеры временного минуса

В этом классе у ребенка нет ни одного знакомого. Все друзья из садика идут в другую школу. Ничего, через какое-то время ребенок познакомится со всеми детьми из нового класса.

- Школа учится в две смены, но через год закончится ремонт второго здания школы, и все дети смогут учиться в одну смену.

- По финансам эту школу сейчас сложновато тянуть. Но через год закончится декретный отпуск, мама выйдет на работу, и будет нормально.

- Школа находится далеко от дома. Но в перспективе семья планирует купить квартиру рядом с этой школой.

Следующий вопрос: чем я могу компенсировать минусы конкретной школы?

- Вторая смена в школе? Прекрасно. Можно с утра ходить в бассейн.

- Школа далеко от дома? Час в день мы будем проводить с ребенком в дороге. Целый час разговоров с ребенком каждый день – это ценно.

- В школе нет продленки. Найдем няню.

- Сложная программа. Многие жалуются, что ребенок сам не может справиться с домашними заданиями. Значит, будем помогать, найдем репетитора. Зато ребенок будет больше знать, больше шансов поступить в престижный вуз.

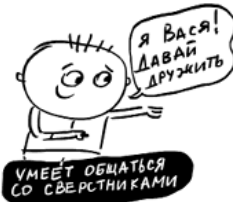
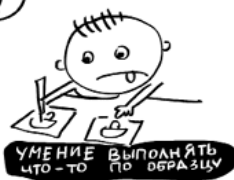
При желании почти все минусы можно компенсировать. Но важно задать себе третий вопрос: хватит ли моего ресурса противостоять этим минусам? Хватит ли времени, нервов, денег?

Психологическая готовность ребенка к школе

Когда отдавать ребенка в школу? Понятно, что когда ему исполнится 7 лет. Или 6? Важно сделать это не ранее, чем ребенок будет психологически готов к обучению!

Было время, когда считалось, что если ребенок умеет писать и читать, то он готов к школе. Не факт. Ребенок может не уметь читать и писать, но при этом он готов к школе психологически. А может быть и наоборот: умеет писать, умеет читать, но при этом совершенно не готов к школе.

Моим одноклассником в первом классе был пятилетний сын учительницы параллельного класса. По-видимому, она была настроена сделать из него вундеркинда и поспешила отдать его в школу. Мальчик умел читать, и казалось, этого достаточно для того, чтобы учиться в школе, он потянет программу первого класса. Программу, может, он бы и потянул, но сидеть 45 минут на одном месте ему было тяжело. Он вертелся, отвлекался, засовывал ноги в парту, рисовал ручкой на полях в тетради, на своей ладошке, на белом фартуке соседки по парте и на самой парте. За все это ему, естественно, влетало от учительницы. Ребенок ежедневно получал кучу замечаний. Постоянная ситуация неуспеха. Моторика рук была еще слабо развита. То есть она соответствовала его возрастной норме, но писать наравне с семилетками ему было тяжело. Он отставал от класса, не успевал за учителем во время диктантов. Конечно же, у него был плохой почерк, за что его критиковала учительница. На переменах он доставал из портфеля игрушки и играл сам с собой. Мальчишки из класса не принимали в свои игры «этого малявку». В результате его оставили на второй год, но мама, наученная горьким опытом, отправила ребенка еще на один год в садик, а потом, через год, он снова пошел в первый класс, но уже в другую школу, со своими ровесниками.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ШКОЛЕ

Даже если ребенок демонстрирует высокие интеллектуальные способности, это не означает, что он готов к школе.

- Ребенок готов к школе, если у него есть устойчивая мотивация к учебе. Ему нравится узнавать что-то новое. Он понимает важность и необходимость учения. Высоко оценивает статус школьника. Деловито рассуждает, какой ему нужен портфель, с удовольствием выбирает канцтовары для школы.

- Ребенок готов к школе, если умеет выполнять задания по образцу, может правильно перенести в тетрадь простейший графический узор, свободно ориентируется в пространстве листа (верх – низ – право – лево). Он уверенно владеет ножницами и карандашом, не устает писать в течение десяти минут. Он умеет находить сходства и различия разных предметов. Он умеет устанавливать простые логические связи между предметами и явлениями. Он может объединять предметы в группы на основе общих признаков. Он способен запоминать информацию и пересказывать ее.

- Ребенок готов к школе, если он умеет общаться со сверстниками, налаживать с ними дружеские связи, подчиняться обычаям детских групп. Он понимает, что есть другие, поэтому способен спокойно дождаться при опросе своей очереди. Он умеет

слышать одноклассников. Адекватно реагирует на успех или неудачу другого ребенка. Может встать на точку зрения другого, взглянуть на себя или свою деятельность со стороны.

- Ребенок готов к школе, если он обладает определенными навыками самостоятельности. Он умеет быстро переобуть сменную обувь, переодеться в физкультурную форму. Может быстро поест и убрать за собой тарелку. Может самостоятельно сходить в туалет и обязательно вымоет после этого руки. Готовясь к уроку, аккуратно положит учебник и тетрадку на парту. Это мелочи, но от того, насколько быстро и качественно ребенок справляется с этими мелочами, зависит отношение к нему учителя и одноклассников.

- Ребенок готов к школе, если в предложенной задаче он может отличить важное от неважного. В задаче про маму, у которой было пять яблок и три из них она раздала, важно количество, цвет яблок не важен. Взрослым это кажется очевидным, а дети могут мыслить иначе. Работаем с первоклашками, выполняем задание в тетрадях по информатике. Решали логическую задачку, где через рассуждения из условия нужно было понять, каким цветом какой предмет раскрасить. Туфли – красным. Платье – зеленым. Вероника все красит зеленым. «Почему?» – спрашиваю. «Потому что красные туфли к зеленому платью не подходят!» Ответ логичен, но условие проигнорировано: то, что нужно подобрать комплект, девочка сама придумала. Это не нестандартное решение, как может показаться. Это непонимание учебной задачи.

- Ребенок готов к школе, если он умеет регулировать свое поведение. Если он способен сорок минут высидеть на одном месте. Не вскакивать с места без разрешения взрослого, не выбегать из класса, если чем-то недоволен. В моем классе был мальчик Ваня. Ваня убежал. Обижался и убежал. Потому что спросила я не его, а другого ребенка. Потому что сделала ему замечание. В первый раз я попала в ситуацию сложного выбора: бежать ловить Ваню по школе означало оставить без присмотра в классе двадцать других малышей. Во второй раз я заранее на всякий случай заперла дверь кабинета. Ваня не смог открыть и стал в истерике биться головой о дверь... А вот Леночка не убегала. Леночка, когда ей не нравилось какое-либо задание, залезала под парту. И Ваня, и Лена пошли в школу в шесть лет. «Почти в семь», – посчитали родители, потому что в ноябре и декабре детям исполнилось по семь лет. По уровню психологической готовности лучше было бы подождать еще год. Да, есть дети, которые в «почти семь» уже обладают необходимым уровнем саморегуляции поведения. Но ориентироваться нужно не

на них, не на статистическое большинство, не на советы знакомых, а на собственного ребенка и его возможности.

• Ребенок готов к школе, если он может выполнять не только интересные задания, но и скучные, рутинные, например писать одинаковые крючочки до конца строки. В традиционной школе преимущественно работает простое правило: «Хочу не хочу – пишу и молчу». Звучит грубовато, категорично, но я пока не встречала учителя традиционной школы, который скажет: «Если не хотите, то можете ничего не писать». Ребенок учится делать то, что в данный момент не хочется, но надо. Кстати, нужный навык по жизни. Взрослым людям тоже довольно часто приходится делать то, что не хочется, но надо. Например, в крупных компаниях, когда решается вопрос формирования кадрового резерва, обязательно оценивают претендентов по компетенции «исполнительская дисциплина». Попросту говоря, смотрят, насколько человек готов выполнять то, что ему скажут. Быстро, четко, без лишних вопросов. «Нельзя» и «надо» нужны ребенку для формирования собственной воли: «Мне это надо. А вот это делать нельзя». Сначала ребенок учится регулировать свое поведение под влиянием внешних ограничений, потом образ ограничивающего взрослого впечатывается в память и становится «внутренним» взрослым. Впоследствии этот «внутренний» взрослый будет говорить: «Тебе надо сейчас сделать это».

При подготовке к школе дошкольников для прояснения границ «хочу» и «надо» можно использовать следующую практику. Нарисуйте на листе сектора – красный, желтый, зеленый (я называю их полянами).

Красный – я делаю то, что надо, что скажет мама (воспитатель, тренер).

Зеленый – я делаю что хочу.

Желтый – мы обсуждаем, мы договариваемся; я делаю то, что хочу, но с некоторыми ограничениями.

Очень много капризов, протестов, непослушания у ребенка возникает в двух случаях:

1. Когда слишком много зеленого. Слова «надо» здесь нет. Ребенок не привык встречать отказ, знает, что всего можно добиться истерикой.

2. Когда слишком много красного. Запреты душат, ребенок начинает отвоевывать себе хоть маленький кусочек зеленой полянки... Причем он не понимает, что отвоевать реально, а что нереально, а не умея договариваться (ведь желтая поляна тоже не проявлена), протестует против всего подряд, на авось – вдруг получится хоть чуть-чуть сдвинуть границу красной поляны.

Объясняем значение полян ребенку. Для наглядности делаем бумажную куклу и три наряда к ней. Ребенок привлекается к оформлению нарядов, раскрашивает один наряд красным, другой желтым, третий зеленым. В зеленом платье можно гулять по зеленой поляне. В желтом – по желтой. Проблемы начинаются тогда, когда мы в зеленом платье приходим на красную поляну. Это про несоответствие ситуации.

Пришла девочка в школу, учителя не слушает, делает что хочет, еще и учителя перебивает во время объяснения, начинает рассказывать про то, как выходные провела и куда ездила. Это ситуация из разряда «девочка в зеленом наряде на красной поляне». Используя наглядность, можно показать, что есть свободное время: зеленая поляна, кукла надевает зеленое платье и гуляет по поляне, делает что хочет. Но вот начинается занятие – это красная поляна. Значит, кукла в красном платье должна выполнять то, что велит педагог. Если кукла во время занятия встает и делает что хочет, значит, она забыла, что нужно

переодеться в красное платье. Или наоборот: стоит кукла в красном платье на зеленой поляне и ждет, когда ей скажут, что надо делать. А никто ничего не говорит. Вокруг все бегают, играют кто во что хочет.

После того как вы проиграете на полянках разные ситуации, нововведения войдут в повседневную жизнь. «Дочь, сейчас время красной поляны. Мы садимся и делаем уроки. После этого у тебя будет два часа зеленой поляны, когда ты можешь делать все что хочешь, а перед сном будет время желтой поляны со спокойными делами. Ты можешь выбрать любую книгу или настольную игру, я с тобой почитаю или поиграю».

Взрослые, кстати, тоже часто путают поляны, хотя тут все просто.

Зеленая: это твой выбор.

Красная: это мое решение.

Желтая: твой выбор в обозначенных мною рамках.

Примеры:

«Ты можешь выбрать любой кружок, любую секцию, я поддержу любое твоё решение. И даже если ты решишь никуда не ходить, ничем не заниматься, меня этот вариант тоже устроит». – Это послание с зеленой поляны.

«Ты будешь заниматься хоккеем, потому что это лучший вид спорта». – Папа стоит на красной поляне.

«У меня есть идея, что заниматься спортом полезно для здоровья. Кроме того, я беспокоюсь, что при наличии большого количества свободного времени ты слишком много будешь играть в компьютерные игры и смотреть видео. Как минимум одна секция – это обязательно. Но ты можешь выбрать сам, чем будешь заниматься. Плавание? Футбол? Фигурное катание? Я даю тебе неделю на размышление, чем бы ты хотел заниматься. Ответ «ничем» не принимается. Если выбор не сделаешь ты, в конце недели за тебя его сделаю я». – Это желтая поляна.

«Может, уже спать? Время позднее? Не хочешь еще?» – Это вопрос из зеленой поляны.

«Можешь не спать, почитать в кровати, но только никаких больше теликов и компьютеров». – Это компромисс из желтой поляны.

«Через 10 минут я выключаю свет! Чтобы все были в кроватях!» – Это распоряжение из красной.

А теперь примеры полянной путаницы.

Мама иногда задает вопрос из зеленой поляны: «Может, домой пойдем? Ты не устал гулять?» А сама при этом из красной поляны берет и уводит, хотя ребенок говорит, что он не устал. Определиться бы сначала с возможностями: можно еще погулять

или нужно срочно возвращаться домой? Если нужно срочно возвращаться домой, то это красная поляна, и тогда просто ставим ребенка перед фактом: «Через десять минут идем домой, заканчивай игру». А вопрос «Может, домой пойдем?» подразумевает возможность отказа.

Ребенку дали деньги, сказали: «Это твои, карманные, купи что хочешь». У ребенка иллюзия зеленой поляны. Он идет и покупает чипсы с газировкой. Дома родители видят «эту гадость», отбирают, выбрасывают, читают лекцию о вреде для организма сахара, красителей, консервантов и канцерогенов, содержащихся в чипсах. Учат на будущее, что покупать нужно было это или это, в крайнем случае вот это. Эх, думает ребенок, а так все хорошо начиналось... Чувствует, что его жестоко обманули... Поляна-то оказалась желтой, с возможностью личного выбора, но достаточно ограниченной.

Еще пример, когда мама стоит одной ногой на зеленой поляне, другой на красной и кричит: «Может, уже пора пообедать? Кушать хочешь? Как это нет?! Быстро за стол! За стол, я сказала!»

Примеры полянной путаницы с моих консультаций.

– Когда ваш ребенок просто сел порисовать – это какая поляна?

– Зеленая.

– Тогда почему вы так настаивали, чтобы он взял в руки карандаш, а не ручку?

– Карандашом ведь лучше получится.

– Когда вы твердо знаете, как лучше, и настаиваете на своем выборе – это какая поляна?

– Красная... получается.

– Вы уверены, что в ваших отношениях с ребенком действительно много зеленой поляны?

Еще пример. Разбираем конфликт мамы с дочкой-подростком.

– Я спросила, во сколько она придет домой. Говорит, что в восемь вечера. А я говорю, чтоб в семь была. Она берет и в восемь приходит!

– Вопрос «Во сколько ты придешь домой?» подразумевает, что ваша дочь может сама решить, когда ей вернуться. Это зеленая поляна. Она ответила из зеленой поляны, что в восемь, и пришла в восемь.

– Но я же сказала, чтоб в семь дома была!

– Это прямое указание. Из красной поляны. Зачем тогда нужен был вопрос из зеленой поляны? Вы сами своим вопросом сначала отправили дочь на зеленую поляну, а потом пытаетесь из

красной до нее докричаться.

Бывает, что родители скачут по полянам от переполняющих эмоций. То в порыве гнева и отчаяния мама кричит: «Вообще больше не буду проверять твои уроки! Делай что хочешь! Живи как знаешь!», переселяя сына с его уроками на зеленую поляну. А через час, напившись валерьянки и набравшись решительности, мама из красной поляны командным тоном вещает: «Немедленно открывай дневник, учебник, тетрадь!» Ребенок в недоумении: только что ему дали свободу и тут опять...

Границы дозволенного – где кончается «хочу» и начинается «надо» – должны быть четко определены, так легче и для детей, и для родителей. Если вы решили, что какая-то деятельность будет отнесена в красную поляну, то необходим контроль. Если же ранее сказали «как хочешь» – то уже не контролировать, не ругать, не стыдить, не принуждать. Можно обговорить с ребенком условие перехода из одной поляны в другую. Например: «Я не вмешиваюсь в твои школьные дела до тех пор, пока меня не вызывают в школу за поведение и успеваемость». Или так: «Пока в твоём дневнике пятерки и четверки, ты можешь сам решать, делать или не делать домашнее задание. Но если появятся тройки, я начну контролировать, проверять каждую работу». Причем для каждого ребенка эти границы индивидуальны. С одним ребенком приходится больше контролировать и помогать, а другой самостоятелен. Если в семье два ребенка и более, не всегда получается применять к ним одинаковые правила. Обязательно ориентируйтесь на индивидуальные особенности ребенка.

Кружки и секции в первом классе

На первую консультацию я всегда прошу приходить без ребенка. Даже если родитель считает, что проблема исключительно в ребенке. Без ребенка – потому что требуется собрать много информации. А для этого надо задать много вопросов. Далеко не все вопросы корректно задавать при ребенке. Это я так всем родителям при записи на консультацию объясняю. Но на самом деле в процессе разговора может выясниться: проблема вовсе не в ребенке...

– У нас сложности во взаимопонимании с ребенком. Всегда все было нормально, а теперь она стала врать.

– С чем вы это связываете?

– С ленью. Она какая-то ленивая стала. Стараться не хочет.

– А можно поподробнее, в чем эта лень проявляется и в каких случаях дочка врет?

– Спрашиваю ее: уроки сделала? Говорит, что сделала, сидит играет. А потом оказывается, что не сделала. И так уже много раз было. Потом начались проблемы с кружком рисования. Сама ведь рисовать захотела, я не заставляла. Это в дворовом клубе, прямо в нашем доме. Она сама на занятия ходит. А теперь оказалось, что не всегда ходит. Случайно узнали. Уйдет как будто на кружок, а сама гуляет. Она у меня, в принципе, самостоятельная. В магазин за хлебом тоже сама ходит. Сдачу стала в последнее время терять. Я ее ругала за рассеянность. А потом ключи в ее портфеле искала – и деньги нашла. То есть она врет, что сдачу потеряла. Я ее спрашиваю: «Зачем ты мне врешь?» Молчит. Я ей говорю: «Ты молчишь, я тоже с тобой разговаривать не буду». Так два дня и молчали... Еще врет, что поела. А я смотрю, котлета в унитазе плавает. Пока я по телефону в комнате разговаривала, она котлету в унитаз спустила.

Есть закономерность: «Врут тому, кому правду говорить бояться». Если от котлеты необходимо избавиться таким варварским способом, то, скорее всего, у ребенка нет шанса отделаться от нее другим путем.

Относительно других фактов вранья это тоже справедливо. При выяснении подробностей мои предположения подтвердились.

Если котлету не выбросить в унитаз, ее придется съесть. «Не съешь котлету, не получишь планшет», – говорит мама. Причем планшет разрешен только в выходной, а котлету нужно съедать ежедневно.

Если не присвоить себе сдачу, то не будет карманных денег. Карманных денег девочке не дают. Потому что она непременно «купит какую-нибудь ерунду». Например, пиццу или сосиску в тесте – то, что обычно покупают одноклассники в школьном буфете. «Там выпечка невкусная. Я же дома вкуснее готовлю», – недоумевает мама и принципиально не дает на это деньги. А дело вовсе не во вкусе. Дело в интересе. Это интересно: сбегать на перемене в буфет, купить пиццу, разделить ее с подружками. Непременно разделить, потому что в другой раз они тебя угостят. Это подтверждение факта дружбы: если мы друг друга угощаем, значит, мы дружим. Между подружками начинают формироваться свои традиции. Сложно дружить, если не можешь поддержать традиции. У девочки есть интерес, есть потребность в поддержании традиции, а денег нет... Но можно присвоить себе сдачу, соврав, что потеряла.

Если не прогулять рисование, то вообще останешься без

прогулки. Потому что кроме рисования («это же рядом с домом, вообще без напряга») еще английский («репетитор на дом приходит»), плавание («всего раз в неделю, для здоровья полезно») и танцы («обязательно надо, она же девочка»). Таким образом, каждый день расписан. Свободным остается только вечер после 20:00. Ну как свободным... Уроки делать надо...

– А поиграть время остается?

– Уроки сделает и может играть. Но она редко успевает поиграть. Ленивая потому что, рассеянная, отвлекается, вот и за уроками так долго сидит. Еще плакать начинает, когда видит, что времени уже много и скоро спать.

Единственная возможность поиграть – это соврать, что уроки сделаны...

Если суммарно сложить все кружки и уроки, получится, что каждый день девочка занималась по расписанию 8–9 часов – это рабочий день взрослого человека.

Мне сразу вспомнился отрывок из книги «Поллианна» американской писательницы Элинор Портер.

«Ознакомив племянницу с распорядком дня, мисс Полли поднялась со стула и направилась к выходу.

– Но тетя Полли! – испуганно крикнула Поллианна. – Тетя Полли! Когда же я буду жить? Вы мне совсем не оставили времени.

– Жить? – удивленно подняла брови тетя Полли. – Не понимаю, что ты имеешь в виду, дитя мое. Все мы живем, пока Господь не приберет нас к Себе. И ты живешь, чем бы ни занималась.

– Ну, да, да, тетя Полли! Конечно, все время, пока я буду заниматься, я не перестану дышать или двигаться. Но это не значит, что я буду жить. Вот ведь когда я сплю, я тоже дышу, но я же не живу. Когда я говорю «жить», тетя Полли, я имею в виду, что я могу делать то, что хочется».

Так сколько часов в день живет ваш ребенок?

Это не значит, что нужно уйти в другую крайность и освободить ребенка от всех дополнительных занятий (хотя такой вариант тоже возможен).

При выборе нагрузки нужно ориентироваться на два критерия: желания ребенка и его возможности. В данном случае «возможность» – это про ресурсы организма, позволяющие выдерживать нагрузку.

Одна девочка много всего хотела. Она была из тех, про кого писала Барто: «Драмкружок, кружок по фото... мне еще и петь

охота». Однажды она упала в обморок на репетиции... Другая девочка при подобной нагрузке в обмороки не падала, но стала очень нервной, плаксивой. Что-то не получилось – и сразу в слезы... Третья стала часто болеть...

Признаки того, что нужно сбавить нагрузку, связаны также со сном.

1 вариант. Ребенок плохо спит, у него сложности с засыпанием, беспокойный сон, частые ночные кошмары.

2 вариант: Ребенок хорошо спит. Слишком хорошо. На ходу засыпает. За столом может уснуть во время обеда. В раздевалке, в ожидании тренировки. Приходит из школы – и засыпает, хотя ночью тоже был полноценный сон.

Конечно, и первый, и второй вариант – повод дойти до невролога и терапевта. Но порой проблема уходит, если сбавить нагрузку.

Признаки нормальной нагрузки

- Ребенок с удовольствием ходит на занятия (бывают дни, когда идти не хочется, но чаще идет без сопротивления).

- Ребенок бодр и активен, сон и аппетит нормальные. («Нормальный аппетит» – это значит «как обычно» у конкретного ребенка. Если обычно у него избирательный аппетит – «это ем, а это не ем» – или он с младенчества был малоежка, то это и есть его индивидуальная норма.)

- Ребенок вовремя ложится спать, не засиживается допоздна за уроками.

- Ребенок не стал более нервным, агрессивным или плаксивым.

- Каждый день в режиме дня ребенка присутствует прогулка на свежем воздухе.

- У ребенка остается свободное время, которым он может распоряжаться по своему усмотрению.

- У сопровождающего взрослого нет устойчивого ощущения замотанности: «Весь день бегом. Как белка в колесе». Иными словами, и ребенок, и взрослый успевают жить.

Оценки в первом классе

Я помню свою первую оценку. Это была звездочка. Большая синяя звездочка. И это было очень-очень плохо. Потому что те, у кого тоже было плохо, но получше, чем «очень-очень», получили маленькую синюю звездочку. За хорошую работу счастливики получали маленькую красную звездочку. За очень-очень хорошую работу красная звездочка увеличивалась до большой.

Свою первую оценку я получила в детском саду. В тот неудачный день я допустила ошибку, выводя печатные буквы простым карандашом. А из пенала куда-то исчез ластик. И тогда мне в голову пришла гениальная идея стереть ошибку пальцем. Для надежности я его еще послонявила. От моего усердия очень скоро на месте ошибки образовалась дыра.

Методист собрала тетради у детей подготовительной группы на проверку. На следующий день она вернула мне тетрадь с большой синей звездой на обложке. Я возненавидела методиста. Как она могла поставить мне синюю звезду и сказать при всех, что это очень-очень плохо? Мне было очень стыдно и казалось, что я хуже всех. Поразительная метаморфоза самооценки. Буквально день назад я считала себя самой умной девочкой группы, потому что единственная из всех уже умела читать и всегда правильно отвечала на вопросы воспитателя. И тут огромная синяя звезда на обложке...

Один из негативных факторов обучения в школе – его оценочность.

Потрясение было настолько сильным, что сейчас, спустя тридцать лет, я отчетливо помню, как выглядела эта звездочка, и свою эмоцию ненависти к методисту. Мне крупно повезло, что оценку я связала исключительно с личностью методиста и мое отношение не перешло на воспитателя, иначе я бы возненавидела и воспитателя, и все занятия, которые она вела. Мне крупно повезло, что воспитатель в тот момент меня поддержала, посочувствовала и выразила уверенность, что это случайность и больше у меня не будет синих звездочек. Мне крупно повезло, что родители не стали упрекать меня за синюю звездочку, а просто купили новый ластик. Иначе не знаю, как бы сложились мои отношения с учебой.

А теперь внимание: на тот момент мне было семь лет. Семь лет – это возраст первоклассника. (Я – осенний ребенок и в школу пошла в неполных восемь лет.) В семь лет я была психологически

не готова к оценкам.

Оценочность – это то, что добавляет напряжения в любую деятельность. Ожидание оценки превращает ситуацию в стрессовую. Сравните сами ситуации, когда вы просто болтаете с подругой и когда вы находитесь на собеседовании, желая устроиться на работу. И там, и там вы делитесь какими-то фактами о себе. По сути, происходит одно и то же. Но как по-разному в этот момент вы себя ощущаете! С подругой общение происходит легко и непринужденно. А на собеседовании вас оценивают, поэтому может появляться волнение, напряжение, вызванное желанием контролировать каждую фразу.

Один из негативных факторов обучения в школе – его оценочность. Практически вся деятельность ребенка в школе подвергается оценке. Оценивают учителя. Оценивают родители. Оценивают одноклассники. Зная, что оценка тяжело бьет по психике ребенка, запрещено ставить оценки в первом классе, однако и здесь учителя находят выход из положения и вводят оценку, только не виде баллов в дневнике, а виде наклейчек. Некоторые учителя приходят к «наклейочной» системе оценивания под давлением родителей, которым крайне необходимо знать, как же учиться их ребенок. То есть как учитель оценивает его способности и старания.

Оценки в первом классе ставить нельзя, это чревато для детской психики. Однако во многих гимназиях оценки появляются даже не в первом классе, а еще раньше, на подготовительных курсах. Это, кстати, еще одна причина, по которой я не стала водить своего ребенка на подготовительные курсы: чтобы он не встречался с оценками раньше времени.

Но оценки нас догнали в детском саду.

Однажды с утра я привела ребенка в садик. Заметила красивые елочки на каждом шкафчике, старательно раскрашенные малышами. Порадовалась, как красиво украшают к Новому году группу. А вечером я узнала, что елочки «с душком»...

– У меня уже есть одна наклейка! – похвастался ребенок, когда вечером мы шли из садика домой.

А потом, вздохнув, добавил:

– А у Насти уже две. У меня не получилось хорошо погулять.

– Что значит не получилось хорошо погулять?

– Ну, это когда не бегаешь, не балуешься. Девочкам, конечно, легче хорошо гулять. Они почти не бегают.

– А как связаны «хорошо гулять» и наклейки?

– Когда ты что-то хорошо делаешь, тебе дают наклейчку. Ее надо на свою елочку наклеить. У кого будет больше всех

наклеечек, Дед Мороз принесет приз.

Вот такую систему оценивания детей придумали воспитатели. Я сразу вспомнила очаровательного шестилетнего мальчика, которого привели ко мне на консультацию по причине формирующегося невроза из-за введенной оценочной системы. Только там были не наклейки. Там были фишечки. На каждом шкафчике висел карманчик. За хорошее поведение и правильные ответы на занятиях воспитатель выдавала ребенку фишечку, которую нужно было положить в карманчик. За 10 фишечек на шкафчик приклеивалась медаль. Целый день, изо дня в день дети группы находились в стрессе оценивания и конкуренции.

Самое ужасное было то, что заработанные фишечки воспитатель могла изъять из карманчика за «плохое поведение». Самый первый оделся на прогулку – получи фишечку. Самый последний оделся – минус фишечка. Дети наперегонки бежали к скамеечке с обувью, чтобы не остаться последним и не потерять фишечку. При этом важно было никого не задеть, не толкнуть, потому что если толкнешь, то минус фишечка. А если толкнули тебя – ты попадаешь в ситуацию, когда дать сдачи и отстоять свои границы равносильно потере фишечки и медали в перспективе. (Вы что для себя выбираете: отстаивание границ личности или продвижение по службе с повышением оклада? Согласитесь, подобный выбор очень непросто сделать даже взрослому.)

Мама мальчика как-то застала в раздевалке такую сцену: один ребенок запутался в штанах. Пока он их крутил и

выворачивал, сильно отстал от остальных. Он рыдал и просил друга подождать его. Представляете дилемму второго ребенка? Поддержать друга в беде и потерять фишечку. Или сохранить девятую фишечку, за которой будет уже медаль, но есть риск потерять друга. Даже на уровне взрослого это непростой нравственный выбор. Не все дети могут справляться с таким нервным напряжением. Некоторые влетают в невроз и попадают на прием к психологу.

Я представила, что нам предстоит прожить в ближайшие две недели, пока на шкафчиках висят елочки. Каждый вечер ребенок будет мне перечислять, кому и за что дали наклейку. Будет радоваться каждой своей наклейке и досадовать, когда наклейка достанется другому. Может быть, до слез обидится, если решит, что наклейки распределяют несправедливо. Или придумает всю прогулку спокойно просидеть на скамеечке, только чтобы заработать наклейку. Дети в группе станут считать, у кого сколько наклеек, и оценивать по ним, кто лучше, кто хуже. У детей в этом возрасте еще неустойчивая самооценка, отсутствие наклеек может очень болезненно восприниматься.

Что предлагают педагоги, вводя в обиход такие елочки? По сути, выстраивание детей по рейтингу. Чей рейтинг выше, чей ниже. Вскоре дети начнут думать друг о друге через призму количества наклеек. Кто из них лучше, кто хуже. Дети могут начать смеяться над теми, у кого мало наклеек. В детском коллективе активизируется чувство зависти. Начнется напряженное соперничество между «хорошистами». Ведь приз обещан только один, а хочется каждому. Может возникнуть соблазн переклеить наклейку с чужой елочки на свою...

По рассказам родителей я знаю, что в некоторых первых классах учителя вводят подобные системы: «У нас в классе висят такие елочки. Кто ответил правильно или сделал доклад – плюс наклейка; баловался на перемене или в столовой – минус наклейка. Наклейка отдирается зачастую с частью елки. Многие дети до слез переживают по поводу этих елочек». Если многие дети до слез переживают, то лично для меня это уже повод отказаться от системы. Но не все педагоги так думают: «Мы обсуждали на родительском собрании, рассказали, как остро реагируют дети, особенно на срывание наклеек, но учитель считает, что это хороший воспитательный момент. Оценок пока нет, а как-то наказывать надо».

Не стоит каждую наклейку, выданную педагогом, рассматривать как фактор невротизации ребенка. «Наклейка» не равно «невроз». Наклейка может выполнять разные функции, и сами системы, при которых используются наклейки, могут быть

разными.

Система может быть просто поощрительной – когда ребенок получает наклейку за выполненную работу. При этом отсутствует сравнение с другими детьми и конкуренция между ними – никакого обещания приза лучшему и выстраивания по рейтингу. Сделал домашнюю работу – вот тебе наклейка. Даже если работа выполнена неправильно, есть ошибки, все равно – наклейка, потому что старался. Ошибки несложно исправить. Нужно дать понять ребенку, что ошибки – это нормально: «На ошибках учатся. Хорошо, что ты дома позанимался». И это, пожалуй, единственный вариант, когда наклейка не имеет ничего общего с традиционной школьной оценкой. Это не оценивание, это поощрение.

Рейтинговая система – это когда детей в классе или группе выстраивают по рейтингу, в зависимости от количества полученных баллов (оценок, фишек, наклеек). Была у нас рейтинговая система в вузе первые три курса. Очень стимулировала. Особенно после слуха, что на вторую ступень обучения возьмут только первых шестьдесят по рейтингу, а остальных студентов выпустят с дипломом о неоконченном высшем. Особо рьяные студентки за дополнительный балл к рейтингу на семинарах старались заткнуть своих одноклассниц, перебивая, не давая им ответить. После каждой сессии рейтинговый список вывешивался на всеобщее обозрение, и каждый про каждого мог узнать, на каком он месте по успеваемости среди студентов своего курса. Но это уже студенты. Люди в большинстве своем с устойчивой самооценкой и работающими компенсаторными механизмами. Плохую учебу они могли компенсировать сами для себя акцентированием на других своих достоинствах. То есть последний по рейтингу не особо переживал сей факт, потому что, несмотря на низкий балл в рейтинге, пользовался вниманием девушек. Или: «Да, я плохо учусь. Но я уже неплохо зарабатываю». Студенты понимали: «плохие результаты в учебе» не равно «я плохой», но вот в начальной школе дети в этом месте могут поставить знак равенства. Поэтому я категорически против использования подобных систем в школе. При этом я не считаю травмирующими детскую психику различные игры-соревнования, даже если в них кто-то из детей бывает расстроен проигрышем, – это тоже ценный для ребенка опыт. Но одно дело – игра, ограниченная во времени и пространстве. И совсем другое – рейтинговая оценочная система, которая охватывает всю жизнедеятельность ребенка внутри школы, включая поведение на переменах. Это уже чрезвычайная нагрузка на психику. В первом классе ребенку и так

непросто, приходится адаптироваться к новому социальному статусу, новому образу жизни, новому коллективу, новой деятельности.

Берегите психику детей. Родители имеют полное право просить отмены подобных систем. В этом вас поддержат и методическое объединение психологов, и районо.

В районо на этот счет даже имеется **Письмо Минобразования РФ от 25.09.2000 № 2021/11—13 «Об организации обучения в первом классе четырехлетней начальной школы»**. Там вот что написано:

«Следует помнить, что дети этого возраста эмоционально реагируют на неуспехи и неудачи в своей деятельности, могут болезненно относиться к стилю отношения взрослого к себе, эмоционально (иногда неадекватно) реагировать на замечания и критику своей деятельности, требуют постоянно положительной поддержки и одобрения. В первом классе четырехлетней начальной школы исключается система балльного (отметочного) оценивания. Недопустимо также использование любой знаковой символики, заменяющей цифровую отметку (звездочки, самолетик, солнышки и пр.). Допускается лишь словесная объяснительная оценка».

(На момент написания книги новой редакции документа я не нашла, из чего делаю вывод, что документ не потерял актуальности.)

«Объяснительная оценка» – это значит объяснить, где неправильно. Без ярлыков «плохо», «лентяй», «глупая ошибка».

Не нужно доносить эту информацию об оценках до детей, выставлять и стыдить «двоечников» перед всем классом.

Если заглянуть во ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт), то там мы можем найти такой пункт: «Успешность усвоения программ первоклассниками характеризуется качественной оценкой на основе листа оценки образовательных достижений, включающего совокупность критериев освоения программы первого класса. Качественная оценка может быть выражена оценкой «зачтено»/«незачтено»... Лист оценки образовательных достижений используется учителем при составлении отчета по итогам работы за учебный год». То есть оценка возможна только в конце учебного года и нужна она для итогового отчета. О детях, получивших «незачет», будет знать завуч школы, родители этих учеников, и этого вполне достаточно. Не нужно и крайне нежелательно доносить эту информацию до детей, выставлять и стыдить «двоечников» перед всем классом.

Многие педагоги, особенно с большим опытом работы, могут на это возразить, что законы пишутся теоретиками, а педагоги-практики знают, что без оценок нельзя. Иначе дети не стараются, родители в течение года не видят «реальной картины успеваемости». Они по-своему правы. У них приоритеты другие. Когда я говорю, что оценок в первом классе быть не должно, я ставлю на первое место психологический комфорт каждого ребенка. Когда учитель-практик говорит о том, что оценка необходима, он ставит на первое место учебный процесс и уровень усвоения материала большинством детей класса.

Если требовать отмены оценок через район не хочется, так как это может повлечь ухудшение отношений с учителем, можно снизить последствия влияния оценки, работая в направлении психической устойчивости своего ребенка.

Не все дети болезненно реагируют на оценки. Если вспомнить типы личности, «творческие» дети, вероятнее всего, не будут из-за них переживать. «Дружелюбные» станут переживать, если в их сознании произойдет сцепка явлений: «Мне не дали наклейку» равно «Меня не любят. Меня отвергают». «Звездные» дети будут переживать из-за своей потребности быть в центре

внимания (больше наклеек равно больше внимания). «Правильные» дети легче других примут рейтинговую систему из-за встроенной в их натуру иерархичности мышления.

Эта система очень соответствует их внутреннему восприятию мира. «Главнее тот, кто выше по рейтингу, у кого больше наклеек. Мне надо больше наклеек».

Если ребенок болезненно воспринимает оценивание, сильно расстраивается из-за сорванной или неполученной наклейки, если считает себя хуже одноклассников, то важно транслировать ребенку мысль, что никакая елочка с наклейками не определяет, кто хороший, а кто нет. «Это просто рисунок елки и просто наклейки. Мы любим тебя независимо от количества наклеек. И друзья тебя будут ценить не за наклейки. Не так важно, сколько у тебя наклеечек. Важно, что нового ты узнал и чему научился за это время».

Личное

Толпа первоклассников во главе с учителем и в окружении родителей.

– А сейчас загадываем свое самое заветное желание и на счет «три» отпускаем шарики в небо!

– Мама, у меня есть желание оставить шарик себе, – Александр отделяется от тусовки.

– Да, – говорю, – так тоже можно.

– Раз! Два! Три! – командует учитель. – Кто еще шарик не отпустил? Отпускайте! Отпускайте!

– Спасибо, – говорит Александр, держа шарик, – у меня уже сбылось, – и направляется с шариком в сторону дома...

– Мама, а тебе эта книга нужна?

Замечаю у Сашки в руках «Психологию», первый том из трехтомника Немова.

– Нужна.

– А можешь мне ее подарить?

Удивляюсь.

– Могу.

– Спасибо.

Уносит к себе. Что-то читает...

Проходит неделя. В классе занятие с психологом. Приходит ребенок, рассказывает:

– Психолог сегодня каждого спрашивала, для чего он в школе

учится. Все говорили: «Чтоб пятерки получать. Чтоб учиться хорошо». А я сказал, чтоб в мозгу новые нейронные связи образовывались.

- А что психолог тебе на это сказал?
- Ничего. У нее глаза большие стали. Как у тебя сейчас.

Начали задавать домашние задания.

- Саша, достаточно, не надо дальше раскрашивать.
- Почему?
- Это вы завтра на уроке будете делать вместе с учителем.
- А мне нравится.
- Сейчас тебе еще задание по окружающему миру нужно сделать.

– Ну, давай я посмотрю, что там задано. Если это мне понравится больше, чем раскрашивать, то сделаю.

Эх, Санечка, тебе еще предстоит привыкнуть к тому, что в массовой школе аргумент «нравится» не первичен...

– Зачем писать «Ау»?! Я уже вчера писал «Ау»! Каждый день, что ли, это «Ау» писать?!

Ребенок гневно бунтует, размазывая слезы по глазам.

– Не пиши.

(В конце концов, в первом классе домашние задания по закону не являются обязательными к выполнению, их можно выполнять по желанию.)

- Нельзя не писать! Учитель спросит, почему не написано!
- Скажешь, что устал, не мог, мама разрешила не делать.
- Она скажет, что надо было в садике оставаться!

В голосе тоска и отчаяние. Уже есть понимание «надо», но сил для реализации «надо» недостаточно. Я вижу, что он реально устал.

- Давай я напишу?
- Правда?
- Правда. Я за тебя напишу «Ау».

Сашка, всхлиывая, засыпает у меня на руках...

Он спал с двух часов дня до семи вечера. Он проспал тренировку в шахматной школе... Я выводила «Ау», стараясь, чтобы было похоже на Сашкин почерк. Ребенок был в таком состоянии, когда мотивировать на выполнение задания бесполезно. Лучше обнять и дать поспать...

Мы в тот год убрали все дополнительные занятия, чтобы справиться с нагрузкой в гимназии.

Разговоры за чашкой чая.

– Саша, а от чего тебе бывает радостно?
– Когда на дом ничего не задано и в прописи писать не надо.
– А еще?
– Когда всего три урока, как было в самом начале учебы, а не пять, как сейчас.

- А еще?
- Когда учитель заболел.
- А еще?
- Когда выходные наступают.

Шла середина самой первой четверти самого первого класса. Что-то не так с этой школой...

– Сань, а мне нравится твоя учительница. Она такая умная, ответственная, собранная.

- Она никогда не улыбается и не шутит.
- Понимаю.

И мы вспоминаем позитивную воспитательницу из Сашкиной группы, которая осталась в детском саду. Она всегда улыбалась и много шутила.

Первое замечание в дневнике: «Бегал на перемене». Хорошо, что не на уроке.

– Вам нельзя на переменах бегать?
– Нельзя. Но мы бегаем. Пока учителя нет. Когда она уходит куда-нибудь далеко, на другой этаж. Я сегодня не заметил, что она вернулась.

– Что теперь будешь делать?
– Я буду брать с собой книгу и читать на переменах, чтобы бегать не хотелось.

Думала спросить, как же двигательная активность и все такое... Но промолчала. Стало любопытно: неужели правда читать будет?

Второе замечание в дневнике: «Не следил за текстом в классе».

– Ты не читал текст?
– Я читал, только другое.
– Что другое?
– Ну, книгу свою... под партой держал... Я на перемене не успел главу дочитать, а там самое интересное.

Круто. Он правда читает, и ему интересно.

Третье замечание: «Заполняй дневник внимательно». В нескольких местах красной ручкой зачеркнуто «география» и надписано «окр. мир».

– Почему ты всегда пишешь «география», если предмет называется «окружающий мир»?

– Потому что мне нравится география. Я хочу учить географию. А «окружающий мир» – это почти география.

Заполняя дневник на следующую неделю, он снова пишет «география». Он так хочет. Он упрямый. Жду нового замечания.

Новое замечание было по другому поводу. «Бежал, громко орал, сбил с ног спокойно стоящего Федю». Пытаюсь представить, что там случилось. По тексту замечания рисуется картинка «Саня-монстр». Это совсем не стыкуется с тем, что я знаю о своем сыне. Ребенок открывается для меня с новой стороны. Интересуюсь у него, как это было.

– Федя на меня напрыгнул. Я отошел от него. Он второй раз напрыгнул. Вот так за шею взялся и повис. Я высвободился. Когда он в третий раз напрыгнул, я разозлился и побежал, чтобы на него напрыгнуть. И в этот момент учительница вышла из класса.

Только замечанием в этот раз дело не закончилось. Звонок учительницы.

– Вы знаете, что он толкнул Федю?!

– Да, уже прочитала.

– Я не знаю, в курсе ли вы, но у Феди папа прокурор!

Как будто это что-то меняет... В моем понимании, на межличностные отношения одноклассников не стоит смотреть через призму родителей. Но у «правильного» педагога иерархическое мышление...

Родительское собрание в первом классе – мероприятие, обязательное к посещению. Иначе где еще вы узнаете, сколько клеточек нужно отступить от левого края и как должен выглядеть соединительный элемент между «в» и «о». Это с буквой «м» нет сложностей, потому что там единственный вариант, а в случае с «в» может быть верхнее или нижнее соединение. Учитель пишет правильный вариант. Тревожные родители фотографируют. Не тревожные размышляют: «Это на самом деле так важно?» Не тревожные и сверхзанятые думают чуть более эмоционально: «Откуда у людей столько свободного времени?!»

После объяснения, как правильно писать цифру «7» (с поперечной черточкой или без черточки), учитель переходит к технике чтения. «Заставляйте ребенка читать! Если вы сейчас не будете заставлять, то потом ребенок у вас читать не будет! Обязательно заставляйте читать каждый день по 20 минут. Каждый день измеряйте скорость чтения. Один и тот же текст нужно прочитывать по минуте пять раз подряд, каждый раз

замеряя скорость чтения». По-моему, чтение по принуждению одного и того же абзаца – это наилучший способ привить отвращение к чтению.

Все-таки решила попробовать. Несколько дней мы читали один и тот же текст пять раз по минуте, считая количество слов. Я заметила, как торопится ребенок, проглатывает слова, пропускает строчки, не вникая в смысл прочитанного. И после проделанного упражнения с секундомером больше уже в этот день не берет книгу в руки. Потому что устал.

Решила для себя, что интерес к чтению важнее, чем скорость. Лучше, если он будет читать не очень быстро, но с удовольствием. По вечерам читала ему вслух. Да-да, читала вслух уже умеющему читать ребенку. Потому что так гораздо больше возможностей проникнуться содержанием. На самом интересном месте останавливалась: «Все, я больше не могу читать, продолжение завтра». Ребенок возмущен. Ребенок хочет узнать прямо сейчас, чем же закончилась битва котов-воителей. Ребенок берет книгу и читает сам...

В конце года скорость чтения была не выше всех в классе. Но выше среднего.

– Мамочка, я так устал сегодня. Можешь за меня форму аккуратно повесить?

– Можешь сегодня повесить ее не аккуратно, а как попало. Потому что последний учебный день. А за лето скорее всего она тебе станет мала. Не думаю, что ты ее когда-нибудь еще наденешь.

У ребенка глаза заблестели.

– А можно я ее брошу?

– Сегодня можно. Уже каникулы.

– Е-эээ!!!

Что тут началось! Он ее бросил несколько раз. Потоптался, поднял и еще раз бросил. А потом позвал собаку.

– Марта! Марта, ко мне! Лежать! Вот тут лежать! Поваляйся на моей школьной форме!

Примерно с такими же эмоциями мы после защиты диплома на 5-м курсе жгли за студенческой общагой тетради с конспектами лекций... Успокаиваю себя: зато ребенок в контакте со своими эмоциями и имеет возможность их свободно выражать.

Свободолюбивому и творческому Сашке тяжело дался этот учебный год. Это было моей ошибкой – отдать «творческого» ребенка в «звездную» школу к «правильному» педагогу.

Часть 4

Отношения с учебой

Ребенок не хочет в школу

Дано: ребенок, любим, обласкан. Ответственные родители к школе его готовили заранее и по всем правилам. Школу выбрали самую лучшую, учитывая максимум критериев. Прекрасный учитель, к которому привели рекомендации знакомых и счастливый случай. Было много тревог: «Поступит – не поступит?», «Возьмут – не возьмут?», «Попадем к этому учителю или нет?» И вот, наконец, вся неопределенность позади, все случилось наилучшим образом. Как говорится, учись – не хочу... И ведь реально не хочет. Не хочет идти в прекрасную школу к прекрасному педагогу.

А почему он, собственно, должен туда хотеть?

И еще вопрос: «А вам, родители, всегда хочется на работу?»

При воспитании детей я всегда провожу аналогию с взрослой жизнью. Это даже проще, чем пытаться поставить себя на место ребенка. И хорошо проясняет ситуацию.

Да, мне тоже не всегда хочется на работу. Но надо. Причем надо не вон тому сферическому коню в вакууме, а мне самой. Работа приносит мне деньги, деньги обеспечивают удовлетворение потребностей. То есть у меня есть **материальная мотивация** к работе.

А еще бывает так, что работать – нравится, что от работы душа поет и хочется творить. Например, когда я получаю одобрение, признание, благодарность. Или вижу результаты своего труда и они меня радуют. Это – **нематериальная мотивация**.

А еще бывает так, что проект изначально не приносит ни прибыли, ни признания, ни ощутимых результатов... Но есть убеждение, что через определенный промежуток времени все старания и вложения окупятся. И тогда будут и деньги, и признание. Это – **мотивация через понимание перспективы**, или **перспективная мотивация**.

Какая есть мотивация к учебе у вашего ребенка? Получает ли он одобрение, признание? Есть ли у него удовлетворение от результата? Есть ли понимание, для чего ему нужно ходить в школу? Значимо ли это для него?

Помогите ему осознать ценность образования, понять, для чего он учится и как ему это пригодится в дальнейшей жизни. Спросите, чего ребенок хочет для себя в будущем. А потом покажите, как учеба поможет достигнуть желаемого.

«Хочу быть летчиком». – «Тогда тебе очень нужны знания физики и математики».

«Хочу быть врачом». – «Тогда тебе необходимы химия и биология».

«Хочу стать директором международной сети ресторанов». – «Тебе очень пригодятся математика, обществознание, английский».

То есть мы создаем перспективную мотивацию. Такой подход сработает, когда у ребенка уже есть конкретная цель.

«Хочу быть бизнесменом и зарабатывать много денег» – цель менее конкретная. Создать перспективную мотивацию тут сложнее. Но и в этом и в других случаях можно не выделять какой-либо отдельный предмет. Важно формировать ценность не отдельных предметов и знаний, а самого процесса обучения. Потому что в процессе обучения неминуемо происходит развитие. Реальность такова, что далеко не вся информация, полученная в процессе обучения, когда-либо пригодится в жизни. Навык вычисления площади криволинейной трапеции, например, оказался совершенно невостребованным в моей нынешней профессии. Но я за это на школу не в обиде. Ценность обучения не в том, чтобы получить некий объем знаний, а в том, чтобы выработать навык обработки информации, развить память, речь, логическое мышление, способность устанавливать причинно-следственные связи. Мне очень нравятся слова Ломоносова: «Математику уже затем учить надо, что она ум в порядок приводит». Заучивание аксиом тренирует память. Доказательство теорем развивает способность логически обосновывать свою точку зрения, убеждая оппонента. Применение формул помогает выстраивать аналогии и адаптировать чужой успешный опыт под свои актуальные задачи. Решение задач про трубы в бассейне, в которых вода втекает и вытекает, – это подготовка мозга к решению других жизненных задач. Про семейный бюджет, например, или рентабельность бизнеса – там тоже деньги втекают и вытекают... В любом школьном предмете можно найти пользу для себя.

Важно выработать в семье единое мнение относительно школы, чтобы не допускать расхождений во взглядах родителей на учебу ребенка.

Конечно, вы можете начать спорить и доказывать, что школьная программа избыточна, что многие изучаемые факты не несут практической пользы для жизни. Что лучше бы детей учили... (вставить нужное, на ваше усмотрение). Только при таком подходе вы не сможете повысить мотивацию на учебу у своего ребенка. Да, традиционная общеобразовательная школа –

это не идеальный вариант получения образования, не самая развивающая среда. Но если ваш выбор все-таки пал на эту форму получения образования, имеет смысл концентрироваться на ее сильных сторонах, а не критиковать систему при ребенке. Ваша задача – формировать культ образованной личности, а не создавать в душе ребенка когнитивный диссонанс: «Родители критикуют школу, рассказывают, как им самим было плохо в школе, и при этом принуждают меня в нее ходить и строго спрашивают за оценки. Где логика?»

Важно выработать в семье единое мнение относительно школы, чтобы не допускать расхождений во взглядах мамы и папы на учебу ребенка. Представьте ситуацию. Папа транслирует ребенку мысль, что оценки в школе вообще не главное, что троечники лучше устраиваются в жизни, чем отличники, а учителя все неудачники, потому что нормальный человек за такую зарплату работать не будет. Мама же не просто уважает, но даже побаивается учителей, сильно переживает из-за оценок, расстраивается, если по итогам четверти ребенок не стал отличником, и принуждает ребенка исправлять четверку на пятерку. Папа спорит с мамой, мама спорит с папой. Возникает конфликт лояльности. Ребенку нужно выбирать, к чьему мнению присоединяться, а с кем входить в оппозицию. Для психологического комфорта в школе должна быть надежная база – психологический комфорт дома, в семье. Психологический комфорт в семье включает в себя единство требований родителей и понятные жизненные ориентиры.

А если у ребенка пока нет ни мечты, ни цели относительно будущего? Если все его мечты – в настоящем? И в этом настоящем он хочет только гулять и «тупить в Интернете». Это, товарищи родители, тоже совершенно нормально, соответствует возрастным нормам. В подростковом возрасте (от 10 лет) ведущим видом деятельности становится общение со сверстниками. И они общаются. Они учатся заводить знакомства, строить отношения, выбирать друзей, проявлять симпатию, завоевывать авторитет, разрешать конфликты, отстаивать свое мнение – это все необходимые жизненные навыки. И не только для карьеры. Им ведь еще потом семью создавать...

«Так если бы общались, а то ведь уткнутся в экран». Это современный формат общения. Он такой же нормальный для

нового поколения, как сиделки в подъездах с семечками для подростков из девяностых.

«Целыми днями смотрит видеоблогеров! Ладно бы чему полезному учили. А то кривляются на камеру». Это не очевидно, но тоже имеет отношение к развитию ребенка. Через просмотр «кривляющихся видеоблогеров» можно учиться искусству самопрезентации.

С позиции подростка: «Учеба крадет у меня время. Можно было бы столько интересного увидеть». С позиции родителя все с точностью до наоборот: «Он бездарно тратит время! Смотрит всякую ерунду, вместо того чтобы учиться! Можно было в это время читать дополнительную литературу по предметам!» Минус ситуации «все мечты в настоящем» в том, что сложно подобрать аргументы в пользу образования. Но можно попробовать создать *материальную мотивацию*: пообещать вознаграждение за хорошие оценки (особенно эффективно для «правильного» ребенка).

Или *нематериальную мотивацию*: создать ситуацию успеха (особенно эффективно для «звездного» ребенка).

Диагностика. что не так в этой школе?

Если ребенку в школе хорошо, то он с радостью туда бежит, позитивно отзываясь об учителях и одноклассниках, а за выходные успевает соскучиться по школе. И если все хорошо, то желания провести диагностику у родителей обычно не возникает. Нет в этом необходимости.

Но бывает так, что ребенок в школу идет с неохотой и использует любой предлог, чтобы не пойти. То на боли в горле жалуется, а горло не красное. То надрывно нарочито кашляет, изображая простуженного. То с животом загибается, сообщая трагическим голосом: «Наверное, что-то не то съел». Со временем мама учится определять, где реальное недомогание, а где банальное симулирование.

– Знаешь, когда так сильно болит живот, обычно еще отдает в левую пятку.

– Ой-ой, мамочка, левая пятка тоже болит.

– Все ясно...

Итак, ребенок симулирует, но причина симулирования остается неизвестной. Не каждого ребенка можно вывести на откровенный разговор. Не всегда нежелание идти в школу связано с ленью и отсутствием интереса к учебе. Бывает, что ребенок хочет учиться, но подальше от школы. Бывают конфликты с одноклассниками, бывает агрессия со стороны учителя, бывает страх оценки.

Если вас что-то смущает в отношении ребенка к школе, попросите его нарисовать лесную школу, школу зверей. Рисунок расскажет, как ребенок воспринимает одноклассников и учителя.

Рисуя школу зверей, ребенок в сознании абстрагируется от реальной ситуации, но бессознательно выплескивает на бумагу именно свои проблемы. На этом факте строятся все проективные диагностические тесты.

Например, у одного дошкольника, которого родители уже начали сверхактивно готовить к серьезной гимназии, на рисунке «школа горела», а «учительница-черепаха не успела уползти»... Вот так в рисунке ребенок выразил свое отношение к школе и к учителю: «Да гори оно все синим пламенем».

Рассматривая рисунок ребенка, обратите внимание, кто учится в лесной школе – хищники или милые зайчики? Если хищники, то, вероятно, ребенок чувствует какую-то опасность от одноклассников.

Попросите ребенка рассказать историю по рисунку. Это будет история про вашего ребенка в школе.

«Вот учитель-дерево. Ученики – зайчики, белочки. Учитель ругается, потому что они все бегают. Он же дерево и бегать не умеет. А бегающих учеников ему учить трудно, вот он и ругается».

«Вот учитель. Да, он человек. Он тут дрессировщик. А остальные – дрессированные собачки. А вот эта плохо дрессируется, всегда в углу».

«Вот учитель – жираф. Ему нужна такая длинная шея, чтобы видеть, как пишут даже на последней парте. Это лев, это бегемот, это обезьянка, которая вечно кривляется. А это сказочный единорог. Он лучше всех учится, но с ним никто не дружит». (Со мной никто не дружит, меня никто не понимает.)

«Вот школа. А тут никого нет и темно. Потому что ночь». (Я даже в рисунке не хочу быть в этой школе.)

Если ребенок не любит рисовать или отказывается, мотивируя тем, что «уже вырос из этого возраста», можно попросить его сочинить истории про девочку или мальчика, которые ходят в школу. (Пол должен соответствовать полу ребенка, для которого эта диагностика проводится.)

Задаем начало рассказа, а дальше ребенок предлагает свое продолжение. Рассказ всегда должен хорошо заканчиваться. Если ребенок придумал страшный, тревожный, печальный сюжет, ведем вместе с ним сюжет к благополучному завершению. При этом для себя отмечаем, что все, что придумывает ребенок, каким-то образом относится к его реальным переживаниям.

1-й СПОСОБ! ПРИДУМАТЬ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ШКОЛУ

Начало может быть таким: «Мальчик зашел в класс и испугался, потому что увидел...»

Продолжение истории – это диагностика имеющихся у ребенка страхов. Ответы могут быть разные. Например:

- он забыл переодеть сменную обувь, и сейчас его будут ругать (сложности с дисциплиной, страх наказания);
- учитель пишет на доске задание, значит, будет контрольная работа (сложности с учебой, страх оценки);
- мальчик, который всегда дерется, выздоровел и снова пришел в школу (сложности в общении с одноклассниками);
- вместо учителя за учительским столом сидит зомби (сложности в общении с педагогом).

(В варианте с зомби ребенок выдает эмоциональное состояние педагога. Выгорел. Уже не живет работой...)

Другие варианты начала рассказа: «Однажды...»

- мальчик пришел в класс и очень обрадовался, потому что увидел...
- мальчик пришел в класс и очень огорчился, потому что...

- мальчик пришел в класс и очень удивился, потому что...
- мальчик пришел в класс и узнал, что из всех детей сегодня будут только двое: он и еще...»

Тут могут быть позитивные и негативные сценарии.

Позитивный: мальчик и его лучший друг весь день дурачатся в классе. А еще они получили кучу пятерок по всем предметам.

Негативный: в классе только двое – мальчик и его заклятый враг, от которого весь день надо прятаться, потому что он всегда всех бьет, в классе уже никого не осталось, «все с переломами в больнице лежат». Очевидно, что за детской фантазией кроется реальный страх. Тут не стоит ограничиваться одним предложением – это неинформативно. Обязательно нужно выяснить наводящими вопросами, в каких все-таки отношениях «хороший» мальчик из рассказа со вторым ребенком и как развивались события дальше. Спросите: «А что мальчики стали делать?», «Что случилось потом?», «Неужели они так и были вдвоем?».

Если у ребенка сложности с учителем, то он будет говорить про учителя в негативном ключе. И здесь можно самим придумывать отправные точки историй, задавать наводящие вопросы, если захочется узнать конкретно про что-то.

Естественно, после диагностики возникает вопрос: «Вот, нарыли информацию, и что теперь со всем этим делать?»

2-й способ: продолжи фразы

Когда в историях всплывает очень много негатива, и именно по поводу учителя, имеет смысл присмотреться к педагогу, к его стилю общения с детьми, попросить о возможности присутствовать на каком-нибудь уроке. А дальше – либо меняйте отношение ребенка к учителю через разговоры, либо поменяйте учителя, перейдите в другой класс.

Если налицо страх, связанный с кем-то из одноклассников, можно попросить учителя понаблюдать, кто обижает ребенка.

Когда ребенок испытывает сложности в общении с одноклассниками – не с одним, а со всеми сразу, обратитесь за помощью к учителю или школьному психологу. Что, на их взгляд, мешает общению? Найдите время посетить внешкольные мероприятия, попробуйте посмотреть на своего ребенка со стороны – как он выстраивает свои отношения с другими, подумайте, что можно сделать для исправления.

Если страхи связаны с учебным процессом (страх контрольной, оценки, замечания), обратите внимание на свой стиль общения с ребенком: не слишком ли вы строги и требовательны?

Еще один вариант диагностики связан с *самооценкой ребенка*.

Нарисуйте лесенку из десяти ступенек и попросите ребенка разместить на ступеньках ребят из класса и его самого. Не всех ребят – достаточно четырех-пяти человек, но только пусть ребенок выберет сам. (Фишка в том, что выберет он наиболее значимых для себя людей.) Объясните, что чем выше на ступеньке мальчик или девочка, тем он лучше, не поясняя, чем лучше. Потом из ответов ребенка можно понять, на какой критерий он опирался. Обратите внимание, на какой по счету ступеньке ребенок разместит сам себя. Считается, что при адекватной самооценке ребенок нарисует себя в промежутке от четвертой по девятую ступеньку. Для детей младшего школьного возраста нормальным считается выбор верхних ступенек, с пятой по десятую. После этого предложите ребенку отметить цветными карандашами, на какую ступеньку его бы поставили мама, папа, учитель. Посмотрите, есть ли расхождение в том, куда ребенок ставит себя сам и куда, по его мнению, его бы поставили другие люди. Можно спросить: «А почему сюда?» Ответ диагностичен: «Я поставил себя ниже Дениса, потому что Денис лучше учится и его учитель часто хвалит», «Мама меня бы поставила выше, чем учитель, потому что мама знает, что я сильно стараюсь, а учитель говорит, что я не стараюсь», «А папа меня бы на вторую ступеньку поставил. Потому что он говорит, что я лодырь и слабак».

3-й способ: ЛЕСЕНКА

Если самооценка у ребенка невысока, из его ответов можно понять, как ее повысить. Убедите его, что школьные оценки – не самое главное и вовсе не они определяют, хороший человек или плохой. Предложите вспомнить свои хорошие качества. Поговорите с папой, чтобы он перестал критиковать ребенка. К счастью, самооценка может меняться. Особенно если целенаправленно над этим работать. Например, создавать ситуацию успеха.

Ситуация успеха и выученная беспомощность

Наконец-то мы поговорим о ситуации успеха.

Успех – это переживание состояния радости. Радости от того, что усилия привели к желаемому результату или даже превзошли ожидания. При этом значимые для человека люди заметили результат. И чем больше людей заметят, чем больше усилий было потрачено, тем ярче переживание успеха. Полученная пятерка или грамота радуют сильнее, если на нее эмоционально отреагировали (обрадовались, удивились, восхитились) родители, учитель, одноклассники. Ребенок, который имел возможность пережить успех и насладиться радостью победы, в дальнейшем настроен на достижение успеха, чтобы снова испытать позитивные эмоции.

Между прочим, переживание успеха при поддержке других воздействует не только на детей. Если бабушкин борщ похвалить, сказать, что у нее получается самый вкусный из всех, что вы когда-либо пробовали, – вкуснее, чем в садике, вкуснее, чем в ресторане, – она помолодеет на глазах и еще вам что-нибудь вкусненькое приготовит. Или если офисного сотрудника похвалить за порядок в документах, поставить его в пример другим, он подумает: «Да! Я такой!» – и будет еще больше стараться. Опыт переживания успеха может стать сильным мотивирующим фактором.

Вы, наверное, замечали по своему ребенку-трехлетке: если похвалить его за попытку помыть посуду, то ему непременно захочется повторить этот опыт. Когда малыш учится чему-то новому, его часто хвалят. За первые шаги, за первую попытку есть ложкой или самостоятельно одеваться. Он постоянно слышит: «Умница! Молодец!» Но в школе, особенно в средней, почему-то происходит переориентация. Учителя и родители в большей степени ищут недостатки, недоработки, ошибки. А потом удивляются: «Куда пропала мотивация?»

А спросите самого себя: где бы вы больше старались? Где бы хотели работать?

Рабочее место № 1. Вас хвалят, поддерживают ощущение собственной значимости, замечают ваши успехи и старания.

Рабочее место № 2. Когда вы хорошо работаете, это воспринимается как должное и никто не обращает внимания на ваши старания. Но если вы допустили ошибку, непременно последуют шквал критики и штрафные санкции. Даже если вы не

допускаете ошибок, это все равно не спасает вас от критики. Потому что «можно работать быстрее, эффективней, нельзя стоять на месте, надо увеличивать темпы». Вам ежедневно говорят, что вы плохо стараетесь. А хочется ли стараться? Или уже хочется уволиться?

А ребенок даже уволиться не может...

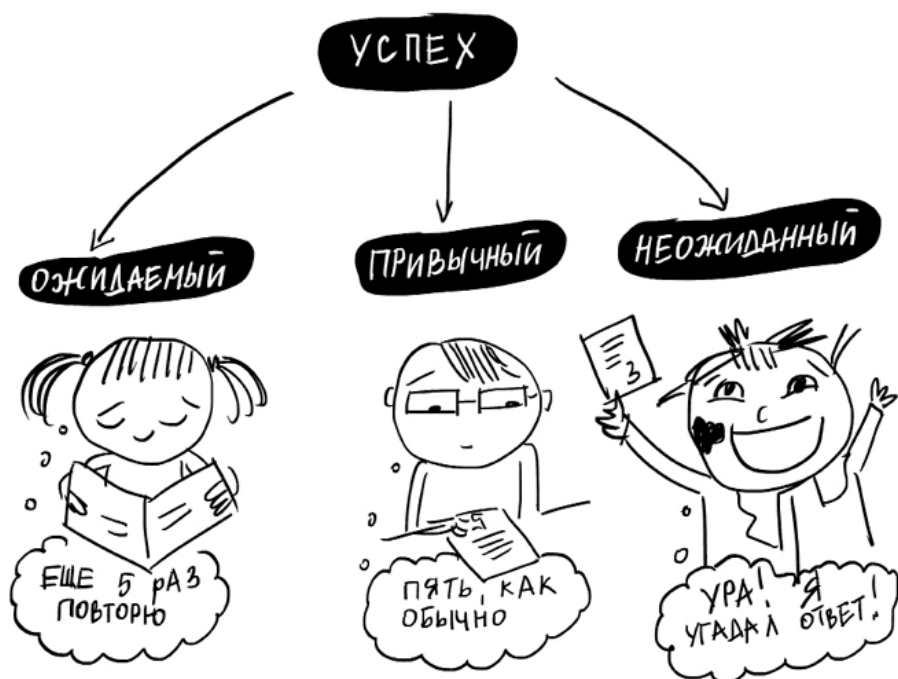
Опыт переживания успеха может стать сильным мотивирующим фактором.

Значимость переживания успеха для дальнейшей деятельности сложно переоценить. Редко кто остается почивать на лаврах и тешить себя воспоминаниями, успешный опыт всегда хочется повторить.

Успех может быть разный: ожидаемый, привычный и неожиданный.

Ожидаемый – ребенок старался, прикладывал усилия и ожидал успеха. Или не прикладывал усилий, но это не помешало ему уповать на какое-то чудо и надеяться на успех.

Привычный – ребенку легко дается учеба, он уже привык к статусу лучшего ученика в классе.

Неожиданный – ребенок старается, но уже настолько не верит в свои силы, что и успеха не ожидал. Либо не старался, не

готовился, но случайно угадал правильные ответы в тесте.

В любом случае есть шанс, что ребенок, вдохновившись успехом, захочет повторить результат и для этого станет усердно заниматься. И тогда неожиданный успех может перейти в ожидаемый, а потом в привычный.

Неуспех тоже может быть ожидаемым и неожиданным. Ожидаемый – когда ребенок понимает, что он не готовился и не сможет ответить на вопросы учителя, если тот его спросит. Неождаанный – когда ученик был уверен в своем ответе и даже тянул руку, чтобы ответить, а ответ оказался неверным. Или ответ верный, но вслед за этим вопросом учитель задает несколько других, на которые ученик не знает ответа. В таком случае часто жалуются, что учитель «завалил», и подозревают в предвзятом отношении. Субъективизм учителя действительно имеет место быть. Учителя тоже люди, у них есть свои симпатии и антипатии. Кто-то умеет переступить через свои пристрастия и быть объективным. А кто-то не может скрыть неприязни, и это отражается на оценках ребенка: «Я не готовлюсь – «два» и готовлюсь – «два». Я тогда вообще не буду больше готовиться!»

В ситуации, когда неожиданный неуспех происходит несколько раз подряд, возникает выученная беспомощность. Ребенок уже не верит в свои силы, не верит, что может как-то повлиять на ситуацию. Это закономерно приводит к снижению мотивации.

Выученная беспомощность – это состояние, при котором человек перестает предпринимать попытки улучшения ситуации, не пытается избежать негативных событий, не старается достичь позитива, хотя имеет такую возможность. Выученная беспомощность появляется, как правило, после нескольких неудачных попыток повлиять на ситуацию. Человек перестает верить в собственные силы и возможность изменений.

Термин «выученная беспомощность» ввел ученый Мартин Селигман после экспериментов над собаками. Собаки были помещены в одинаковые вольеры. Периодически они слышали звуки сирены, а через некоторое время получали удары током. Не сильные удары, но ощутимые и неприятные. Вскоре собаки уже связывали звук сирены и боль от электрошока: как только они слышали сирену, начинали проявлять волнение в ожидании боли. Один из вольеров был снабжен специальной панелью, нажав носом на которую собаки могли избежать удара током. В другом вольере собаки никак не могли повлиять на получение удара. Через некоторое время после этого собак поместили в ящик с перегородкой, через которую любая из них могла легко перепрыгнуть и избавиться от электрошока. Собаки из группы,

имевшей возможность контролировать удар, именно так и поступили, заслышав сирену. Собаки с опытом невозможности контроля неприятностей метались по ящику, ложились на дно и, поскуливая, переносили болезненные ощущения. В ходе этого эксперимента учеными был сделан вывод, что беспомощность вызывают не сами по себе неприятные события, а опыт отсутствия возможности контролировать эти события, влиять на них.

Аналогично и с человеком. Если любые его попытки повлиять на ситуацию не приводят к желаемому результату, то в дальнейшем он уже перестает стараться. Ребенок сделал усилие и выучил материал, но все равно получил двойку, потому что надо было учить другой параграф. Или выучил, но учитель его не спросил, потому что уже время вышло и поздно двойку исправлять. Если подобные неудачи происходили неоднократно, может сформироваться выученная беспомощность. Ученик делает

вывод: «Бесполезно стараться». Или ребенок старался, получил пятерку, но родители не разделили с ним его успех, не порадовались вместе, не похвалили. Мама в плохом настроении проигнорировала пятерку, да еще и отругала за плохую отметку по другому предмету или за неубранную комнату. Ребенок может сделать вывод, что вне зависимости от его усилий он все равно услышит только критику, а значит, нет смысла стараться в дальнейшем.

Если есть успех, пусть незначительный, обязательно нужно заметить и похвалить. Если неуспех – постараться найти причину, тем самым вручив ощущение контроля над ситуацией. Но указывать на ошибки нужно благожелательным тоном, не с целью обвинить и пристыдить, а с целью показать причинно-следственные связи, сформировать уверенность, что ребенок сам управляет своими успехами и неудачами.

Если у ребенка не будет понимания, каким образом его действия влияют на успех или неуспех, то это может привести к состоянию выученной беспомощности: «От меня все равно ничего не зависит».

***На формирование выученной беспомощности у ребенка
оказывают влияние:***

1. Опыт переживания неблагоприятных событий при отсутствии возможности влиять на них.

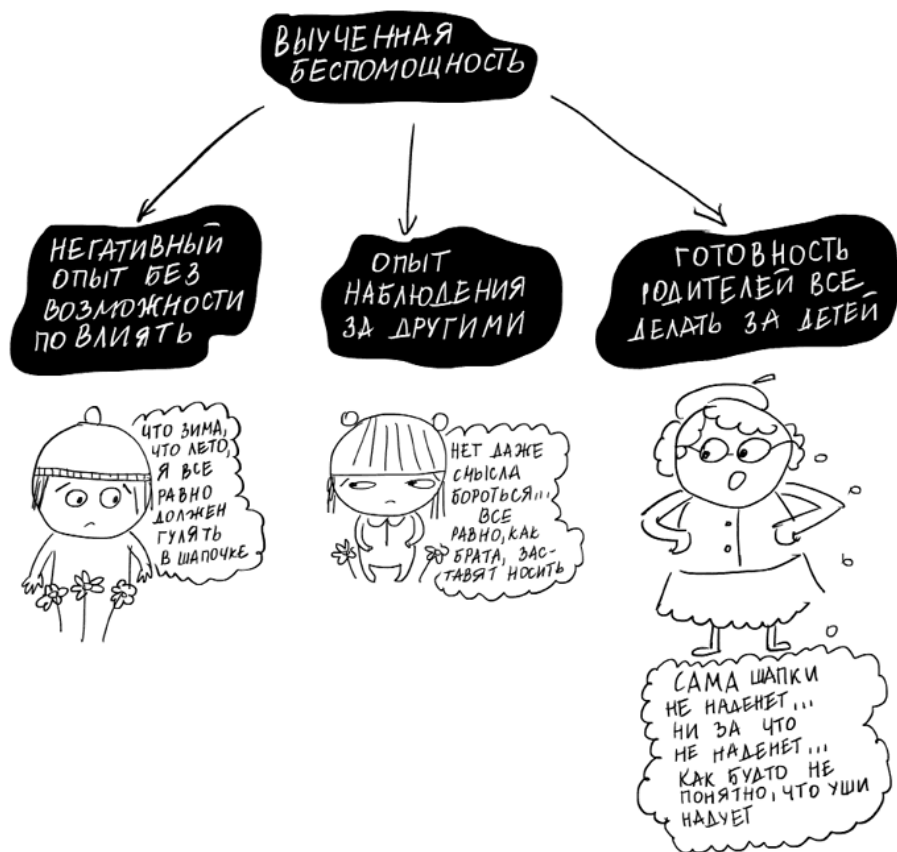
2. Опыт наблюдения беспомощности других людей.

3. Отсутствие самостоятельности в детстве, готовность родителей все делать вместо ребенка.

Как избежать формирования выученной беспомощности? Прежде всего, важно развивать у ребенка чувство ответственности за происходящее с ним, помогать ему искать ответы на вопросы: «Может быть, какие-то мои действия спровоцировали ситуацию?», «Как я могу в дальнейшем избегать подобных ситуаций?», «Что я могу изменить? Что сделать по-другому, чтобы это не повторилось?».

Начинать делегировать ребенку ответственность за происходящее можно с любого возраста. Вспомнился один показательный пример. Годовалый малыш упал на прогулке, запнувшись за пенек, и заплакал. Утешающая мама сказала: «Ух, какой пенек нехороший! Уронил Диму!» И мама «наказала» пенек, постучав по нему лопаткой. Малыш тоже постучал и перестал плакать. Пеньку, конечно, не больно. Но малыш может сделать вывод о необходимости найти виноватого в своих неудачах... И

будет потом «стучать лопаткой» по «обидчикам», вместо того чтобы смотреть себе под ноги, смотреть вокруг себя и смотреть вглубь себя.

Это реально сложно: брать ответственность на себя. Искать в себе причины происходящих неудач. Но, с другой стороны, вместе с личной ответственностью мы получаем убеждение, что жизнью управляет мы сами. Получаем веру в свои силы и возможность что-либо изменить. Надо только проанализировать ошибки и увидеть пути улучшения.

ВАЖНО! Учить ответственности – это не значит навязывать ребенку чувство вины. Это значит помогать находить возможности для улучшения ситуации. Я различаю понятия: брать ответственность и винить себя. Для меня это совсем не одно и то же. Брать ответственность на себя, искать причины и пути улучшения можно и без чувства вины. «Я ошибся. Все могут ошибаться. Но я знаю, как мне теперь поступить, чтобы избежать таких ошибок в будущем» – и нет в этом никакого мучительного застревания в чувстве вины. Ответственность – это про действия.

Это про «Что я могу сделать сейчас, чтобы исправить?», «Что я буду делать по-другому?», «Чего я больше никогда не буду делать?». Согласитесь, что это лучше, чем когда человек переживает вину, но ничего не делает для исправления ошибки. Чувство вины само по себе не приводит к улучшениям. Поэтому не обвиняем ребенка, не засыпаем его упреками, не окружаем критикой, а вместе делаем выводы из ситуации. Не забывая при этом спросить себя: «А как я, родитель, привлек эту ситуацию в свою жизнь? Могу ли я что-то сделать для исправления?»

Чтобы показать разницу подходов, приведу пример. Ученик был по состоянию здоровья освобожден от физкультуры. Но, тем не менее, по предмету его надо аттестовать. Поэтому учитель физкультуры дала ему задание написать доклад на тему «Техника безопасности при игре в баскетбол». Ребенок воспринял задание буквально, написал текст от руки на полтора тетрадных листочка и принес учителю. Учитель брезгливо откинула вырванный из тетради лист с комментарием: «Что за писульки ты мне сдаешь? Я такое не принимаю. Надо красиво оформить и на компьютере текст набрать». В журнал она выставила двойку по физкультуре.

Сравните возможные родительские подходы:

1. *«Учитель вlepила тебе двойку вообще ни за что».* Вывод: мир несправедлив, учитель неадекватен, а ребенок – несчастная жертва учительского произвола. Внешняя обвинительная позиция (виноваты все вокруг), приводящая к выученной беспомощности.

2. *«Ты виноват в том, что получил двойку, и не надо придумывать нелепые оправдания!»* – перевод ребенка во внутреннюю обвинительную позицию (я во всем виноват), формирование мышления неудачника, приводящее к выученной беспомощности.

3. *«Да, неприятная ситуация получилась. Если хочешь, я могу сходить поговорить с учителем. Эту двойку мы исправим. Или просто переживем. На будущее хорошо бы заранее выяснить у учителя его требования, в каком виде он хочет получить доклад. Вдруг понадобится выучить наизусть и рассказать. У разных учителей могут быть разные требования. Поэтому каждый раз лучше спрашивать заранее»* – таким образом мы вручаем ребенку контроль над ситуацией.

Еще пример.

Ученик не успел списать с доски номера упражнений, заданных на дом. А учитель не успела занести домашнее задание в электронный журнал. Мама с работы пришла очень поздно, когда было уже неудобно звонить родителям одноклассников, чтобы спросить, что задано. На следующий день ребенок пришел с двойкой за невыполненное домашнее задание.

1. *Внешняя обвинительная позиция:* виноват учитель. Она слишком быстро вытерла доску, не дав возможности записать. Она не заполнила электронный журнал. Она даже слушать объяснения не стала, просто вклеила двойку.

2. *Внутренняя обвинительная позиция.* «Ты виноват в том, что не успел списать, понадеялся на электронный журнал, за весь день даже не смог выяснить задание у одноклассников».

3. *Контроль над ситуацией.* «Давай вместе искать решение. Что можно было бы сделать иначе?»

Сыграйте в игру: «Придумай как можно больше вариантов решения».

Можно было попросить учителя: «Не стирайте, пожалуйста! Я еще не успел записать».

Можно было переписать номера упражнений у соседа по парте.

Можно было позвонить одноклассникам, спросить у них.

Можно было позвонить маме, сказать о проблеме, спросить совета.

Можно было решить все номера текущего параграфа, которые не успели решить в классе. Даже если в итоге окажется, что нет ни одного совпадения с тем, что реально задали, то это все равно лучше, чем ничего.

После того как придумано максимальное количество разных вариантов, спросите у ребенка: какой вариант предпочтительней? Что он будет делать в следующий раз, оказавшись в подобной ситуации?

Чтобы вернуть ребенку мотивацию, вывести его из состояния выученной беспомощности, можно направить усилия на создание ситуации успеха. Организаторами ситуации успеха могут выступать родители или учителя. Но максимального эффекта можно достичь, если родители пригласят учителя в союзники. Это поможет избежать «провалов», поддерживающих выученную беспомощность, таких как «ребенок выучил, а его не спросили», «старался, а учитель не заметил и не оценил». Переговорите с педагогом, расскажите о своем намерении создать для ребенка ситуацию успеха, попросите помочь, поддержать, своевременно заметить улучшение результатов и похвалить ребенка.

Для начала следует выбрать один школьный предмет, наиболее легкий, тот, к которому у ребенка больше способностей, который соответствует его ведущему виду интеллекта. Предложите пойти на эксперимент: что будет, если приложить чуть больше усилий, как это отразится на успеваемости? Не нужно ставить амбициозных целей вытянуть на новый уровень сразу все школьные предметы – такая задача может показаться

ребенку неосуществимой, да и скорее всего он не захочет прикладывать кардинально много усилий при отсутствии мотивации. Поэтому лучше не перескакивать комфортную зону ближайшего развития, а начать с малого – с одного предмета. При положительном результате появится желание, а главное – вера в свои силы, и тогда можно будет браться за следующий предмет.

Очень важен в этот период ровный эмоциональный фон. Старайтесь не допускать негативных высказываний в адрес ребенка. Пусть, наоборот, будет как можно больше эмоциональных поглаживаний: похвалы, ласкового обращения, доброй шутки для поднятия настроения. Старайтесь замечать хорошее и акцентировать на этом внимание ребенка. Если это

целая строчка кривых букв в прописи, то выберите приличную и скажите, что вот она получилась очень красивой. Если вся работа выполнена далеко не идеально, но верных ответов больше, чем в прошлый раз, обязательно отметьте положительную динамику и похвалите.

Надо усиленно заниматься с ребенком. Надо констатировать успех. Надо порадоваться вместе с ребенком. А потом выбрать следующий предмет. Неожиданный успех постепенно переходит в ожидаемый, а затем в привычный.

Для повышения самооценки и фиксации ситуации успеха можно сделать с ребенком «Книгу достижений». Большие и маленькие победы оформляем на листах А4, вставляем в файлы и вкладываем их в папку-скоросшиватель. Грамоты, дипломы, благодарственные письма собираем сюда же. Время от времени пересматриваем «Книгу достижений» вместе с ребенком для поднятия боевого духа. Можно завести традицию заносить в книгу все победы, даже маленькие. Можно вместе искать успех в каждом прошедшем дне, а потом оформлять отчет по всей неделе.

Например, вот так.

Моя успешная неделя

- **Я быстрее всех в классе записал предложение!**
- **Я сегодня вышел к доске и правильно ответил!**
- **Я на всех уроках тянул руку.**
- **Я сам догадался, как решить задачу.**
- **Я получил хорошую оценку по литературному чтению.**

Так ребенок учится замечать свои достижения, что благоприятно сказывается на его самооценке.

Страх ошибки

Работая над повышением уверенности ребенка в своих силах, важно снять у него страх ошибки. Страх ошибки может быть связан с двумя чувствами: чувством вины и чувством стыда. «Вдруг я что-то не так сделаю, не то ляпну, все подумают, что я глупая, неправильная, плохая». Это стыд. «Вдруг я сделаю неправильно, и ошибка приведет к неприятностям для других людей. Из-за моих ошибок близким будет плохо». Это вина. Вину и стыд заменяем на ответственность. Ответственный подход к ошибке – исправлять ее. Тревожность по поводу возможных ошибок снимается уверенностью, что ошибки можно исправлять.

Для формирования уверенного поведения ребенка важно выработать у него положительное отношение к ошибкам. Ошибки – это нормально. Это даже хорошо, потому что на ошибках учатся. Ведь кто такой эксперт? Это человек, который уже совершил все возможные ошибки и сделал выводы. Все люди ошибаются. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Если бы не было ошибок, не было бы и изобретений. Ошибки нас тренируют. Ошибки нас развивают. Ошибки – это ценный опыт. Чтобы снять у ребенка страх ошибок, можно рассказывать истории о своем детстве или взрослой жизни, о том, как вы тоже совершали ошибки, а потом их исправляли.

Страх ошибки может усиливаться перед конкретным событием (например, контрольная работа). Снять тревожность поможет такое упражнение. Рисуем большую окружность – это будет графическая модель жизни. Потом делим окружность на сектора – по количеству важных жизненных сфер: дом и семья, друзья, увлечения, кружки и секции, школа и т. д. – сколько придет на ум. Затем выбираем сектор, в котором условно располагается волнующее событие. Подробно расшифровываем, что еще в этот сектор входит, формируя понимание, какое место занимает предстоящее событие. Доклад или экзамен – это всего лишь точка в секторе «история» или «математика», который входит в сектор «школа» на большом круге жизни. Стоит ли переживать из-за малюсенькой точки?

Не ругайте ребенка за ошибки. Если ошибка уже совершена, то криком этот факт все равно не исправить. Криком вы только испортите настроение и отношения. Ребенок может начать скрывать свои ошибки. Начать врать. А значит, вы не сможете помочь ему в исправлении ошибок. Более того, ребенок начнет бояться совершить ошибку. Страх парализует. Страх снижает концентрацию внимания, а значит, только усиливает вероятность появления новых ошибок. Постарайтесь не кричать.

Я семейный психолог. Я часто выслушиваю рассказы взрослых людей о своем детстве. Например, о том, как мама кричала на ребенка из-за неправильно поставленного ударения. С момента, когда ребенок прятался от кричащей мамы под столом, прошло 30 лет, человек правильно ставит ударения, человек не помнит, когда он перестал делать ошибки в ударениях, не помнит фамилию первой учительницы, не помнит оценку за диктант во второй четверти третьего класса, но помнит, как мама кричала и очень хотелось убежать и спрятаться...

Расставляйте приоритеты правильно. Не портите действительно важное. Отношения с ребенком важнее школьных оценок.

Отношение к оценкам

Так все-таки, школьные оценки – это важно или не важно? Правда ли, что троечники лучше устраиваются в жизни? Для ответа на этот вопрос прежде всего нужно определиться с критерием «устроенности». Если брать за критерий материальную обеспеченность, то школьные оценки не имеют с этим фактором прямой зависимости. Иными словами, среди людей, чей уровень дохода выше среднего, есть и те, кто был в школе отличником, и те, кто был троечником. Золотая медаль и красный диплом не являются гарантом финансовой обеспеченности. Интернет пестрит примерами богатых и знаменитых, которые в свое время оставались на второй год или вовсе были исключены из школы. Но другое предположение тоже неверно: тройки в аттестате не гарантируют хорошего материального дохода в будущем.

Если брать за критерий «устроенности» субъективный уровень удовлетворенности своей жизнью, то и здесь нет зависимости от школьных оценок. Впрочем, не зависит удовлетворенность и от денег, и от числа поклонников. Богатые тоже плачут, а знаменитые могут чувствовать себя одинокими.

Да, это было бы очень удобно – иметь возможность просчитать будущее счастье ребенка, найти для него математическое выражение с несколькими параметрами и следить, чтобы ребенок в процессе своего взросления не выбивался за рамки допустимых значений этих параметров. Это существенно снижает родительскую тревогу. Это дает иллюзию контроля будущей жизни. «Вот я сейчас вытяну ребенка на нужное значение параметров А, В, С, и это будет гарантом его счастья в будущем». Порой я встречаю родителей, которые искренне считают, что нашли это выражение. Учеба в школе служит в нем одним из параметров. Границы параметра определены как «4–5» или еще строже: «5». Хорошо, если ребенок в этот параметр вписывается. Если само «счастье» он с родителями понимает одинаково. Тогда ценностного конфликта с родителями не возникнет. А если нет? Тогда начинается непростая для обеих сторон борьба. Почему родителям бывает так тяжело принять, что ребенок не стремится получать хорошие оценки? Потому что в этом случае нарастает родительская тревога относительно будущего ребенка. Но оценка не является маркером будущего счастья. Она даже адекватным маркером способностей не всегда выступает. Оценка – это то, насколько ребенок усвоил изучаемый в школе материал. И только. Не надо навешивать на нее дополнительных критериев.

Среди людей, чей уровень дохода выше среднего, есть и те, кто был в школе отличником, и те, кто был троечником.

Оценка не является показателем способности. Может быть так, что способности есть, но нет желания. Или способности ребенка не вписываются в рамки школьных предметов.

Оценка не является гарантом успехов в будущем. Социальный интеллект или эмоциональный в школе не оцениваются, но могут помочь человеку сделать карьеру.

Оценка не является показателем того, насколько ребенок продвинулся в своем развитии. При выставлении оценки результат ребенка сравнивается с некой стандартной нормой, а не с предыдущими достижениями ребенка. Может быть так, что личные достижения есть, но вот оценка осталась та же самая.

Оценка не является показателем того, насколько ребенок ответственен. Ребенок может быть чрезвычайно ответственен в другой сфере, где у него есть непосредственный интерес. Могут привести пример из взрослой жизни, когда чрезвычайно ответственный менеджер среднего звена забывает купить домой пакет молока и выслушивает от супруги упреки в безответственности. Да, он забыл про молоко, потому что напряженно и ответственно думал о запуске нового проекта.

Плохие оценки в учебе – это не «ужас-ужас, ребенок туп, ленив, безответственен, никогда не сможет устроиться на нормальную работу». Плохие оценки – это ребенок почему-то не может или не хочет делать то, что требуют в школе. И все. Не надо вешать никаких ярлыков. Не надо выводить оценку личности на основе оценок в дневнике. Во взрослом мире считается бестактным вопрос «Сколько ты зарабатываешь?». Однако почему-то считается нормальным спрашивать у школьника: «Как ты учишься? Как четверть закончил?» Я не считаю, что ребенок должен перед всеми бабушками, дедушками, тетями, дядями, мамиными подругами, приятелями отца, зашедшими в гости, отчитываться, сколько у него в дневнике троек, четверок и пятерок. Разрешите ребенку не отвечать на этот вопрос. Научите его словесным формулировкам, позволяющим уклониться от темы, отшутиться. Сами тоже отшучивайтесь, если, рассказывая об оценках ребенка, чувствуете себя неловко. Вы ведь ни перед кем не обязаны отчитываться.

Когда ребенок приносит домой плохую оценку, у родителей могут возникать разные эмоции.

1. Жалость к ребенку. *«Он так старался, но что-то не получилось. Теперь он переживает».*

2. Жалость к себе. *«Я столько усилий трачу, чтоб он учился, и такой результат».*

3. Зависть к другим. *«У всех знакомых дети отличники, и только мой...»*

4. Чувство вины. *«Я плохая мать. Я что-то упустила».*

5. Гнев на ребенка. *«Бездельник! Разгильдяй! Вообще не занимается!»*

6. Гнев на другого взрослого (второй родитель, репетитор, учитель). *«Неужели нельзя объяснить так, чтоб до ребенка дошло!»*

7. Страх за будущее. *«Как же он дальше будет жить, если будет так учиться?»*

8. Стыд. *«Что обо мне подумают?»*

В норме эмоция должна быстро проходить, не оставляя сокрушительных последствий. Но бывают сокрушительные последствия в прямом смысле этого слова. Одна моя клиентка пришла на консультацию после того, как разбила молотком монитор компьютера, увидев в дневнике сына три двойки. И это еще не самые плохие последствия. Хуже, когда от физических действий страдает не предмет, а человек. Застревание в негативной эмоции чревато. Эмоции блокируют конструктивные мысли. Даже жалость к ребенку может залить настолько, что родитель окажется не в состоянии помочь ребенку, поддержать его. Между тем все сильные эмоции в основе своей имеют некое ограничивающее убеждение.

Например такое:

- «Хорошие дети получают только хорошие оценки».
- «У хороших родителей дети получают хорошие оценки».
- «Хорошие оценки – основа хорошей жизни».

Если убеждение соответствует реальности, то есть ребенок приносит хорошие оценки, то можно оставить себе это убеждение. (Главное, не лезть с ним к другим людям, в чужую жизнь.) Но если убеждение не соответствует жизненным реалиям, то становится сложно сохранять спокойствие, сложно избегать разочарования. И здесь есть два пути. Первый – попробовать подогнать жизненные реалии под свои убеждения. Второй – изменить свои убеждения под жизненные реалии. Если вы уже пытались ребенка мотивировать, стимулировать, заниматься с ним, доучивать с помощью репетиторов, но оценки по-прежнему не радуют, для сохранения спокойствия имеет смысл свернуть на второй путь и проработать свое убеждение, превратив его в следующее: *«У меня хороший ребенок. Хороший, даже когда получает плохие оценки. Я знаю его сильные стороны. Я знаю, что есть вещи, которые у него получаются наилучшим образом. Я*

уверена, что это поможет ему найти свой рецепт счастливой жизни в будущем. А я хороший родитель, потому что верю в своего ребенка».

Домашние задания как фактор стресса

Приближающийся конец учебной четверти превращает учебу в марафон за положительными отметками. Ведь даже обычная «домашка» может склонить в спорной ситуации чашу весов в сторону нужной четвертной отметки. Поэтому клич «Виталик, делай уроки!» вот уже два часа исполняется приехавшей в гости бабушкой. Мама не поддерживает фанатизм по поводу отметок, но поддерживает бабушку. Поэтому подключается к процессу: «Виталик, делай уроки!»

Задание на использование уменьшительно-ласкательных суффиксов.

– Мяч. МяЧИК, – вслух проговаривает Виталик то, что должен написать в тетради.

– Угу, – устало поддерживают мама с бабушкой правильный ответ.

– Человек. Людь.

– Какой людь?! ЧеловеЧЕК!!! – хором взвизгивают мама с бабушкой.

– Да шучу я. Что вы, шуток не понимаете? – обижается юморист.

– Не понимаем, – отвечает мама за двоих, за себя и за бабушку. – Нам полшага до истерики, а ты шутишь!

– Какие полшага? Вы обе на диване сидите. Вам до истерики еще как минимум встать с дивана нужно, и только потом шагать, – не унимается юморист.

– Предупреждаю. У меня до истерики осталось одно швыряние тапком.

– Не тапком, а тапоЧКой, – поправляет маму Виталик, выучивший уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Мамина тапочка летит под ноженьки этому умничку...

– Чайник. ЧайниЧЕК, – продолжает выполнение задания Виталик. – Какое дурацкое слово. Зачем его писать, если в разговорной речи его не используют?

Умничек еще успевает философствовать...

– СыноЧЕК, иди поставь чайниЧЕК, – моментально приводит мама пример использования «дурацкого» слова.

Внезапно бабушка встает с дивана:

– Да что ты! Пусть ребенок уроки делает! Я сама чайник поставлю, – и уходит на кухню.

До начала каникул еще чуть-чуть продержаться...

«Господи, помоги мне сделать уроки с детьми и остаться любящей мамой, культурной женщиной и адекватной

соседкой!» – эта шутка кочует в социальных сетях по статусам мам школьников. Одна мама призналась мне на консультации, что уже с утра начинает напрягаться в ожидании вечера. Когда она вернется с работы, а там ребенок, который не выполнил домашнее задание. «И придется с ним сидеть до ночи. Он будет тупить, а я буду, еле сдерживая гнев, объяснять по десятому разу, что надо написать. Ну почему он не может это сделать сам, днем, пока мозги еще соображают?»

Действительно, почему? Что нас побуждает к действию? Всего два фактора: либо мотив, либо стимул. Мотив – внутренний фактор. Стимул – внешний. Даже для того, чтобы просто встать с дивана, у меня должен быть внутренний мотив (захотелось пойти попить чаю) или внешний стимул (дети позвали). Стимул может быть положительный или отрицательный. Положительный стимул – то, от чего станет хорошо, если я это сделаю. Отрицательный стимул – то, от чего мне станет плохо, если я это не сделаю. В народе это называют «метод кнута и пряника». При наличии устойчивых внутренних мотивов на хорошее поведение ни кнут, ни пряник не требуются. Относительно домашнего задания – аналогично. Если есть внутренняя мотивация выполнять домашнее задание, то ребенок его делает сам, без принуждения и напоминания, при необходимости обращаясь за помощью к родителям. Но это не частый случай. Многим родителям приходится прибегать к дополнительным стимулам. Конечно, не буквально хлестать кнутом и закармливать пряниками. К *положительным стимулам* относятся похвала, интересное дело (быстро сделаешь уроки, и тогда вечером сходим покататься на коньках), подарок. К *отрицательным стимулам* относятся высказывание недовольства, критика, запрет на какую-то деятельность (отлучение от компьютера), лишение карманных денег. Наиболее легко воздействовать через материальные стимулы (куплю/не куплю), но с точки зрения воспитания личности лучше всего находить положительные нематериальные стимулы. На практике это бывает ох как непросто.

Если у ребенка отсутствует мотивация на выполнение домашнего задания, то стратегии могут быть разными.

Первый вариант (для смелых родителей и для детей старше десяти лет). *Эксперимент.*

Отпускаем ситуацию, наблюдаем, что будет. При необходимости незаметно для ребенка пьем валерьянку. Внезапно может оказаться, что «неделание уроков» никак не отразилось на учебе, потому что ребенок очень способный, все схватывает на лету. Чтобы хорошо понимать материал, ему не обязательно еще и дома сидеть за учебниками. «Домашку» не делает

принципиально, но оценки от этого хуже не стали. Прекрасно. Можно больше не пить валерьянку и не приставать к нему.

Или же ребенок в процессе такого эксперимента нахватает двоек, замечаний, перестанет понимать, что вообще сейчас проходят на уроке. Столкнувшись с такими последствиями, он может самостоятельно прийти к выводу о необходимости выполнения домашних заданий. И начнет их делать, уже без уговоров и напоминаний.

Крайний вариант – это когда ребенок не вздрогнет от количества принесенных двоек и отношения к домашнему заданию не изменит. Тогда его ожидает серьезный разговор. Примерное содержание: «У нас есть закон об обязательном среднем образовании. Хочешь ты или не хочешь, но получить это образование нужно. Для этого достаточно учиться хотя бы без двоек. Эксперимент показал, что ты не можешь учиться без двоек, если не занимаешься еще и дома. Так как сам ты не можешь усадить себя за уроки, я буду пока замещать твою силу воли и лично контролировать, как ты выполняешь задание».

Так от первого варианта мы переходим ко второму. (Можно без эксперимента, сразу ко второму.)

Второй вариант. Договор и контроль.

Этот вариант подходит в случае, когда гипотетически ребенок уже может самостоятельно выполнить домашнее задание. Обговариваете с ребенком время, когда он будет выполнять домашнее задание. Или же просто устанавливаете час проверки, до которого все задание должно быть выполнено, а будет ребенок сразу после школы с «домашкой» сидеть или после тренировки, прогулки – это уже на его усмотрение. Предположим, ребенок ложится спать в 22:00. В 20:00 родители проверяют у него домашнее задание. Не в 19:45, не в 20:15, а ровно в 20:00. Соблюдение договоренности должно быть с двух сторон. Родители, выполняя свою часть договора, показывают ребенку пример. Найдутся ошибки – до сна еще есть время их исправить.

Если задание окажется не выполненным, наступают штрафные санкции (отрицательное стимулирование). Штрафные санкции можно предложить ребенку придумать самому. Когда санкции за нарушение договора ребенок придумывает сам, то и выполнять договор он будет более осознанно и более лояльно воспримет наступление санкций.

Известные мне варианты штрафных санкций, предложенных детьми:

- «Если я не сделаю домашнее задание, то на следующий день я не буду играть на компьютере».
- «Тогда на следующий день я не пойду гулять».
- «Я тогда на следующий день помою пол во всех комнатах».

Санкции должны быть такими, чтобы действительно стимулировали к выполнению домашнего задания. Если хитрый ребенок говорит, что в случае нарушения регламента он на следующий день лишается возможности читать книгу, а сам и без этого никогда книг в руки не берет, то этот вариант не подходит.

Можно не останавливаться на отрицательных стимулах, а добавить положительные. Пусть за ежедневное своевременное выполнение домашнего задания в конце недели ребенок получит бонус. Мероприятие, поездку или небольшой подарочек. Бонус придумывается совместно, исходя из возможностей родителей и интересов ребенка.

Зачем нужны санкции и бонусы? Для совершения действия нужны либо мотивация, либо стимул. Если бы у ребенка была устойчивая мотивация, то подобный договор не понадобился бы. А если нет мотивации, нужно подключать стимулы.

Для чего необходимы временные рамки? Без этих рамок часто бывает следующая картина:

– Ты уже пришел из школы?

– Да.

– Когда за уроки сядешь?

– Попозже.

Через полчаса:

– Ну что? Отдохнул? Сделай уроки, и весь вечер свободный будет.

– Потом.

Мама в напряжении ожидания. Мама боится повторения вчерашнего вечера, когда уроки делались поздним вечером со скандалом.

– Да садись уже за уроки! Опять до ночи затянешь!

И чем больше мама говорит про уроки, тем меньше ребенку хочется за них садиться: «Достали уже со своими уроками». Возникает протестная реакция. Ребенок оттягивает как можно дольше момент открытия дневника и учебников. Откроет тогда, когда мама дойдет до крайней точки кипения. В сознании постепенно закрепится своеобразный сигнал начала выполнения домашнего задания – когда мама закипела.

По факту само выполнение домашнего задания может занять от силы час. Но если противостояние «садись за уроки – попозже»

длилось целый день, остается ощущение, будто весь день семья решала задачи и разбиралась с суффиксами. Это очень выматывает. Причем и взрослых, и детей. Как сказала одна девочка-подросток на консультации: «Я бы сама уже села за уроки, но тут мама со своим «быстро садись», и у меня пропадает желание. Хочется из принципа ничего не делать, потому что я хочу, чтобы это было мое решение».

При договоре ребенку про уроки не напоминают. Он сам решает, когда их сделать. Или не сделать и попасть в ситуацию «сам себя наказал» – лишиться бонусов. Ни мама, ни папа ничего не говорят про выполнение заданий до назначенного часа. Эмоционально это легче переживается: «Я раньше внутри закипала всякий раз, когда слышала от дочери «потом» или «позже». Сейчас я относительно спокойно провожу день».

Если окажется, что ребенок не может сам регулировать свое время и успевать делать уроки до назначенного часа, никакие санкции и бонусы не стимулируют, запускается **третий вариант**: строго определенный час каждый день, когда ребенок выполняет уроки при непосредственном участии родителей. Строго

определенный час избавляет от споров и нервозности по поводу, когда же сесть за уроки. Ребенок заранее настроился, родитель завершил свои дела. Время домашних заданий – это только время домашних заданий. Ни ребенок, ни родитель не отвлекаются на телефонные разговоры, полностью включены в процесс.

На первом этапе все выполняется при непосредственном участии родителя, но постепенно контроль ослабляется. Ребенку предоставляется больше самостоятельности, после того как закрепится привычка делать уроки в одно и то же время. Позднее сопровождение замещается на итоговый контроль в определенный час. То есть в идеале за несколько недель или месяцев должен произойти переход от третьего варианта ко второму.

Домашние задания, безусловно, важны, но не настолько, чтобы портить отношения с ребенком.

Есть определенная сложность в ситуации, когда темпераменты мамы и ребенка не совпадают. Когда мама очень энергичная, деятельная, занятая, маме хочется, чтобы все было сделано быстро, – а ребенок медлителен. Учебник достает – медленно. Нужную страницу открывает – медленно. Схему перерисовывает – медленно. Мама заводится от такой медлительности. Ребенок делает ошибку, начинает искать ластик, потом стирает – все медленно. «Зачем ты все стер?! Надо было только одну линию!» – мама уже закипает, ей хочется стукнуть по руке нерадивого оболтуса, отобрать карандаш и линейку, самой быстренько начертить как надо.

Если маме не хватает терпения, если сложно сдержаться, взять себя в руки, то лучше эти руки чем-нибудь занять. Я серьезно. Придумать занятие для рук: вышивка, вязание, плетение макраме, лепка, рисование мандал – что угодно. Это успокаивает нервы.

Домашние задания, безусловно, важны, но не настолько, чтобы портить семейную атмосферу и отношения с ребенком. Упущенные знания, в крайнем случае, можно наверстать с помощью репетитора. Испорченные отношения восстанавливаются сложнее.

Варианты отношений ребенка и домашнего задания можно разделить на четыре группы по комбинации двух критериев: желания и возможности.

1. Хочет и может. Идеальный вариант. Высокая мотивация и высокие способности. Родители проблем не знают.

2. *Хочет, но не может.* Мотивация есть, но без помощи не справится. И это не всегда потому, что способностей не хватает. Некоторые программы, по которым занимаются в начальной школе, предусматривают, что детям будут помогать родители. У составителей таких образовательных программ есть идея, что таким образом семья сплачивается. Например, задание составить презентацию на тему «Дикие животные в народном творчестве моего края» во втором классе. Сколько второклашек с этим справятся самостоятельно? Поэтому надо помогать. С отстающим надо заниматься дополнительно, а при необходимости взять репетитора. Это все стратегии перевода в группу «хочет и может»

3. *Не хочет, но может.* Способности высокие, мотивации нет совершенно. Особенно это характерно для детей подросткового возраста в период, когда у них ведущий вид деятельности сменяется с учебы на общение со сверстниками. Еще недавно ребенок учился на четыре и пять, а теперь перестал заниматься дома. Не старается совершенно. За счет способностей получается не скатываться до двоек. Можно придумывать стимулы взамен отсутствующей мотивации. Можно отпустить ситуацию (спасибо, что не двойка), можно мужественно дождаться старших классов, когда ведущим видом деятельности снова станет учеба. Когда приближающиеся экзамены разбудят мотивацию. Когда самому ребенку будет понятно, зачем нужны хорошие оценки. Моя подруга, многие годы занимающаяся репетиторством по математике и подготовкой к экзаменам, часто прямо и честно говорит родителям: «Ребенок не хочет. Не стоит сейчас, в шестом классе, тратить деньги на репетитора. На тройку он сам тянет. А на пятерку просто не хочет. В восьмом, в крайнем случае в начале девятого класса, ваш ребенок сам попросит нанять ему репетитора и будет заниматься. И сдаст не хуже одноклассников.

В восьмом классе у многих происходит переключение на учебу. Бывшие разгильдяи начинают учиться». То есть можно с помощью стимулов воздействовать на его «хочу», а можно дожидаться возникновения естественной мотивации и автоматического перехода в группу «хочет и может».

4. Не хочет, не может. Самый сложный и энергозатратный вариант для родителей. Легче всего в этом варианте получается скатиться до состояния «я учусь вместо ребенка». В этом варианте никак не обойтись без контроля, без помощи, без стимулов. Самая эффективная стратегия в этом случае – работа на создание ситуации успеха. Чтобы ребенок поверил в свои силы, чтобы почувствовал вкус успеха. Тогда возрастают шансы на возникновение «хочу», которое затем подтянет «могу».

Репетитор

К услугам репетиторов обращаются все чаще и по разным причинам. Когда я училась, ни у меня, ни у моих одноклассников репетиторов не было. Со словом «репетитор» я познакомилась в вузе, когда одnogруппницы, проживающие в областном центре, рассказывали, как они готовились к поступлению. Сейчас же тенденция такова, что репетитора приглашают не только перед сдачей экзаменов. Репетитор может помочь объяснить школьный материал другими словами в другой обстановке. В школе ребенок почему-то не понимает, а когда объясняет репетитор, наступает ясность. Репетитор поможет подтянуть отметку с двойки на тройку или с тройки на четвертку. Репетитор может заниматься вообще не по программе и не с целью повысить оценку по предмету. Целью может быть повышение интереса к предмету, решение задач, выходящих за пределы школьной программы, подготовка к олимпиадам.

При выборе репетитора ориентироваться надо именно на цель. Но здесь важно, чтобы ваша цель совпадала с профессиональными интересами и возможностями репетитора. Принцип «чем дороже, тем лучше» не работает. Потому что может быть так, что репетитор, час которого стоит очень дорого, прекрасно готовит к поступлению в престижный вуз, но не способен объяснить тривиальные вещи. Слов для этого не находит, кроме: «Это же очевидно!» – и быстро теряет терпение. Принцип «подруга посоветовала, им помог, и нам поможет» тоже не работает, если репетитор нужен вам для разных задач. Например, подруга хотела шестиклассника «вытянуть на троечку», а вам нужно девятиклассника «натаскать на ЕГЭ» или подготовить ребенка к поступлению в профильную гимназию.

Вот пример. Одна семья пригласила в качестве репетитора очень уважаемого в своем городе учителя математики. Он работал в профильных классах, вел факультативы по математике, постоянно вывозил своих учеников на различные олимпиады. Прекрасный педагог, с большим опытом, увлеченный предметом. Кто, как не он, сможет объяснить семикласснику сложение и вычитание многочленов? Однако время шло, а результата не видно. Не увеличивалось у ребенка понимание предмета, не улучшались оценки, а родительский кошелек стремительно худел. Пришлось отказаться от услуг репетитора. Пожаловалась мать на свою печаль соседке. А та возьми и предложи: «Давай моя Светка с твоим позанимается. Она недорого берет». Светка ее педагогический институт недавно окончила. Сомнения, конечно,

были. Потому как Светка (болтливая соседка эту информацию не скрывала) во время учебы экзамены по математике по пять раз пересдавать ходила, мать даже сомневалась, что она вообще закончить сможет. Да и в школе Светке математика нелегко давалась. Все-таки решили попробовать... Спустя месяц довольные родители, любуясь первой четверкой в тетради, спросили, как ей это удалось. Светка, то есть Светлана Ивановна, сказала, что она объясняет тем способом, с помощью которого она сама когда-то смогла понять этот сложный для нее, но очевидный для других материал. Сейчас Светлана Ивановна востребованный специалист, репетитор, к которому выстраиваются в очередь родители, чьи дети, со слов учителей, «не понимают элементарных вещей». Ее талант в том, что она умеет находить слова, чтобы объяснять «очевидное». Но она не готовит к ЕГЭ и не учит решать олимпиадные задачи. Это не ее специализация. С такими запросами она перенаправляет к своим коллегам.

В моей студенческой жизни тоже был период, когда я занималась репетиторством. Я тогда очень удивлялась, почему родители берут репетитора пятиклассникам и даже третьеклассникам. Ведь программа легкая, родители сами могут объяснить. Особенно меня удивило, когда с ребенком попросила позаниматься мама – учитель математики, только что вышедшая в декретный отпуск. Зачем им репетитор?! Она же может сама! У нее для этого есть и знания, и свободное время... Я не удержалась и спросила: «Почему? За что вы готовы платить деньги? Вы же сами можете заниматься». Ответ был искренним: «Заниматься могу. Но мне при этом ее прибить хочется. Нервов хватает только с чужими детьми заниматься. Я плачу за свое спокойствие и за безопасность ребенка».

Если вам тоже не хватает нервов на то, чтобы заниматься со своим ребенком, а один он не справляется, имеет смысл подумать о репетиторе. Все-таки хорошо, когда мама остается только мамой. Любящей, заботливой, поддерживающей: «Ты занимайся, а я пока пирожков напеку. Ты с чем хочешь?», а не орущей: «Сколько раз можно тебе повторять! При переносе знак меняется на противоположный!»

У репетитора терпения гораздо больше. Потому что ему за это платят. И потому что с чужим ребенком включается только функциональная часть личности: «Я просто делаю свою работу». А со своим ребенком непременно включается эмоциональная часть. Это не может оставаться в стороне, потому что «это же мой ребенок, моя плоть и кровь». И вот сейчас эта плоть невообразимо тупит над простейшим уравнением. В этот момент рождается

много разных интенсивных эмоций. *Страх*: «Как он напишет контрольную? Опять на два?» *Вина*: «О боже, когда я так запустила ребенка?» – которую тут же хочется переложить на ребенка, поэтому возникает *гнев*: «Не отвлекайся! Сюда, в тетрадь смотри! Чем ты на уроках занят, если вообще ничего не понимаешь?!» После агрессивного наезда на ребенка подключается *стыд*: «Я плохая мать» И *отчаяние*: «Я опять сегодня не смогу лечь спать вовремя».

Как сказала одна наблюдательная девочка: «Школу придумали для того, чтобы поссорить детей и родителей» Не надо ссориться. Если есть финансовая возможность, лучше обратитесь к репетитору. А если нет, держимся за мантру: «У меня хороший ребенок. Хороший, даже когда получает плохие оценки».

В моем окружении много знакомых, выбравших семейное образование. Это такая форма получения образования, при которой в школу можно не ходить. Родители сами или с привлечением помощников обучают своего ребенка. В школу ребенок приходит только для прохождения промежуточной и итоговой аттестации. При успешном прохождении итоговых аттестаций учащийся получает аттестат той школы, где он сдавал экзамены.

Люди по разным причинам выбирают эту форму получения образования. Например, хочется им избежать затяжной холодной уральской зимы, и они улетают к теплому океану в октябре, а возвращаются в марте. Не оставлять же школьника одного дома только потому, что в школу надо ходить. Есть возможность учиться дистанционно. На берегу теплого океана тоже есть Интернет с доступом к различным образовательным ресурсам.

Или построили дом за городом. До ближайшей приличной школы час езды в одну сторону. Одну четверть мужественно возили. Потом мама посчитала, что за те четыре часа, что она проводит в дороге (по два раза в каждую сторону, не сидеть же шесть уроков возле школы), можно самой объяснить материал, а не только помочь с домашней работой.

Есть родители, выбирающие семейное образование, потому что ребенок не смог учиться в традиционной школе. Например, ребенок с дислексией. Или ребенок с СДВГ.

Но большинство «семейников» не водят ребенка в школу по идейным соображениям. Потому что недовольны качеством образования, тем, как выстроен процесс обучения, отсутствием индивидуального подхода. Кто-то из них сразу принял решение не отдавать ребенка в школу. Кто-то решил попробовать, но через какое-то время (несколько недель или несколько лет) все-таки написал заявление о переводе на семейную форму. Переход на семейное образование возможен в любой момент обучения, в любом классе.

Мой сын был знаком с детьми, которые не ходят в школу, а занимаются дома, еще до того, как сам пошел в первый класс. И, начиная с первого класса, он периодически поднимал тему альтернативы школьной «обязаловке». Иногда он подходил ко мне с конструктивными предложениями: «Знаешь, я подумал, что если я уйду из школы, мы сэкономим на школьной форме». Но чаще он просто ныл: «Не хочу в эту дурацкую школу!» Мои традиционные устои постепенно расшатывались. Педагогу в

третьем поколении очень сложно начать выступать против школы. Моя генетическая память нашептывала о необходимости социализации и важности дисциплины. (Я вам раньше не говорила, что моя бабушка была директором школы?) В середине Сашкиного третьего класса я сдалась. И написала заявление на переход... нет, не на семейное... На заочное образование.

Такая форма получения образования тоже предусмотрена законом. Отличие в том, что ребенок остается в школе, остается прикрепленным к конкретному классу и в конце четверти пишет вместе со всем классом контрольные работы. Можно даже выборочно приходить на уроки, но в школу каждый день ходить не обязательно.

Я струсил, не рискнула сразу уходить из школы на семейное. Решила попробовать и на всякий случай оставила себе пути к отступлению. Чтобы была возможность вернуться назад. В тот же класс, в ту же школу.

В первую же неделю я решила, что это хорошо. Не нужно было утром вставать в 6:40, как раньше, чтобы успеть к первому уроку, который начинался в 8:00. Появилась возможность высыпаться.

Второй плюс – свободные вечера. Раньше вечера были заняты домашними заданиями, которые непременно нужно было сделать к завтрашнему дню. При заочном обучении мы в свободном, достаточно расслабленном режиме выполняли задания днем, сколько успевали. А вечером делали что хотели. Играли в настольные игры, смотрели кино.

Третий плюс: относительная мобильность. Появилась возможность среди недели куда-нибудь уехать, что-то интересное посмотреть.

Четвертый плюс: гибкий подход к выбору заданий. Так как это заочная, а не семейная форма, свобода обучения была ограничена образовательной программой. У нас были учебники и рабочие тетради, учились мы преимущественно по ним. Но если английский давался с трудом – задания для выполнения я выбирала попроще. А если математика легко, то на простые однотипные задания мы времени не тратили, решали те, что «со звездочкой», а дополнительно я приобрела сборник олимпиадных задач.

Досадно констатировать этот факт, но школа не учит учиться.

Пятый плюс: высвободилось время на то, чтобы развивать познавательные процессы. Парадокс, но пока ребенок учился в школе, заниматься развитием его внимания, памяти и мышления

было некогда. Досадно констатировать этот факт, но школа не учит учиться. Без необходимости проводить в обычной школе шесть часов, появилась возможность походить на занятия в Школу развития интеллекта. Там Сашка знакомился с различными приемами запоминания информации (мнемотехника), упражнениями на концентрацию внимания и на развитие скорости чтения. При всем отвращении к общеобразовательной школе в необязательную к посещению Школу развития интеллекта он ходил с удовольствием. Почему? Потому что там предлагали сложные, нестандартные задачи, головоломки – все, что любит его мозг. А еще в этой школе его много хвалили, каждый день отмечали прогресс и за старания давали жетоны – внутреннюю валюту, которую потом можно было обменять на призы. То есть была сама по себе познавательная мотивация, а также нематериальная мотивация (признание) и материальная (призы за жетоны).

Шестой плюс. Весьма неожиданный для меня. Итоговые оценки по многим предметам стали выше, чем были. Конечно, оценки – это не главное, но все равно приятно.

А теперь о минусах. Минусы тоже есть, и они существенны. У меня почти не осталось времени на работу. Я сократила количество консультаций. Я провела на два онлайн-тренинга меньше, чем за аналогичный период в прошлые годы. За полгода я не добавила на сайт ни одной новой статьи. Я сдала рукопись в издательство позднее планируемого срока. Все-таки мама, работающая дома, это не то же самое, что совсем не работающая мама. Поэтому, хотя я и считаю эксперимент удачным, пока не знаю, буду ли я продолжать этот опыт.

Второй минус. Накануне аттестации приходилось принуждать ребенка к выполнению заданий. Ему не хочется, но надо, потому что иначе он не будет аттестован по предмету. Раньше функцию принуждения выполняла школа, и в частности учитель, а я могла оставаться поддерживающей и сочувствующей мамой. Теперь – нет. Очень сложно быть мамой и учителем одновременно.

А вот тот минус, которым больше всего пугают сторонники традиционной системы, никак не проявился. Совсем. Я сейчас говорю об отсутствии социализации, дефиците общения со сверстниками, неспособности выстраивать коммуникации и соблюдать дисциплину. У многих есть идея, что ребенок на семейном образовании – это «тепличное растение», неспособное вписаться в систему. Ему пророчат проблемы при обучении в вузе, проблемы с адаптацией к трудовому коллективу.

По факту, дети на семейном обучении могут иметь даже более широкий круг общения, чем их сверстники, которые ходят в

школу. За счет гибкого графика и высвободившегося времени «семейники» и «заочники» могут посещать больше спортивных секций и кружков по интересам. Летом они так же могут поехать в лагерь, как и их «школьные» сверстники.

Есть еще вариант, который в моем представлении совмещает плюсы традиционного школьного и семейного образования. Когда «семейники» объединяются вместе и делают для своих детей новую школу, такую, которая бы отвечала их потребностям. Например, такая школа есть в Екатеринбурге. Изначально она была создана двумя мамами-педагогами для своих детей. Одна была сильна в точных науках, другая – в гуманитарных, решили объединиться для общей пользы. Арендовали помещение, пригласили единомышленников. Сначала из числа друзей и знакомых. Постепенно детей становилось всё больше и больше. И педагогический состав тоже стал расширяться. Формально, по документам, все дети, обучающиеся у них, остались учениками своих школ. Родители написали заявление о переходе на семейную форму обучения. В своей школе дети проходят итоговую и промежуточные аттестации. По факту, они все учатся в этой «семейной» школе. Каждый день приезжают на уроки. Но – и это важно – не к 8:00, а к 10:00 утра, когда уже выпались, когда основные «пробки» на улицах города рассосались.

Как и в обычной школе, здесь классно-урочная система. Но классы маленькие, с возможностью индивидуального подхода к каждому. Организаторы для проведения уроков находят самых хороших репетиторов, творческих, увлеченных предметом, харизматичных, способных влюбить в свой предмет. Потому что интерес к предмету часто возникает от интереса к личности учителя. Кроме обычных уроков, в жизни школы есть еженедельные образовательные экскурсии. Потому что с небольшим количеством детей это проще организовать. И вообще, это гораздо интереснее – изучать окружающий мир не по учебникам. Тропические растения не на картинке, а в оранжерее ботанического сада. Профориентация не только по тестам, а через экскурсии на различные предприятия. Здорово, когда есть возможность раздвинуть границы классов, показать детям, что учиться можно везде: на выставке в музее, на прогулке по городу.

За счет малой наполняемости классов и оптимизации учебного процесса высвобождается много свободного времени. Это время заполняют творчеством, шахматами, любительским театром. Вариативная часть легко подстраивается под интересы детей. Захотели учить китайский – организаторы найдут учителя китайского языка. Нет формы, нет оценок. (За исключением пробных аттестационных работ. Но это нужно для того, чтобы

иметь представление о том, как работы будут оценены в обычной школе.)

Очень дружелюбная школа. Выбор родителей, которые хотят совместить свободу и гуманизм семейного образования для своих детей с возможностью работать для себя.

Минус (ну как без этого?) – платно и совсем не дешево, потому что нужно оплачивать аренду, экскурсии и работу приглашенных педагогов.

Часть 5

Отношения с учителями и одноклассниками

Мама, тебя в школу вызывают

Иногда такое случается: ребенок приносит из школы нерадостную весть. Зачем-то учитель, или даже директор, или даже весь педагогический совет желают срочно поговорить с родителями ученика. Цели такой встречи могут быть разные, зависит от адекватности и уровня развития сторон.

Цели учителя могут быть такие:

1. Напугать ребенка. Может, подействует, и он перестанет так себя вести.
2. Донести до родителей информацию, что происходит с их ребенком.
3. Донести до родителей информацию, и пусть дальше сами разбираются с поведением своего ребенка.
4. Получить от родителей информацию о возможных причинах такого поведения ребенка, чтобы понять, как дальше с ним работать.
5. Получить от родителей информацию о возможных причинах такого поведения, совместно выработать план действий с целью помочь ребенку.

Цели родителя могут быть такие:

1. Сходить, раз зовут. Показаться. Формально исполнить «родительский долг».
 2. Переложить ответственность на школу, расписаться в полном бессилии, может быть, вызвать жалость. «Сделайте с ним что-нибудь. У меня уже руки опускаются».
 3. Получить информацию о ребенке: что у него происходит в школе.
 4. Донести информацию о ребенке до педагогов, объяснить мотивы поведения ребенка, защитить ребенка.
 5. Донести/получить информацию о ребенке, чтобы совместно выработать план действий с целью помочь ребенку.
- Идеальный вариант, когда цели педагогов и родителя совпадают. То есть они хотят обменяться информацией о возможных причинах такого поведения ребенка и вместе выработать план действий с целью помочь ему. Тогда между сторонами возможен конструктивный диалог и дальнейшее

сотрудничество на благо ребенка.

Даже самый злостный преступник имеет право на адвоката. У ребенка таким адвокатом должен быть родитель.

Худший вариант, когда стороны будут обвинять друг друга в бездействии, начнут перекладывать ответственность за поведение ребенка друг на друга и разойдутся в стадии накала эмоций. «Неудивительно, почему ребенок так себя ведет. У него же такие родители!» – скажут педагоги. «На себя бы посмотрели эти педагоги! Школа вообще ничему не учит!» – фыркнут родители.

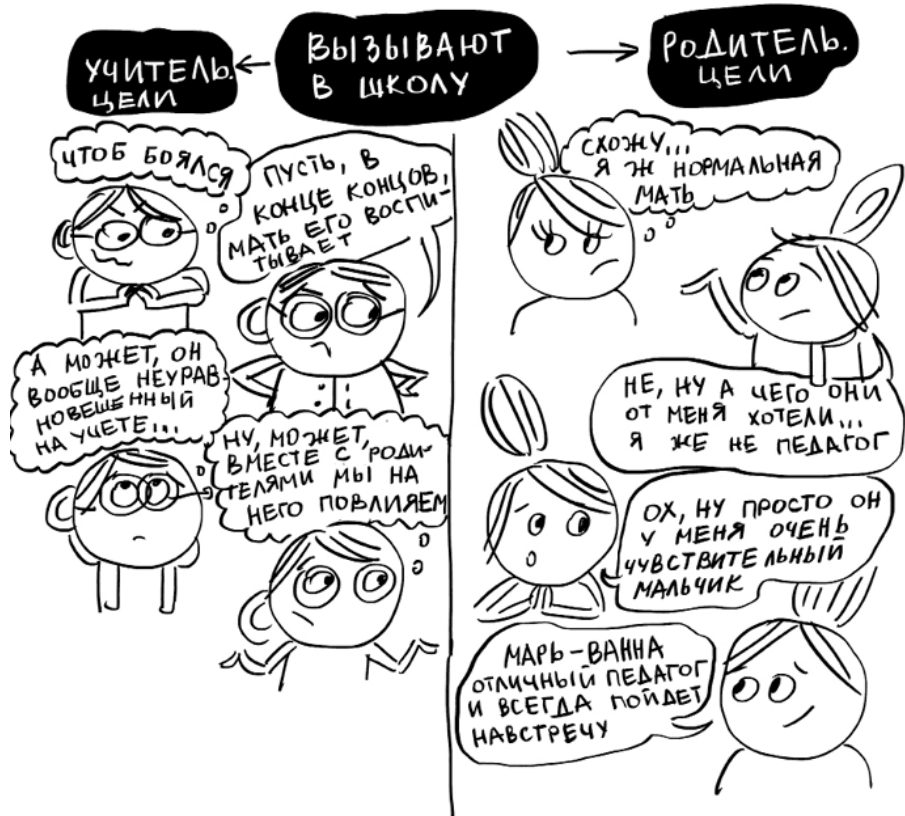
Противостояние родителей и учителей отразится на отношении к ученику. Хотя нет, это не худший вариант. Худший – это когда родители и учителя объединятся в своей борьбе против ребенка. Когда родители расскажут, как он плохо ведет себя дома, а учителя выложат все школьные проступки и промахи. Когда они совместно атакуют ребенка критикой, замечаниями, обвинениями, мрачными прогнозами относительно его будущего. Даже самый злостный преступник имеет право на адвоката. У ребенка таким адвокатом должен быть родитель.

Задачи родителя

- Быть на стороне ребенка. Понять его потребности. Объяснить мотивы его поведения.

- Быть в сотрудничестве с педагогами, стараться понять их потребности, уверить их в возможности исправления ситуации.

Поясню. Быть на стороне ребенка – это не значит одобрять любой его проступок. Это значит – защищать его право на ошибку и верить в исправление. Это – отделять поступок от личности. Поступок может быть плохим, ребенок – нет. Каждый поступок надо разбирать в связи с контекстом, учитывать все сопутствующие факторы, выяснять причины, выяснять те неудовлетворенные потребности, которые подтолкнули ребенка на совершение поступка.

Быть на стороне ребенка – это не значит быть в конфликте с педагогом, перекладывать на него ответственность за случившееся, обвинять его в непрофессионализме. Займите позицию медиатора, посредника в конфликте, будьте на стороне ребенка и при этом в сотрудничестве с педагогом. Потому что если родитель встанет в оппозицию школе, то на ребенке это скажется не лучшим образом. К нему может сложиться предвзятое отношение. Агрессивно нападающего родителя предпочтут больше в школу не приглашать, потому что: «А что толку? От этого учителю только хуже». Родитель, таким образом, лишится возможности узнать больше информации о своем ребенке и при необходимости помочь ему.

Пример, как нужно поступить

Миша выкинул шапку Вани в мусорный контейнер на заднем дворе школы. Мама Вани в ярости, потому что и шапку жалко, и тревожно за ребенка, который зимой вернулся домой без шапки. Классный руководитель негодует по поводу хулиганского

поступка. Как Миша мог так поступить с товарищем!

Стратегия Мишиной мамы: «Понимаю, как вам неприятно, что это произошло в вашем классе. А есть ли к Мише еще какие-нибудь нарекания по поведению? Кто-то еще из детей обращался с подобной жалобой? Больше он ни у кого ничего не выкидывал? Согласитесь, адекватный, спокойный ребенок не будет просто так срывать шапку с кого-то и выкидывать. Вы не знаете, почему Миша выкинул именно Ванину шапку? Что этому предшествовало? Вы говорите, у них часто возникали ссоры, но в ссорах всегда есть зачинщик. Зачинщик – это тот, кто нарушает границы личности другого человека. Вы знаете, кто был зачинщиком в их ссорах? По рассказам Миши, Ваня постоянно лез драться. Ваня может на перемене просто так подбежать и пнуть. Вы знаете, что нападки Вани продолжались уже несколько месяцев? Миша просто не нашел другого способа защитить себя и как-то урезонить обидчика. Я не оправдываю поступок сына, но я его понимаю. И вы, пожалуйста, постарайтесь понять ребенка. В сложившейся ситуации он просто уже не знал, что делать. Я, конечно, поговорю со своим ребенком, но, мне кажется, Ване тоже стоит пересмотреть свое поведение. Мне кажется, нам всем важно обратить внимание на психологический климат в классе, чтобы впредь не было подобных инцидентов. Хочется, чтобы ребенку не приходилось придумывать такие экзотические формы самозащиты».

Заметьте, что в этом диалоге не звучит прямых обвинений в адрес педагога: «Распустили класс!», как и в адрес другого родителя: «За своим смотрите!» Только сочувствие: «Мне жаль, что так случилось» – и призыв к сотрудничеству: «Давайте вместе сделаем так, чтобы подобное не повторилось» Это пример того, как надо вести переговоры.

Пример, как поступать не надо

- Не надо игнорировать приглашение: «Я не приду. У меня очень много дел».
- Не надо обесценивать проблему: «Да ладно вам нагнетать, ничего не случилось, просто детская шалость». Даже если, на ваш взгляд, случившееся – просто детская шалость, не стоит сразу об этом сообщать. У противоположной стороны сложится ощущение полного непонимания.
- Не нужно унижать и оскорблять. Это без комментариев.

Общий порядок проведения конфликтных переговоров

Сильные эмоции мешают вести конструктивный разговор. Но так устроена психика, что пока все эмоции не будут высказаны, призывать к конструктиву бесполезно. За попыткой прервать эмоциональный монолог – «Давайте без эмоций, ближе к делу!» – часто следует еще больший шквал негатива.

Лучше набраться терпения и выслушать, параллельно отделяя эмоции от важной информации.

Важная информация – это констатация факта, что на самом деле случилось. Если весь монолог очистить от эмоций, эпитетов и метафор, останется в сухом остатке одно предложение. Ключевое.

Пропуская эмоциональный поток речи сквозь сито своего восприятия, формируем это ключевое предложение и возвращаем его в конце монолога автору: «Я правильно вас понял, что вам тяжело вести урок, когда в классе находится мой сын, потому что он постоянно разговаривает?»

В оригинале, допустим, было так: «Это же невозможно! Болтает и болтает. У него просто словесный понос какой-то! Ни на минуту замолчать не может. Я ему уже десятое замечание сделала, а он все равно – «тыр-тыр-тыр», направо, налево, сам с собой. От него уже соседи на стенку лезут! Я сама скоро полезу! Сил никаких нет!»

Когда эмоционально негативно окрашенное слово «болтает» мы заменяем в своей формулировке на нейтральное «разговаривает», градус собственного напряжения незаметно спадает. При этом мы даем понять собеседнику, что он услышан.

Далее важно дать эмпатическую поддержку: «Я понимаю, насколько вам тяжело. Мне понятны ваши эмоции». Когда человек встречает понимание, он расслабляется. Он превращается из нападающего в того, кто готов сотрудничать. Даем выговориться. На этом этапе можно использовать любые приемы активного слушания. Кивать, «угукать», поддакивать.

Важно отличать требования и потребности.

Важно удержаться и не начать эмоционировать в ответ. Это сложно: сохранять спокойствие, когда другая сторона кипит. Поэтому можно попробовать подняться над ситуацией и проанализировать ее так, как будто все это происходит не с вами, а с посторонним человеком. Оценить суть ситуации из нейтральной позиции. Не с позиции родителя, а с позиции постороннего наблюдателя. Потому что, когда мы находимся

внутри ситуации, среди бушующих эмоций, мы склонны терять объективность. В таких условиях сложно сохранять спокойствие и принимать здоровое решение.

Когда все эмоции высказаны, оппонент выдохнул, можно переходить к следующему этапу.

Второй этап. Этап прояснения потребностей

Чего хочет вторая сторона? Насколько эти требования разумны и достижимы? Какая потребность стоит за этими требованиями?

Можно спросить «в лоб»: «И чего вы в связи с этим хотите? Чем я могу исправить ситуацию?»

Можно высказать предположение: «Поправьте меня, если я неверно услышала... Я так поняла, что вы хотели бы...»

Можно уточнить: «То есть вы хотите...»

Требование учителя: *«Ходите сами на уроки и сидите рядом с ребенком. Сами следите за его поведением!»*

Потребность: *«Я хочу, чтобы мне не мешали проводить уроки».*

Требование: *«Занимайтесь с ним дополнительно!»*

Потребность: *«Мне важно, чтобы каждый ученик в моем классе был успевающим».*

Требование: *«Вы должны прийти и вымыть класс к приходу комиссии перед началом учебного года! Иначе школу не примут и ваши дети не будут учиться!»* (Понятно, что педагога уже накрутила администрация.)

Потребность: *«После ремонта мне нужен чистый кабинет».*

Почему требование и потребность – это не одно и то же? Потому что требование не всегда выполнимо, а потребность можно удовлетворить разными способами.

Если не выйти на потребность, а остаться на уровне требования, то конфликт может остаться неразрешенным: *«Сделайте это!» – «Я не буду этого делать! Я не обязан!»*

Если выйти на потребность, то открывается пространство вариантов для решения конфликта: *«Вот это я выполнить не могу, но могу предложить вам другие способы».*

• Я не могу сидеть все уроки рядом с ребенком. Но я услышала вашу потребность. Я подумаю, что с этим можно сделать. Я поговорю с ним.

• Я не могу заниматься с ребенком, у меня нет для этого ни знания предмета, ни свободного времени. Может, вы порекомендуете нам кого-нибудь из своих коллег, кто бы согласился позаниматься за дополнительную плату с ним после

уроков?

• Я не готов тратить свое время на уборку класса. Давайте я найду человека, кто это сделает вместо меня. Мы решим вопрос с родительским комитетом, соберем деньги на оплату труда уборщицы.

После того, как выяснили потребность, предложили варианты решения, выбрали самый оптимальный из них, можно переходить к третьему этапу.

Третий этап. Этап договоренностей

На этом этапе проговаривают, что со своей стороны могут сделать родители, а что – учитель. Выполнять условия договора обязательно, иначе все предыдущее было бесполезной тратой времени.

Пример:

– Ваша дочь украла телефон у одноклассницы! Это ужасно!

Это вопиющий случай! На моей памяти такого еще не было! Чтобы кто-то что-то украл прямо в классе! Это ж надо было залезть в ЧУЖУЮ сумку! И вытащить телефон! Уму непостижимо! У нас в классе воровка! И ведь кто? Девочка из благополучной семьи! Как?! Вот как такое может быть?! У меня в голове не уместается! И ведь украла не у кого-нибудь, а у Лены! Да они же с Леночкой подружками считались!

– Да, я знаю, что моя дочь взяла телефон у Лены. (*Обратите внимание, здесь родитель выдает сухие факты, без эмоциональной окраски, заменив резко негативное «украла» на нейтральное «взяла».*) Девочки поссорились на почве того, что Лена хвасталась новым телефоном и сказала очень обидные слова в адрес моей дочери и про ее телефон. Я не говорю, что моя дочь поступила хорошо. Брать чужое без разрешения – это очень плохо. Но дочь просто не придумала другого способа восстановить справедливость и отстоять свой статус. Лена ей сказала: «У меня телефон лучше твоего, значит, я лучше тебя». Но, согласитесь, высмеивать другого за то, что у него дешевый телефон, – это тоже поступок, далекий от нравственности. Так бывает, один безнравственный поступок влечет другой. (*Намек на зону ответственности других родителей и учителя.*) Я понимаю ваше состояние. Мне очень жаль, что так вышло. Но, пожалуйста, давайте не будем вывешивать на ребенка ярлык «воровка». Ведь раньше она никогда ничего не брала. Я уже поговорила со своей дочерью, она поняла, что выбрала неверный способ защитить свою самооценку. Телефон она уже вернула. Она не хотела его присваивать.

Почему важно не допустить приклеивания ярлыка ребенку? Чтобы не подорвать веру в себя-хорошего-ребенка-допустившего-ошибку. (Что не отменяет разъяснительной воспитательной беседы дома, наедине с ребенком.)

В этом примере мама уже до разговора с учителем знала об инциденте со слов дочери. У нее было время подготовиться к разговору, прояснить подробности, подобрать аргументы. Но порой бывает, что о происшествии родитель узнает непосредственно во время разговора. Версия учителя и версия другой стороны, задействованной в конфликте, могут отличаться от версии вашего ребенка. Впрочем, версия вашего ребенка тоже может отличаться от того, как это было на самом деле. Субъективное восприятие искажает реальность. Однако для полноты картины версию вашего ребенка следует знать, иначе вы не сможете объяснить мотивы его поступка. Можно взять паузу: «Я вас услышала. Сейчас я бы хотел услышать версию моего ребенка. Давайте вернемся к разговору чуть позже. Я могу

Дело было в зимнем семейном лагере за почти семейным обедом. Дети уже поели или сделали вид, что поели, и побежали играть. Остались взрослые. Уже не ели, но общались в теплой непринужденной атмосфере. Один папа под всеобщее веселье показал фокус: ударился лбом об стол. То есть внешне это выглядело так, будто он врезался в стол со всей силы. А на самом деле лоб поверхности стола едва коснулся, просто кулаки синхронно с движением головы стукнули по столешнице снизу, имитируя звук удара. Зрители сначала оторопели, а потом, поняв суть фокуса, рассмеялись. Кто-то даже попытался повторить, но тут важна тренировка, чтобы достигнуть впечатляющей синхронности и реалистичности. Разошлись с позитивными эмоциями. На следующий день показали фокус детям, снова все посмеялись. Вообще, там было очень весело, в этом семейном лагере.

Потом все разъехались. Еще через пару дней закончились школьные каникулы.

Ребенок пришел в школу и показал этот фокус одноклассникам на перемене, в школьной столовой. За «хулиганское поведение» его отстранили от обедов. Потребовали написать объяснительную. Вызвали родителей в школу. А за что? Ребенок ничего не сломал, ничего не разлил, никто не покалечился. Просто все посмеялись в свободное от уроков время, переменка же! Как хорошо быть взрослым. Когда ты большой и сильный, никто тебя за показанный фокус не выгонит из столовой, не лишит обедов. Ведь того дядьку не потащили в администрацию базы отдыха, чтобы пристыдить за «отвратительное поведение». Наоборот, улыбались, провожали со словами: «Приезжайте к нам еще...»

Так как дружеские связи мы обычно поддерживаем, переписываемся, делимся новостями, то этот случай тоже обсуждался. Больше всего было шуток: «Вы, товарищи родители, когда в школу придете, непременно этот фокус покажите. И повторите на бис на родительском собрании». Другие искренне негодовали: «Какое они имеют право лишать школьника горячего питания?»

Как вы помните, на уровне требований конфликты не решаются. Решаются на уровне потребностей. Какая была потребность у учителя в столовой? В спокойствии. Она хотела

быть спокойной за жизнь и здоровье детей, потому что несет за них ответственность. Если поставить себя на место педагога, я бы очень испугалась, если бы вдруг в столовой ученик начал головой об стол биться. Скорее всего, этот фокус непременно захотели повторить все мальчишки-свидетели за соседними столами...

Пожалуй, лучшее, что может сделать родитель в этой ситуации, – посочувствовать педагогу, согласиться, что место и время для показа фокуса ребенок выбрал не совсем удачно. (Реабилитировав при этом ребенка, ведь его «отвратительное хулиганское поведение» в новой формулировке звучит как «показ фокуса».) И невзначай намекнуть, что наказание за неуместный фокус было слишком суровым: «Мне кажется, моему ребенку было бы достаточно объяснения, почему этот фокус не стоит показывать в столовой».

«Нельзя жаловаться». Конфликты в школе

Я не знаю, когда и кто это придумал, но подобное убеждение прочно прижилось в детской субкультуре, и дошкольной, и школьной. Вариации убеждения: «ябедничать некрасиво», «стукач», «ябеда-корябеда». Причем транслируют эту мысль не только дети друг другу, но и некоторые родители: «Не надо мне жаловаться! Учись сам решать свои проблемы!» Сколько психологических травм бывает из-за этого «нехорошо жаловаться». Ребенка обижают. Он сам не может себя защитить. И пожаловаться не может, потому что есть запрет на жалобу. Некоторые дети годами терпят издевательства одноклассников, но не жалуются. Пожалуйста, разрешите детям жаловаться!

Поскольку я являюсь хозяйкой маленькой собачки чихуахуа, я имею возможность наблюдать разные способы ее взаимодействия с миром во время прогулки. Она с громким лаем гоняет голубей, ликуя, что хоть кто-то ее боится. Она с любопытством обнюхивает йорка, потом виляет хвостом и скачет, приглашая его поиграть. Настораживается и замирает, когда приближается ребенок, так как не понимает, чего от него ожидать: он просто пройдет мимо или полезет гладить? Поднимает на меня голову, как будто спрашивая взглядом: «Ты ведь защитишь меня?» Но если моя чихуахуа увидит крупную собаку, стремительно от нее убегает и просит защиты у меня на руках. То есть она демонстрирует разные модели реагирования: нападать, замирать, убегать, искать защиту – и все это про «защиту себя».

Убежать и спрятаться – это тоже не дать себя в обиду. Мне бы в голову не пришло учить крохотную чихуахуа нападать на крупную собаку. Это кажется очевидным. Но почему тогда при воспитании детей мы так часто игнорируем факт того, что дети разные, в том числе и по росту, и по силе, и учим их универсальной модели поведения: «Не жалуйся. Умей за себя постоять. Дай сдачи».

Вы видели, как выглядит тот мальчик (обидчик), кому вы советуете дать сдачи? Инстинкт самосохранения подсказывает ребенку не давать сдачи. На уровне инстинктов у него тоже заложены разные модели реагирования. Идти за инстинктом или слушать родителей? Еще раз подойти к родителям со своей проблемой? Но он опять услышит: «Я же тебе уже сказал, дать ему как следует и больше не жаловаться».

Ребенок жаловаться перестает. Родитель убежден, что проблема решена. Но ребенок просто перестал жаловаться. Хотя по-прежнему не может дать сдачи. Терпит. А бывает так, что эту

мысль – нельзя жаловаться – ребенок усваивает не от родителей. Он слышит ее от сверстников или других взрослых. Имея это в виду, скажите своему ребенку, что вам он всегда может пожаловаться. Это не значит, что ребенок вырастет безвольный и не умеющий постоять за себя. Это значит, что вы сохраните контакт с ребенком, будете в курсе того, что происходит в его жизни, сможете вовремя помочь, если не делом, то советом. Только помогать надо так, чтобы ваша помощь не оборачивалась для ребенка еще большей неприятностью.

Девочка-первоклашка. Одноклассник ее обижал. То пнет, то за косичку дернет, то портфель в грязь кинет. Учитель как-то сказала, что жаловаться нельзя. Девочка полгода терпела, потом не выдержала и пожаловалась родителям. Папа пришел в ярость, что дочь так долго молчала. На следующий день как раз было родительское собрание. Папа вместе с дочкой пришел на родительское собрание, наорал на учительницу при всех родителях, заставил дочь перед всем классом подтвердить, что

она терпела издевательства так долго, потому что учительница сказала: «Жаловаться нельзя». Учитель в слезы: «Как вы можете! Почему вы так со мной обращаетесь?» Обиделась на других родителей, что за нее никто не вступился, никто не сделал замечания агрессивному родителю. Девочка рыдала дома: «Я больше в школу не пойду, мне стыдно, я боюсь, что учительница будет теперь на меня злиться». Мама в панике обращается за консультацией: «Неужели теперь придется переходить в другую школу?!»

Пожалуйста, разрешите детям жаловаться!

Прежде всего, важно было выяснить у ребенка подробности. Без эмоций. Сильные эмоции родителя могут напугать ребенка, и он закроется. Проявите эмпатию, выразите ребенку свое сочувствие, но не показывайте своих эмоций. Потом так же спокойно, без свидетелей, выясните подробности у учителя. Если бы папа, вместо того чтобы устраивать скандал на родительском собрании, выяснил подробности, он бы узнал, что учитель говорила «жаловаться нехорошо» другому мальчику, который достал ее своим ябедничеством: «А он мою парту двигает. А он мою резинку взял», – подразумевая, что ребята вполне способны сами разобраться. Она не подумала, что ее слова, случайно услышав, так буквально воспримет другой ребенок и перестанет жаловаться вообще кому-либо. В случае с девочкой она не знала, что происходило, так как все эти задиранья были вне школы, а девочка ей, как и родителям, ничего не говорила. То есть учителю действительно было непонятно, почему у папы такая агрессивная реакция.

Папе, конечно же, не стоило начинать разговор с учителем до выяснения всех подробностей. И уж тем более не стоило вытаскивать подробности у ребенка (уже на следующий день) при учителе и директоре. Это дополнительный стресс для ребенка. Особенно с непроработанной установкой «жаловаться нехорошо».

Итак, в подобной ситуации родителям нужно было:

1. Высказать одобрение ребенку за то, что он рассказал о случившемся. Укрепить новое убеждение: «Родителям всегда можно все рассказывать и тем более жаловаться. Это нормально. Взрослые люди тоже обращаются за помощью, если не могут справиться сами».

2. Научить ребенка, как действовать в таких ситуациях. Дать некий речевой алгоритм, что говорить обидчику. Например, предупредить его, что последствия будут неизбежно: «Еще раз, и я скажу своей маме! Она позвонит твоей!» (Обидчик ведь был убежден, что на него не будут жаловаться, а значит, никакого наказания не последует.)

3. Сообщить учителю факт, о котором вам стало известно. Можно сказать о своих чувствах по отношению к ситуации (к ситуации, а не к учителю!). Без обвинений. Попросить взять ситуацию под свой контроль. Общий посыл такой: «Я хочу, чтобы мы были союзниками в решении этого вопроса» Спросить: «Как мы можем предупредить подобные инциденты?» Не надо диктовать учителю, что она должна делать, но важно выслушать ее. Скорее всего, учительница сама скажет: «Я поговорю с мальчиком. Я поговорю со всем классом. Я поговорю с родителями этого мальчика».

4. Далее надо держать руку на пульсе. Ситуация должна измениться. Если ситуация не изменится, тогда уже следующий шаг – разговор с администрацией. Но опять-таки на конструктиве, без крика. Сообщаем факты, без эмоциональной окраски: «Мы предприняли это и вот это. К сожалению, ситуация не изменилась. Что вы можете нам посоветовать с высоты вашего опыта? Как нам поступить?» Давать волю эмоциям и идти на открытый конфликт можно, если вы точно решили забрать ребенка из этой школы.

Даже если вы недовольны работой педагога, даже если вы считаете, что он допускает явные педагогические ошибки, все же лучше избегать прямых указаний на то, что, по вашему мнению, должен или не должен делать учитель. Это воспринимается как нападение. (Если, конечно, ваша цель не ссора, а удовлетворение потребности.)

Вести диалог можно по такому алгоритму:

1. Оцените ситуацию из нейтральной позиции. Сухо, без эмоций изложите суть проблемы, как ее видите вы. Выскажите свою гипотезу относительно возможной причины проблемы.

2. Расскажите о своей потребности. Предложите варианты удовлетворения потребности. Спросите, что учитель может предложить.

3. Далее переходите к договору. Проговорите, что со своей стороны будете делать вы, родители, а что – учитель.

Сравните две стратегии ведения разговора:

1. *Обвинения и указания*: «У всех, кроме двух человек, в классе двойка за контрольную! Да вы, получается, детей вообще ничему не научили! Испортили класс! К вам такой сильный класс пришел из начальной школы! Объясняйте материал лучше!»

2. *Поиск причин и сотрудничество*: «Вам не кажется странным такое резкое падение успеваемости? Как вы думаете, в чем причина? Они ведь не могли настолько испортиться за одну четверть. Может быть, вы нам что-то посоветуете? Можем мы чем-то помочь со своей стороны? Очень хочется, чтобы успеваемость

была на прежнем уровне».

Еще пример:

1. «Предыдущий учитель всегда записывала домашнее задание в электронный журнал! Сейчас же, как ни зайдешь, нет задания! Это ваша обязанность – заполнять жур-нал!»

2. «Знаете, мы уже привыкли, и дети привыкли, что задание всегда можно посмотреть в электронном журнале. Очень сейчас не хватает такой возможности. Что-то можно сделать, чтобы задание там регулярно появлялось?»

Если вы обратили внимание, во втором варианте фигурируют вопросы. Вопросы создают пространство диалога. Мы общаемся, мы сотрудничаем, мы проясняем ситуацию, мы вместе ищем решение. Конечно, не все вопросы обладают таким эффектом. Бывают вопросы, которые только усугубляют конфликт, приводят в тупик. Почувствуйте разницу.

КОНСТРУКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

МАРЬ-ВАННА, ЕСЛИ
СДАТЬ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
КОНТРОЛЬНЫХ, В КЛАССЕ
РЕЗКО УПАЛА УСПЕВАЕМОСТЬ.
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, С ЧЕМ
ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ СВЯЗАНО?

ДЕСТРУКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

У ДЕТЕЙ ЕГО НА
НОСУ, А ОНИ
НИ ЧЕРТА НЕ
ЗНАЮТ. ЭТО
ВЫ ВИНОВАТЫ,
ЭТО ИЗ-ЗА ВАС
ОНИ В ВУЗ НЕ
ПОСТУПАЮТ!

Вопросы, которые выводят к решению:

- «Интересно, почему вдруг так много двоек за эту контрольную?»
- «Как мы можем сейчас исправить ситуацию?»
- «Может быть, существует какое-нибудь упражнение для отработки этого навыка?»
- «А можно еще пару примеров для прояснения?»
- «Какой учебник вы можете порекомендовать?»

Вопросы, которые заводят в тупик:

- «А вам не кажется, что здесь ваша вина?»
- «И вы считаете, что вы умеете работать с детьми?»

Вопросы, которые заводят в тупик, не подразумевают поиска решения. Они подразумевают поиск виноватого. Виноватый старается защитить себя (инстинкт самосохранения), и в этот момент о другом человеке и его потребностях он думать не может. От виноватого обычно мало пользы.

Границы личности. Защита прав ребенка

Понимание границ личности – это понимание, где заканчивается мое «Я» и начинается «Я» другого человека. Конфликты происходят тогда, когда идет нарушение границ личности или выстраивание этих границ.

Когда ребенок находится рядом с родителями, оберегать границы его личности – задача родителей. Их же задача – оберегать границы других людей от посягательств ребенка.

«Это ТВОЯ лопатка. Ты можешь не позволить другому отнять у тебя лопатку. Ты можешь защищать свое право собственности».

«А это НЕ ТВОЯ лопатка. Нельзя отбирать чужую лопатку. Нельзя стучать лопаткой по другому человеку».

Ребенок растет, выходит в социум, остается на какое-то время один на один с внешним миром. И здесь ему приходится самому отстаивать свои границы. И самому контролировать себя, чтобы не нарушить чужие границы. Но ребенок не рождается с пониманием своих и чужих границ – этому нужно учить. Научить может только человек, который сам понимает, где проходят его границы личности.

ИДЕАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ ЛИЧНОСТИ

Человек с идеальными границами личности:

- Четко знает, чего он хочет. При этом уважает желание другого человека.

- Четко знает, чего он не хочет. При этом уважает нежелание другого человека.

- Четко знает свои права и обязанности. При этом уважает права и обязанности другого человека.

- Четко знает свою территорию и свою собственность. Понимает, где начинается чужая территория и чужое имущество. Уважает право собственности. Не посягает на чужое имущество и чужую территорию.

- Четко разделяет свои и чужие чувства. Оставляет за собой право на любые чувства. Уважает чувства другого человека. Не осуждает человека за его чувства.

- Имеет свое мнение. Может донести свое мнение. Но свое мнение преподносит как свое субъективное мнение, а не

Абсолютную Истину. При этом уважает мнение другого человека. Понимает, что у другого человека другой жизненный опыт, который повлиял на сложившееся у него мнение.

- Четко знает свою зону ответственности. Не обвиняет других людей в своих проблемах, но и не берет на себя вину за проблемы всего человечества.

- Не позволяет другим вмешиваться в его личную жизнь. Не позволяет себе вмешиваться в чужую жизнь.

- Способен пресечь поток нежелательных указаний и советов от других. Свободен от желания указывать всем вокруг, как следует поступить, не дает советов, если не просят.

- Обладает устойчивым самомнением, независимым от оценок других. Свободен от привычки навешивать на других людей оценочные ярлыки.

- Свободен от привычки обобщать и мыслить стереотипами.

- Не проецирует свой личный опыт на чужие ситуации и не проецирует чужой опыт на свою жизнь.

Я крайне редко встречаю людей с идеальными границами личности. Вариантов *не* нормы может быть несколько: пассивный человек с нарушенными границами; активный человек с нарушенными границами; и агрессивный человек с нарушенными границами.

Пассивный

Своих границ нет, на чужие не покушается.

Не имеет своих желаний или же боится о них заявить. Живет желаниями других, исполняет их волю, не способен сказать «нет», потому что боится отказом обидеть другого человека или вызвать его недовольство.

Пример: *Лена играет с Машей в то, что нравится Маше. Делает то, что Маша скажет, даже если самой это не нравится и делать не хочется. Но делает, чтобы Маша не обиделась. Чтобы Маша не расплакалась. Чтобы Маша не перестала с ней дружить.*

Не может противостоять натиску, не может защитить свое добро или территорию. Это проявляется в том, что вещи пассивного берут без спроса: «по-дружески» залазят в сумку, достают телефон и играют, пока хозяин отлучился в туалет. Просят дать пароль от аккаунта. Ставят ультиматумы: «Скажи мне свой пароль, а то я на тебя обижусь».

ПАССИВНЫЙ

Не позволяет себе проявлять «плохие» эмоции типа гнева.

Не имеет своего мнения. Либо не может его высказать и отстоять.

Не способен самостоятельно принимать решения, ждет, когда кто-нибудь решит за него и скажет, что делать.

Постоянно терпит вмешательства в свою личную жизнь, в свои симпатии.

Примеры: «Ты не будешь дружить с Сережей! А если будешь, тогда я не буду дружить с тобой!»; «Не играй с Катей! Мне она не нравится, и ты с ней не играй!».

Зависим от мнения других, раним, болезненно воспринимает любую критику. Постоянно думает: «А что скажут другие?» Стараются быть «как все».

Это послушный ребенок, даже слишком послушный. Никогда никаких ни капризов, ни истерик, ни споров. Делает все, как ему скажут.

Обратная сторона тотального послушания – отсутствие личных границ.

Важно учить такого ребенка говорить «нет», «я не хочу», «мне это не нравится». И с той же уверенностью – «я хочу», «я так думаю».

Активный

Своих границ нет, чужие нарушает.

Легко загораются чужими идеями, сбиваясь со своего пути. Вчера хотел футболом заниматься, как Рома, а сегодня хочет в музыкальную школу ходить, как Петя. Может навязывать свои увлечения другому человеку, обижается, если тот не будет разделять его интересов.

«Из благих намерений» может нарушать права другого человека: «Я же хотел как лучше!»

Может влезать в чужую зону ответственности, забывая про свою: «Давай я тебе помогу!» Активно решая проблемы друга, накапливает при этом свои проблемы.

Постоянно лезет ко всем со своими непрошеными советами. Может быть навязчивым в желании помочь.

Может обвинять других людей в своих проблемах и брать на себя вину за чужие проблемы.

Часто вмешивается в личную жизнь других людей. Может задавать много бестактных вопросов. Обижается, если начинает подозревать, что близкие люди что-то от него скрывают.

Навязывает свое видение ситуации: «Тебе он такое сказал, и ты не обиделась? Ты должна обидеться! Скажи ему, что он дурак, и перестань с ним общаться!»

Проецирует свой личный опыт на чужие ситуации: «Вот у меня все так же было, как у тебя сейчас начинается, и закончится все так же!»

Имеет свою точку зрения, но легко ее меняет. Как флюгер. Говорит что-то Даша – «я согласна с Дашей». Начинает говорить Вера – «и Вера тоже права». Может начать активно пропагандировать чью-то точку зрения, вступая в конфликты с оппонентами.

Зависим от внешней оценки. «Подсажен» на похвалу и одобрение.

Может что-то без спросу взять, без приглашения прийти, настойчиво куда-то тянуть. А потом обижаться, что его не так встретили, не так приняли, отказали.

Это ребенок, который утомляет. Слишком много внимания он требует. Слишком услужлив. Слишком болтлив. Везде сует свой нос.

Если пассивный ребенок, не чувствуя личных границ, становится, по сути, никем, то активный, наоборот, заполняет собой все пространство.

Пассивный и активный могут составить «дружескую пару». Активному человеку легче дружить с тем, кто не выставляет барьеров, кто не говорит «нет». С теми же, кто умеет сказать «нет», ему некомфортно. Услышав отказ: «Нет, мне нужно в музыкальную школу, поэтому я не пойду с тобой гулять», «Нет, я не дам тебе карандаш. Мне самому нужен», «Нет, я не скажу тебе пароль от моего аккаунта», «Нет, я не дам тебе свой телефон», – он обижается, воспринимая «нет» как посягательство на свои границы.

Важно показывать такому ребенку, где на самом деле заканчиваются его границы. Где «мое», а где «чужое» Учить принимать и уважать чужую волю.

Агрессивный

Свои границы жестко держит. При этом покушается на чужие.

Склонен продавливать свою волю во что бы то ни стало. Если активный это делает с помощью мирных манипуляций, то агрессивный может применять силу. Активный будет навязчиво выпрашивать или выменивать желаемую игрушку. Агрессивный – отберет.

В стремлении распространить свои границы захватывает все больше и больше власти, территории, имущества. Выживет сосед по парте своим несносным поведением, только чтобы сидеть одному.

Про таких людей сложилась поговорка: «Есть только два мнения: мое и неправильное». Не оставляет человеку права иметь свою, иную точку зрения.

Постоянно вмешивается в личную жизнь других людей. Требуя полного отчета, где и с кем находился другой человек.

Склонен давать указания, кому и как поступить.

Не уважает достоинство и неприкосновенность другого человека. Может ударить, толкнуть, обозвать. Часто является грубым нарушителем дисциплины.

Такой ребенок хорошо понимает, где «мое». Но вот остальное склонен воспринимать не как чужое, а как «временно не мое» и применять попытки захвата.

Важно учить уважению права собственности, учить уважать чужое мнение.

Как научить ребенка осознавать и проявлять свои границы личности

- Учите сообщать о своих желаниях: «я хочу» или «я не хочу», «мне нравится» или «мне не нравится»; уважайте желания ребенка.

- Учите понимать: «это мое», «это не мое».

- Учите понимать свои чувства, проявлять их и сообщать о них: «Это мне неприятно», «Я сержусь, когда это происходит», «Меня бесит, когда ты меня так называешь».

- Учите проявлять границы через озвучивание правил: «Нельзя брать без спроса мои вещи!», «Нельзя на меня кричать!».

- Учите проявлять границы, устанавливая временные рамки общения: «Я еще 15 минут погуляю и пойду домой», «Ты можешь

зайти ко мне в гости, но только на полчаса», «Мне некогда сейчас с тобой разговаривать».

- Учите прекращать или ограничивать общение с неприятными людьми. Пусть подумает, стоит ли дружить с Машей, которая вечно командует. Пусть попросит учителя пересадить за другую парту, подальше от Пети, который ковыряет в носу и лепит жвачки на парту.

- Учите принимать решения и сообщать о принятых решениях. Уважайте решение ребенка.

Как научить ребенка соблюдать границы личности другого человека

- Учите слышать и воспринимать чужое «я хочу» или «я не хочу», «мне нравится» или «мне не нравится». (Не приставать к Тане, которая сказала, что не хочет играть, не тянуть ее в коридор. Не уговаривать Свету дать поиграть на ее телефоне, если Света уже два раза отказала.)

- Учите не навязывать свою волю другому человеку, не ставить ультиматумов: «Я с тобой дружить не буду», не диктовать, с кем другому человеку общаться, а с кем не общаться.

- Учите не брать без разрешения чужое.

- Учите, что нельзя обзывать, высмеивать, унижать другого человека.

- Учите быть внимательным к чувствам и правилам другого человека, не выходить за отведенные им временные рамки и формат общения.

Формированию адекватных границ способствует знание своих прав и обязанностей.

Требование учителя писать диктант во время урока, даже если ученику не очень-то хочется, не является нарушением границ личности. Но если учитель в наказание решает запретить детей в классе после уроков – это нарушение границ личности. «Я тебя отпущу к родителям только после того, как ты красиво перепишешь классную работу» – это нарушение границ личности. Требование учителя выйти к доске и отвечать на вопросы – нет, это не нарушение границ. Но если учитель начинает кричать на ученика или грубо высмеивать его – это уже нарушение границ личности. Подобное поведение ребенок не должен терпеть. Он может сам указать на факт нарушения границ, проговорив правило: «На меня нельзя кричать». Или рассказать о случившемся родителям. (Помните? Для этого у ребенка не должно быть установки, что жаловаться нельзя.) Учитель не имеет права обзывать, унижать и наказывать физически.

Когда человек начинает свои границы выстраивать, возможны конфликты. И даже не «возможны», а очень вероятны. Представьте не огороженный участок земли, крайний по улице. Соседи по этому участку путь срезают, уже тропу протоптали. И вот хозяин решает, что пора границу обозначить, и начал строить забор. Соседи возмутились: «Это что ж нам теперь? Обходить придется? Тебе что, жалко, что мы по участку пройдем? От тебя убудет, что ли?»

Вот вам пример из школьной жизни. У девочки Марины была подружка, которая спокойно позволяла себе взять телефон из Марининой сумки и отправлять с него сообщения одноклассникам от ее имени. С помощью телефона она рассорила Марину с двумя мальчиками из класса по причине «Я не хочу, чтоб ты с ними дружила». Мама Марины начала учить дочь обозначать свои границы. Марина в итоге поставила пароль на свой телефон. Две недели подружка оказывала на нее давление, называла «предательницей», запугивала, что дружить не будет, а потом пожаловалась своей маме. У детей с неадекватными личными границами часто бывают такие же родители. Мама подружки на родительском собрании начала высказывать маме Марины: «Знаете, какие амбиции у вашего ребенка?! Вы растите эгоистку!» То есть пока Марина позволяла нарушать свои границы, конфликтов не возникало. Но ее попытки эти границы обозначить вызвали недоумение подруги. (С чего это вдруг запрещают топтаться на чужом участке?)

Но если учитель начинает кричать на ученика или грубо высмеивать его – это уже нарушение границ личности.

При конфликтах с другими родителями (как и при любых других конфликтах) нужно стараться выходить на то, в чем взгляды совпадают. Например, на то, что у телефона есть хозяин, телефон – не общее имущество. Назовите вещи своими именами. Не нужно реагировать эмоционально на «эгоистку» и прочие оценочные суждения («А ваша-то не эгоистка, что ли?») – надо разбирать конкретные факты. Например: «Я правильно вас поняла, что вы считаете нормальным брать без разрешения хозяина чужую вещь? Нет? Вы одобрите мое поведение, если я сейчас залезу в вашу сумку и возьму телефон? Нет? Я рада, что мы с вами одинаково понимаем уважение права собственности. Я считаю, что это нормально, если моя дочь будет единственным хозяином телефона, который мы ей купили, и это не будет считаться признаком эгоизма. Я надеюсь, конфликт исчерпан».

Границы – это не то, что можно раз и навсегда выстроить.

Иначе было бы все очень легко и предсказуемо. Каждый раз с новым человеком мы выстраиваем границы заново. И даже если границы в общении с конкретным человеком уже выстроены, нет гарантии, что однажды они не будут нарушены. Вернется после школьных каникул Петя, решит, что стало как-то скучно, почему бы не поиздеваться над Ваней, нарушая его границы личности? Или девочка приревнует подружку к мальчику, оклеветает ее перед одноклассниками, подговорит их на бойкот, организует травлю...

Травля. Буллинг

Буллинг – это агрессивное преследование одного из членов коллектива. Явление в школе, к сожалению, не редкое. Буллинг может быть ограничен психологической травлей (насмешки, оскорбления, клевета, запугивание). В крайних вариантах может присутствовать физическая травля (побои, вымогательства, порча имущества).

Жертвой буллинга может стать практически любой человек. Но чаще всего жертву выбирают из детей-изгоев, из «не таких, как все».

Изгой и жертва буллинга – это не одно и то же. Изгой – это член коллектива, с которым избегают общаться; возможно, потому, что он сам не тянется к общению. «Он какой-то странный», – говорят про него одноклассники. Замкнутый, застенчивый либо очень заносчивый, считающий одноклассников ниже своего уровня развития. Или человек, система ценностей которого сильно отличается от общепринятой в данном коллективе, и по этой причине сложно найти общую тему для общения. Что-то по делу, по учебе у него спрашивают только в том случае, если больше спросить не у кого.

Изгой – тот, с кем мало общаются. Жертва буллинга – это тот, кого целенаправленно травят, унижают всем классом.

Тревожные симптомы, указывающие на возможный буллинг ребенка

- Ребенок внезапно стал получать низкие оценки, его внимание отключается от учебы.
- Постоянно выдумывает различные предлоги, чтобы не пойти в школу.
- Настроение преимущественно подавленное; ребенок все больше замыкается в себе либо становится вспыльчив с членами семьи без особого повода, как будто просто сбрасывает нервное напряжение.
- Негативно реагирует на вопросы о школе. Старается избегать этой темы.
- Домой приходит в испачканной одежде. «Упал» – а на куртке явно виден отпечаток обуви. «Падает» часто. Приходит

домой с синяками и ссадинами.

- Одежда может быть испорчена. Порезана бритвой, чем-то облита, залеплена жвачкой, прожжена сигаретой, мех на капюшоне криво срезан ножницами.

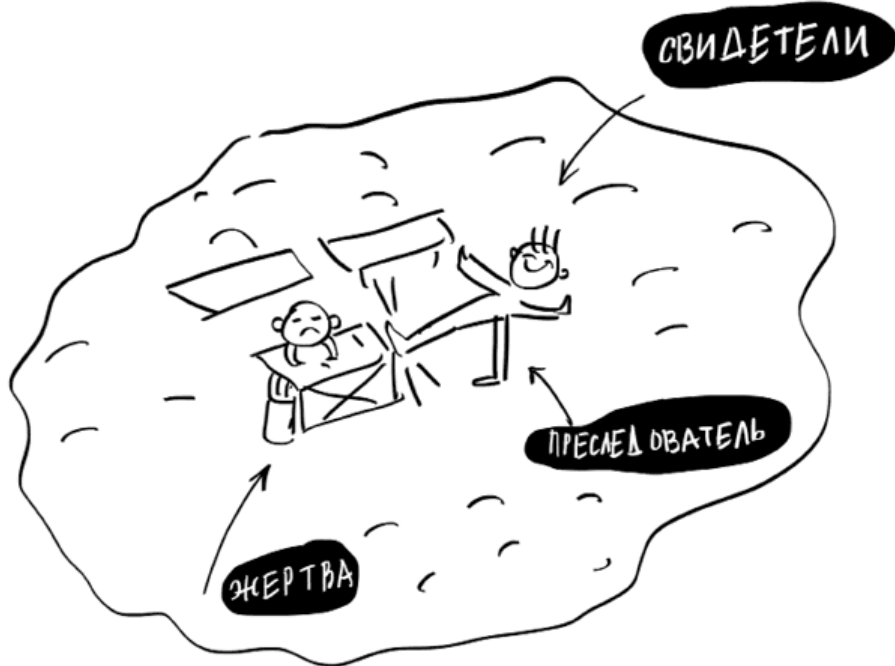
- Испорчены могут быть и другие личные вещи: разбитый телефон, мятые тетради, вырванные и исписанные страницы учебника.

- Ребенок часто «теряет» вещи и карманные деньги.

- Не общается с одноклассниками в свободное от уроков время, никого не приглашает на свой день рождения и сам ни кому не ходит. Не выходит играть во двор.

- Старается ходить в школу разными маршрутами. Домой возвращается не всегда вовремя. (Обидчики могут подкарауливать жертву на привычном маршруте, поджидать после уроков. Чтобы избежать встречи с ними, приходится менять маршрут, часами прятаться в школе в надежде, что обидчикам надоест ждать и они уйдут.)

Понятно, что по отдельности каждый симптом может присутствовать, но при этом не иметь отношения к буллингу. Ребенок может по рассеянности часто терять вещи. Ребенок может не любить ходить в школу и симулировать недомогание в дни контрольных. Ребенок может задерживаться после уроков и приходить домой в грязной одежде, потому что после уроков активно гулял с одноклассниками во дворе. Ребенок с тягой к путешествиям исследует разные маршруты. Обращайте внимание прежде всего на эмоциональное состояние ребенка. Он весел, активен, спокоен? Или подавлен, зажат, испуган, избегает разговоров о школе? Ни в коем случае нельзя игнорировать тревожные симптомы и думать, что «само пройдет». Буллинг не просто детская ссора или недоразумение, которое может внезапно и без последствий пройти.

Если рассматривать буллинг как систему, то можно выделить следующие элементы: есть жертва, есть преследователи и есть свидетели. Преследователям важно, чтобы были свидетели. Свидетели поддерживают систему. Ошибочно считать, что при буллинге страдает только жертва. Да, жертва страдает в большей степени, но свидетели тоже испытывают психологический дискомфорт и страх, что следующей жертвой могут стать они. У свидетелей могут быть нравственные метания: быть с жертвой или быть с преследователями. Быть с преследователями – стыдно. Моральные качества подсказывают встать на сторону добра и вступить за жертву. Но быть с жертвой – страшно. Чтобы не стать новой жертвой, свидетели идут на конфликт со своим нравственным «Я». Таким образом, они тоже находятся под властью преследователей.

Если в классе присутствует такое явление, как буллинг, это означает, что болен весь коллектив. Это не проблема одного конкретного ребенка, который «не умеет общаться со сверстниками», – это проблема каждого ребенка, каждого родителя, и решать ее нужно всем вместе.

Чудовищная ошибка – подменять понятия и называть буллинг «конфликтом в классе» или «что-то не ладится со сверстниками». Конфликт – это столкновение интересов. В буллинге может не быть столкновения интересов. Просто преследователям нравится травить жертву с молчаливого согласия свидетелей. На месте

жертвы теоретически может оказаться любой, но выбирается наиболее слабый, наиболее уязвимый. «Не ладится со сверстниками» – это то поссорились, то помирились. Буллинг – это регулярные издевательства.

Ни в коем случае нельзя сваливать вину за буллинг на жертву, придерживаясь теории поиска ошибок в себе. Мол, жертва своим поведением притягивает агрессию. Можно искать причину в себе, если мало друзей или случаются частые ссоры, но если идет целенаправленная травля, то этим действиям не может быть оправдания.

«НЕ, НУ У НЕЕ ЖЕ
БОЛЬШИЕ УШИ, ДУРАЦКАЯ
ПРИЧЕСКА, ОЧКИ, И ОНА
ТОЛСТАЯ,,, ОНА САМА ВИНОВАТА»

Если ребенок «сильно странный» и «белая ворона» – это может быть причиной того, что с ним предпочитают не общаться. Но ярлык «белой вороны» не служит оправданием

насильственных действий. А буллинг – это именно насилие, физическое или психологическое. Ребенок, каким бы «странным» он ни был, не может нести ответственность за насильственные действия, направленные против него.

Что делать родителю, чей ребенок стал жертвой буллинга? Можно перевести ребенка в другую школу. Уйти на семейное обучение. Посетить психолога. Возможно, что ребенку понадобится реабилитация, работа над восстановлением самооценки и ощущения безопасности. Но не всегда есть возможность перевода в другую школу и не все могут учить ребенка дома. Да и, собственно, почему уходить с привычного места должна жертва, а не тот, кто совершал противоправные действия?

Как вариант, можно попробовать исправить ситуацию, прекратить буллинг. Но сделать это можно, только заручившись поддержкой классного руководителя, администрации школы, родительского комитета, потому что придется работать со всем коллективом, менять атмосферу класса, воздействовать на каждого ребенка. Можно уйти. Можно остаться и побороться. Что выбрать, зависит от количества усилий, которые нужно приложить, и от желания ребенка. Если проще уйти в другую школу и ребенок просит о переводе – это будет правильное решение. Если же в другую школу не хочется – правильным решением будет бороться.

Прежде всего, нужно поговорить с ребенком, объяснить суть происходящего, поддержать его самооценку. Сказать, что он нормальный, а ситуация ненормальная и так быть не должно. Травля – это преступление, которое должно быть прекращено.

Расскажите, что вы намерены сделать для исправления, о чем собираетесь поговорить с учителем, как собираетесь воздействовать на ребят. Не каждый подросток может согласиться на вмешательство родителей и учителей. Если предложение мамы пойти и во всем разобраться, навести порядок вызывает истерику: «Нет, мама, только не ходи в школу, я не хочу!» – тогда нужно вместе с ребенком сходить к психологу, а потом – в новую школу. Возможно, ситуация уже сильно запущена и у ребенка нет ни малейшей надежды на улучшение атмосферы в классе.

Травля в начальной школе – это целиком ответственность учителя.

Если ребенок согласен остаться в этой школе, следующий шаг – разговор с классным руководителем. Расскажите ему о буллинге. Подчеркните, что происходящее – это именно буллинг, именно травля и насилие, а не детские шалости, и нужно

немедленно принимать меры.

В исключительных случаях бывает так, что сам учитель является соучастником травли. С его подачи объявляются бойкоты. При его одобрении или молчаливом согласии происходит высмеивание ученика. Да и сам учитель подливает масла в огонь, гневно критикуя или высмеивая: «Петров, у тебя кудрей на голове больше, чем мозгов. Ты, наверное, вместо того, чтобы дома уроки учить, кудри на бигуди накручиваешь». Ребенок с хорошо отстроеными границами в таком случае ответит: «Вы не имеете права оскорблять меня», – озвучив свое правило: «Со мной так нельзя». Но дети с отстроеными границами личности не так часто становятся жертвами буллинга. Обычно травле подвергаются те, кто не умеет удерживать свои границы. Те, кто не умеет постоять за себя. Помните? Сразу сообщить взрослым об издевательствах сверстников – это тоже вариант постоять за себя. Это еще один плюс в пользу «жаловаться можно». Потому что травлю легче остановить в зародыше.

Чем меньше возраст детей, тем выше для них авторитет учителя. У некоторых педагогов в классе травли быть не может, потому что это жестко пресекается. «Так нельзя! В моем классе подобного поведения я не допущу!» – всем своим видом, всеми своими действиями педагог транслирует детям это послание.

По моему убеждению, наличие травли в начальной школе – это целиком ответственность учителя. Больше шансов на расцвет буллинга в тех классах, где у учителя есть явные любимчики и те, кого он недолюбливает (например, во внешности или в поведении ребенка есть что-то такое, что его отталкивает). Если любимчик подставит подножку отверженному – на это у педагога как-то сами собой закрываются глаза. Безнаказанность в этом случае равносильна поощрению, даже больше – науськиванию. При этом у учителя находятся аргументы, оправдывающие ситуацию. Вот она жалуется своей коллеге в учительской: «Опять мама Леши приходила, мол, ее сыночка все обижают. Я ей говорю, а что я могу сделать, если он у вас такой? Дети же видят, что он тюфяк и рохля, сдачи дать не может... Мимо пройти не могут, чтоб его в пухлый бок не ткнуть. Я бы на месте мамы ребенка на диету, на спорт, на тренинг уверенного поведения отправила».

В начальной школе так: если сам учитель не принимает ребенка, то велика вероятность, что класс его тоже не примет. Если буллинг в начальной школе разгорелся не по недосмотру, не от бессилия, а с молчаливого одобрения учителя, я бы посоветовала сменить учителя, перевести ребенка в параллельный класс. Потому что «насильно мил не будешь».

Неприязнь все равно так или иначе будет проявляться, а в начальной школе детям важно быть любимыми, принятыми, поддержанными. Первый учитель – это очень значимый взрослый.

Неприязнь учителя к вашему ребенку, если она есть, вы почувствуете сразу. Потому что эта неприязнь вас тоже коснется. В мимике, в словах, в жестах вы почувствуете отвержение.

– У вашего ребенка проблемы с коммуникацией.

– Да, но психолог говорит, что с ним все в порядке. Я специально водила его на групповые занятия по развитию эмоционального интеллекта. Психолог подтвердил, что он нормально ладит с ребятами в группе.

– Я же вижу, что он в классе ни с кем не общается. Друзей у него нет.

– Меня тоже это удивляет. Потому что в садике у него было много друзей, он каждый месяц ходил к кому-то на день рождения.

– Ну, наверное, он сам виноват в том, что ребята в классе так его воспринимают.

– В смысле? Поясните, пожалуйста.

– Дети в этом возрасте хотят дружить с красивыми ребятами, которые хорошо учатся. А он тройки получает и неряшливый очень. Вы его не приучили рубашку в брюки заправлять.

Когда это заправленная рубашка была критерием № 1 при выборе друга у восьмилетних мальчишек? Понимать слова учителя надо так: «Я люблю красивых, опрятных детей, которые хорошо учатся».

Тому «неряшливому» мальчику повезло. Родители уже собирались переводить его в другую школу, но стало известно, что учитель увольняется. В класс пришла другая учительница. Другая по типу личности. Предыдущая была «звездная», а новая – «дружелюбная». «Звездной» нравились «звездные» дети – красивые и успешные. У «дружелюбной» все равны, а особое внимание тем, кому некомфортно. Мотивация предыдущего «звездного» педагога: чтобы «звезды» светили ярче. Мотивация «дружелюбного»: чтобы всем в классе было хорошо. Впервые заметив хулиганский выпад одноклассников (стащили сменку, спрятали в туалете), она тут же приняла меры. Отвела зачинщиков к директору. Позвонила родителям. Вместо рисования провела классный час с беседой о том, что такое хорошо и что такое плохо. Пересадила мальчика с последней парты на первую, стала создавать ему ситуацию успеха, постепенно меняя отношение одноклассников к нему. В начальной школе учитель может влиять на симпатии и антипатии детей.

В средних и старших классах обстановка в классе менее управляема педагогом, поэтому рычаги воздействия другие. Учитель – не авторитет. Родители – тоже не всегда авторитет. Подростки дети уважают силу. Физическую силу. И силу закона. Конечно, замечательный вариант, если ребенок может сам продемонстрировать силу. Или дать понять: «За мной стоят те, кто обладает силой». (В этом месте включается мужской хор социальных установок: «Пацан должен уметь постоять за себя! Если мама впрягается, то это не по-пацански, уважать не будут. Не надо бить всех, достаточно побить зачинщика травли».) Да, есть такой клишированный сценарий, во многих романтических фильмах он показан. Обиженный и угнетенный начинает заниматься карате/боксом или того проще – по счастливой случайности получает способности супергероя и в один прекрасный момент мстит своим обидчикам. Я не против карате и других видов единоборств. Я не против такого сценария выхода из ситуации травли. Но я за реализм. В реальности не каждый может дать адекватный физический отпор. Способности супергероя внезапно не открываются. При низком телесно-кинестетическом интеллекте и астеническом телосложении требуется несколько лет усердно заниматься карате, чтобы дойти до уровня, когда полученные навыки можно с успехом применять в реальном противостоянии. И что же теперь? Несколько лет терпеть издевательства? Чревато, знаете ли...

Пойти по второму пути, призывать на помощь силу закона – может, это и не «по-пацански», но тоже правильно. Для этого соберите доказательства травли и идите к учителю, завучу, директору. Расскажите о намерении обратиться с заявлением в полицию, районный отдел народного образования, написать уполномоченному по правам ребенка в вашем регионе, если в ближайшее время ситуация не изменится. В аппарате уполномоченного по правам ребенка вам, кстати, могут дать подробную инструкцию, как действовать, какие документы собрать, какие заявления и куда писать.

Попросите администрацию школы объяснить классу всю жестокую реальность происходящего. Лучше, если это сделает директор, завуч по воспитательной работе или школьный психолог. Идеальный вариант – взрослый, который пользуется авторитетом у детей. Его задача – донести до учащихся мысль, что то, чем они занимаются, – это не игра, не шутки. Это преступление против личности. Если класс уже дорос до возраста уголовной ответственности, для большей убедительности следует зачитать соответствующие статьи УК. С 14 лет наступает частичная личная ответственность (по некоторым пунктам

Уголовного кодекса). С 16 лет – полная личная ответственность. Понимание, что это уже не «шуточки», а уголовное преступление, может остановить травлю. Если класс «не дорос», ответственность понесут родители, потому что до 14 лет они отвечают за действия своих детей. То, что участники травли подставляют своих родителей, может остановить их.

Обязательно нужно рассказать о необратимых последствиях такой травли, о том, что сильный стресс, испытываемый жертвой буллинга, может спровоцировать развитие психосоматических заболеваний. И о случаях детских и подростковых суицидов по причине издевательств одноклассников тоже нужно сказать. Дети не все жестоки. Возможно, в какой-то момент они заигрались и не смогли затормозить, не осознали, какими могут быть последствия. Существует также феномен расширенного суицида, когда затравленный подросток в отчаянии приходит в школу с оружием. Говорить о таких случаях надо и потому, что может сработать инстинкт самосохранения.

Вести разговор с классом нужно в отсутствие ребенка, которого травят. Родители и педагоги должны договориться, чтобы он в этот день остался дома.

Важно провести родительское собрание, поставить всех родителей в известность о происходящем. Травля – это проблема всего коллектива, это нравственная болезнь и тех, кто травит, и тех, кто выбирает позицию наблюдателя, не вступает в защиту, не препятствует. На родительском собрании также следует рассказать об уголовной ответственности. Подчеркнуть, что на месте жертвы может оказаться любой ребенок, если не задавить буллинг как явление. Каждого родителя нужно попросить провести дома беседу о нравственности со своим ребенком. Именно каждого – наедине, потому что очень сильно влияние стадного чувства: «Мы все его не любим. Он нам всем не нравится. С ним никто не хочет дружить». Это сплоченное «мы» важно переориентировать на другой вид поведения. «Мы» можем не любить и не дружить, но обзывать, обижать, унижать, делать больно, причинять вред имуществу – нельзя.

В моем школьном детстве тоже был мальчик-изгой. Неприязнь к нему переросла в буллинг, хотя тогда еще никто не знал этого слова. Первый класс. Мальчик из неблагополучной семьи. Отца нет, старший брат в тюрьме, мать – алкоголичка. Худой, грязный ребенок в старой одежде, который вечно опаздывал в школу. От него и его вещей невыносимо пахло табачным дымом. Естественно, никто не хотел с ним дружить и даже сидеть за одной партой или за одним столом в столовой. Но только нежеланием контакта дело не ограничилось. Над

несчастливым ребенком смеялись. Над ним издевались. Всем классом пинали его «вонючий» портфель. Даже правильные, хорошие, послушные, добрые девочки участвовали в этом, поддавшись стадному чувству. Мальчика вскоре перевели в интернат, так как его мать лишили родительских прав. А в классе появился новый кандидат на роль жертвы буллинга: самая толстая девочка. Нет, она не появилась в классе внезапно, не перешла к нам из другой школы, она училась с нами с первого сентября, но пока на роль жертвы был более подходящий претендент, ее не трогали.

Это еще раз доказывает, что буллинг – проблема всего коллектива. Если просто убрать из системы жертву, перевести в другую школу, то система выберет себе новую жертву из оставшихся и продолжит взаимодействие по известному сценарию. А жертва всегда найдется. Если не самый толстый, то самый высокий и худой или ботаник-очкарик.

Профилактика буллинга

Для профилактики буллинга и других проблем с одноклассниками, для формирования дружного коллектива, для оперативного разрешения возникающих проблем важно, чтобы родители учащихся были между собой знакомы. Не просто знали в лицо, а еще и могли спокойно пообщаться. Знали номера телефонов друг друга. Помните пример, когда первоклашка полгода терпела пинки одноклассника? Этого бы не было, если бы родители детей между собой общались. Обижать дочку маминой знакомой уже как-то сложнее, чем обижать просто девочку из класса. И разбираться с конфликтом в этом случае легче. Достаточно просто позвонить маме мальчика: «Наташа, ты знаешь, тут такое дело... Твой сын мою дочку обижает».

Реально ли знать всех родителей класса? Реально, если организовывать минимум два классных мероприятия в год вместе с родителями. Это важно. Если сдружить детей и родителей в начальной школе, то в подростковом возрасте гораздо легче держать детей под контролем.

Сплочение коллектива класса через совместную досуговую деятельность (походы, поездки, экскурсии) – важная задача не столько учителя, сколько родителей. Родители должны выступать инициаторами мероприятий, организаторами и активными участниками. Детям легче дружить, когда дружат их родители. Совместные мероприятия родителей с детьми в начальных классах – относительное спокойствие родителей в старших. Родителю легче понять ситуацию в классе своего ребенка, когда он знает всех одноклассников и их родителей. Понимание ситуации – это возможность своевременно повлиять на нее и помочь ребенку.

Но в процессе организации мероприятий, вероятно, придется столкнуться с сопротивлением родителей: «Да ну... Это дорого. Это сложно. Это неудобно». Скажу, что при организации мероприятия работают те же самые технологии, что и при продажах. Нужно продать родителям идею мероприятия. Оплачивать они будут деньгами и своим личным временем. Чтобы родители что-то купили, они должны знать, зачем им это надо, какую их личную потребность это закроет. То есть важна мотивация. Именно мотивация. Я не знаю, какой тут еще можно придумать стимул.

В классе старшего сына, когда он еще учился в начальной школе, для организации конкретного мероприятия мы проводили анкетирование. Чем может помочь анкета? Выяснить, какие

мероприятия родители посетят с большей вероятностью. Предложить им выбрать. Всем вместе в кафе? В поход? На базу отдыха на три дня? В ближайший парк на веревочный тренинг? Аренда беседки на берегу пруда с мангалами для жарки сарделек?

Примерный текст: «Уважаемые родители! Родительский комитет нашего класса планирует совместное мероприятие. Просим вас выбрать вариант, который вам больше нравится: ...»

Возможные мероприятия описываем с указанием заранее просчитанной сметы. Это понятно: прежде чем что-то выбрать, человеку важно понимать, сколько это будет стоить. Важно указать и такие варианты, от которых, скорее всего, откажутся. Просто для сравнения. На их фоне другие варианты будут казаться привлекательными. Это как «из двух зол выбрать меньшее». На базу отдыха на три дня? Где столько времени взять. Кафе? Дорого. Пикник в парке с веселыми стартами? Вот это подходит.

Анкетой мы убиваем сразу несколько зайцев. Во-первых, проводим голосование, выбирая предпочтительный вариант. Во-вторых, ставим родителей перед фактом, что мероприятие все-таки состоится. В-третьих, собираем идеи. Можно оставить в анкете пустую графу «Ваши предложения». Вполне вероятно, что кто-то из родителей предложит более интересный вариант. При таком подходе мероприятие организовать существенно легче, чем задав вопрос на родительском собрании: «А давайте куда-нибудь сходим». На собрании после такого вопроса обычно повисает тишина. Не потому, что все безынициативные и ничего не хотят. Некоторые просто стесняются начинать при всех говорить, боятся критики, не хотят привлекать внимание. Либо у взрослых в стенах школы включаются детские комплексы, такие как страх говорить перед классом. Либо реально нет никаких идей, требуется время подумать. В-четвертых, анкетой мы увеличиваем количество опрошенных. На собраниях обычно явка далеко не стопроцентная. Часто приходят не родители, а бабушки, дедушки, няни. Их полномочия – передать услышанную информацию родителям, но решения они не принимают. Поэтому, чтобы опросить всех родителей, лучше не дожидаться собрания, а вложить анкеты детям в дневник. Заполненные родителями анкеты дети потом принесут классному руководителю. Представитель родительского комитета их собирает и обрабатывает.

Идею с анкетами мы реализовывали в то время, когда еще не было мессенджеров и родительских чатов. С их появлением стало, с одной стороны, проще – возможность для коллективного

обсуждения в режиме нон-стоп. Но с другой стороны, сложнее – опять-таки потому, что это коллективное обсуждение в режиме нон-стоп. Сложно прийти к общему мнению, не уйдя в другие темы. Бывает, в чате начнут с «давайте придумаем совместное мероприятие», а потом уже никто и не вспомнит, каким образом пришли к «а некоторые еще за прошлый год деньги в фонд класса не сдали».

Первые мероприятия организовать тяжело, но потом это входит в традицию. Традиционное чаепитие на день именинника – повод собраться четыре раза за год. Первое время желательно, чтобы печенюшки и тортики к чаю были самодельными. Это прекрасный повод завязать беседу, а то приходят мамы, молча чай попьют и разойдутся. Далеко не все способны легко и непринужденно завязать беседу, даже оказавшись за одним столом. Вот тут «постряпушки» и выручают. «Ой, дайте мне этот тортик попробовать. Ой, а это из чего? Чей тортик? Рецептиком поделитесь?» – «Да это обычный манник, только я в него семечки и орехи добавила и сиропом пропитала». – «Ой, какая шарлотка вкусная! Надо тоже дома сделать. Яблок еще много осталось! У вас тоже сад? В этом году очень много яблок уродилось».

Хорошо бы еще родителям подготовиться и накануне мероприятия узнать о всех детях в классе. Пусть ваш ребенок расскажет про каждого что-нибудь хорошее, выдающееся, запоминающееся (если есть фотографии, они тут очень пригодятся). Потом в разговоре можно будет вставить: «Вы мама Инны? Мне ребенок рассказывал, как Инна хорошо отвечает у доски», «Вы мама Виталика? Мне ребенок говорил: «Мама, у нас Виталик самый спокойный», – чем не повод для раскручивания дальнейшей беседы? (Естественно, о ребенке говорим только хорошее.)

Еще вариант организации мероприятия: выехать всем вместе на природу, организовать пикник по принципу «кто что может, то с собой и возьмет». Самый бюджетный вариант, всем по карману. Можно прогуляться до ближайшего лесопарка, устроить там спортивные игры. Время – сразу после уроков в пятницу (или субботу, у кого она «рабочая»), предварительно договорившись с администрацией школы, чтобы детям в этот день разрешили прийти не в школьной форме. В процессе подготовки попросите учителя вложить в дневники записочку о том, что состоится мероприятие. Либо информация спускается в родительский чат.

Даже если еще никто из родителей не дал согласия, знакомим с информацией, как будто это уже решенный вопрос и все едут. Дети в предвкушении, дети между собой обсуждают, дети уговаривают своих родителей: «Весь класс будет! Я тоже

хочу!» Активисты из родительского комитета берут список телефонов у классного руководителя и обзванивают всех родителей. (Видите аналогию с телефонными продажами? Отработка возможных возражений в индивидуальном формате.) Опять-таки разговор строим с позиции «мы едем» (решенный вопрос), а не «мы вот думаем, может быть, нам съездить?». Вопросы уже по существу: «Вы на своей машине поедете или вам нужно место в другой машине? На своей? А в вашей машине будет свободное место, чтобы взять с собой тех, кто без машины? Список составляю, чтобы все смогли приехать. У вас есть футбольный мяч? Волейбольный? Тоже берите. Ребенок маленький? Не проблема. Возьмите для него коляску. Там дорожки хорошие. Петровы тоже всей семьей с коляской едут. Вы по делам задержитесь? Не сможете от школы отъехать вместе со всеми? Ничего страшного, всего на час опоздаете, попозже присоединитесь. В дневнике каждого ребенка будет листочек с описанием маршрута, как проехать до места, если кто самостоятельно добираться решит. Клещей боитесь? Я узнавала, там территория обрабатывается».

А через неделю после пикника – чаепитие в классе с просмотром видеоотчета. Можно сделать смешную стенгазету с фотографиями. Готовит видеоотчет/стенгазету инициативная группа из нескольких родителей и детей – совместное творчество сближает. Организуйте мини-концерт, исполнив частушки или озорные куплеты самостоятельного сочинения, связанные с пикником. На чаепитие придут и те, кто не смог быть на самом мероприятии. Посмотрят, вдохновятся, в следующий раз поедут.

Даже если не получится собрать класс в полном составе, все равно будет польза. Лиха беда начала. Еще раз скажу: если внеклассные мероприятия будут проводиться регулярно, вскоре это войдет в традицию и будет восприниматься естественно. Главное – не ограничиваться одним мероприятием. И тогда на выпускном вечере не будет вопросов: «А вы чья мама?» При регулярных мероприятиях родители в итоге так сдружатся, что через неделю после выпускного соберутся у кого-нибудь на даче...

Массовые мероприятия хорошо дополнять общественно-полезными сборами родителей, такими как украшение класса к Новому году или подготовка стенгазеты по поводу начала новой учебной четверти, с фотографиями, дружескими шаржами и словами ободрения (сюрприз для детей). Поехать что-то закупить для класса – этим тоже должен заниматься не один человек, а инициативная группа из нескольких человек. Не потому, что один не сможет, а потому, что важно сближающее общение. Инициативные группы лучше создавать с разным

составом участников, чтобы была возможность каждому родителю с каждым пообщаться.

Буллинг в классе с дружными родителями, если и начинается, заканчивается достаточно быстро и просто. При первых тревожных сигналах родители созваниваются, обсуждают, охают-ахают, а потом беседуют со своими детьми. «Как ты мог? Это же Паша! Вы же с ним с первого класса! Мы же с его мамой так хорошо общаемся. Как я его маме в глаза смотреть буду? Я сейчас же звоню его маме и приношу свои извинения за твое поведение. Если ты позволяешь себе такое, то это мое упущение. Я что-то упустила в твоём воспитании. Не смогла донести очень важную мысль: нельзя издеваться над людьми».

Если ребенок переходит в новую школу уже в среднем звене, то знакомиться со всеми родителями класса немного сложнее. Родитель приходит вместе с ребенком в новый класс и оказывается в аналогичной ситуации: он тоже, как и его ребенок, в этом классе «новенький». Но если задаться целью, то ситуация не безнадежная. Начните активно помогать родительскому комитету, выступайте со своими инициативами. Тесно дружить с каждым родителем класса совершенно не обязательно. Достаточно знать, как зовут и как оперативно связаться при необходимости.

Осторожно! псевдопсихология в школе

Родительское собрание. Оказывается, в класс приходил психолог, проводил какие-то тесты. Какие тесты? Почему без уведомления родителей? Я точно знаю, что на проведение психологических исследований должны брать письменное согласие родителей, и точно помню, что не подписывала никакого разрешения. Результаты психолог передал классному руководителю, что тоже является нарушением. Информация конфиденциальная, нельзя без разрешения родителя знакомить с результатами третьих лиц. Не факт, что родитель захочет знакомить с полученными результатами учителя.

Далее еще «интересней»: классный руководитель вслух перед всеми родителями начинает зачитывать результаты. Всем все про всех. И на доске вывешена сводная таблица результатов. То есть если кто-то про кого-то что-то не услышит, может подойти и посмотреть.

Самое печальное, что на родителей вывалили результаты и оставили их с этим. «У вашего ребенка повышенная агрессия, крайне низкая мотивация на учебу, ведущие эмоции – тревожность, отвращение, гнев». На резонный родительский вопрос «А что с этим делать?» учитель разводит руками: «Ну, поговорите с ребенком». Получается, диагностика ради диагностики? Учитель в данном случае не виноват, он не психолог и может не знать о правилах работы психолога. Но почему настолько непрофессионально в этом случае сработал психолог – меня удивило. Из рассказов коллег-психологов я знаю, что многим даже приходится отменять исследования в школах, если своевременно дети не принесли от родителей разрешения. А отчеты делаются нескольких видов: *обобщенный*, для классного руководителя и педсовета, в котором только статистика по классу, без указания фамилий, и *подробный*, для родителей каждого ребенка с рекомендациями. Подробный анализ психолог передает родителю либо лично, либо через классного руководителя, в запечатанном конверте. Если диагностика проводится в средней школе, то на усмотрение психолога может быть еще и третий вид отчета – для самого учащегося, где выводы объясняются понятными словами, чтобы подростку было легче разобраться в себе.

Ребенок не должен отвечать ни на какие вопросы психологических тестов без вашего согласия.

Если вы не уверены в профессионализме психолога, вы имеете полное право отказаться от подобных исследований. Скажите ребенку, что он не должен отвечать ни на какие вопросы психологических тестов без вашего согласия.

Вы имеете право на родительском собрании потребовать соблюдения конфиденциальности, если не хотите, чтобы какие-то сведения, касающиеся вашего ребенка, стали известны другим родителям. Вы ведь не знаете, как распорядятся другие родители этими сведениями. Придет родитель домой, расскажет обо всем своему ребенку, а тот по принципу испорченного телефона понесет информацию своим одноклассникам.

– Обратите внимание, – говорит учитель на собрании родителям Сережи, – тесты показывают низкий уровень развития моральных качеств, такой ребенок способен совершить поступок, противоречащий моральным нормам.

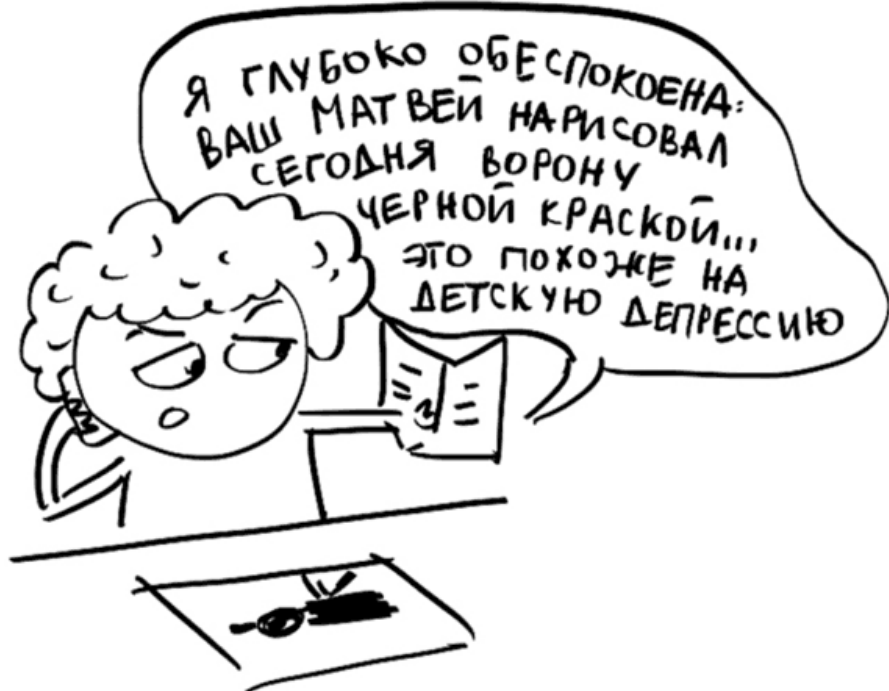
– Поясните, мне непонятно, – просит мама Сережи.

И учитель приводит пример, который первым пришел в голову:

– Ну, скажем, воровство – это поступок за рамками морального поведения.

Слыша это, папа Даши делает вывод, что от Сережи можно ожидать воровства. Папа Даши приходит домой. Даша спрашивает, о чем говорили на собрании. У папы от Даши нет секретов, и он все рассказывает. Но рассказывает так, как понял сам. И Даша слышит, что Сережа может украсть. Даша в классе предупреждает лучшую подружку, которая сидит рядом с Сережей. Подружка тоже умеет разговаривать, и ей есть с кем поговорить. Вскоре все дети класса знают, что Сережа – вор.

Тест «Несуществующее животное». Девочка рисует сказочного синего дракончика с колючками на хребте. Учитель прочитала методику в Интернете. Там же все просто. Учитель искренне считает, что можно даже не учиться на психолога, чтобы проводить диагностику. Развесила рисунки на доске и родителям на родительском собрании интерпретирует: «Зубчики – это агрессия. У нас в классе только одна агрессивная девочка. Это Катя. Вот, видите? Зубчики». На следующий день тихую скромную девочку Катю дети дразнили агрессивной. На сайте, где учитель нашла эту методику, забыли указать, что зубчики, которые на спине, нужны не для нападения, а для защиты. Что на самом деле Катя нуждается в защите от агрессии. Новый всплеск агрессии и нападок на Катю от одноклассников был спровоцирован разглашением результатов теста.

Учитель просит учащихся написать три желания, исполнить которые они бы попросили золотую рыбку. Исследование системы ценностей. Замечательно. Только затем все желания вслух зачитывались на родительском собрании, сопровождаемые едкими комментариями учителя. А родители – кто краснел, кто посмеивался...

Первый класс. Открытое занятие с психологом. Присутствуют все дети и все родители класса. Дети сидят в кругу. Психолог предложила им выбрать понравившуюся картинку и составить по ней рассказ. По очереди каждого опрашивает. Картинки из тематического апперцептивного теста. Различные сюжеты из жизни людей. Девочка выбрала картинку, на которой изображена женщина, ухватившаяся за плечи мужчины, лицо и тело которого повернуты так, как будто он пытается вырваться от нее. Девочка составляет рассказ: «Мама отругала папу. Папа уходит». Присутствующие родители смотрят на маму девочки, готовую сквозь землю провалиться. Год назад в семье произошел развод. Выбор девочки и ее рассказ характеризуют ее эмоциональные переживания. Тест ТАТ – мощный диагностический инструмент, метод, с помощью которого можно выявить доминантные побуждения, эмоции, отношения, комплексы и конфликты личности. Его можно использовать при индивидуальной терапии, но никак не на открытом занятии. У вас есть право сказать «стоп».

Стоп, я и мой ребенок в этом не участвуем. Никакой публичной диагностики.

Все изложенные случаи – не моя выдумка. Это реальные, известные мне события. К счастью, таких немного. Школьных психологов, работающих на хорошем профессиональном уровне, я знаю гораздо больше. Но будьте внимательны!

Дети и социальные сети

– ВЫ! ДОЛЖНЫ! ЗАПРЕТИТЬ! Запретить детям пользоваться социальными сетями! Социальные сети – это абсолютное зло! Там только порнография, насилие и наркотики! Я расскажу вам, как настроить родительский контроль, блокирующий социальные сети.

Честно говоря, от лекции по технике безопасности детей в Интернете, проводимой учителем информатики, я ожидала несколько иного, чем совет всем и все запретить. Запрет в данном случае не решит проблемы. В моем детстве не было социальных сетей и Интернета, но одноклассники где-то находили наркотики и порнографические картинки.

Согласна, что чем позже ребенок познакомится с социальными сетями, тем лучше, но запрещать, когда они уже давно используют такой способ общения, – это провокация конфликта. Дети нашего класса уже несколько лет общаются в социальной сети, где у них создана группа класса. В этой группе ответственный дежурный выкладывает домашнее задание. Тот, кто болеет, или тот, кто не успел записать, могут зайти и посмотреть расписание и что задано. Конечно, они могут все это посмотреть на сайте школы в разделе «электронный журнал», но дети привыкли к своей группе. Они уже подростки, они хотят автономии от взрослых. В группе они выкладывают видео и фотографии. Такие, которые некоторым родителям лучше не показывать. Не подумайте, там все в рамках приличия, но... фотосессия девочек на пороге школе. Девочки распустили волосы («Зимой и без шапки!»), девочки делают губки уткой («Какая пошлость!»), красиво подкидывают снег вверх («Почему без куртки на улицу вышла? Мне потом тебя от пневмонии лечить!»).

У детей в социальной сети игры, прокачанные до определенного уровня, заработанный статус, друзья и группы по интересам. Там не только насилие и наркотики. Там фан-группы сериалов, которые любят подростки, фан-группы любимых спортивных команд, где выкладываются видеоролики с матчами. Можно найти группы с опытами по физике, группы с идеями рукоделия, группы собаководов, группы любителей рисовать аниме. Кто чем интересуется, тот то и находит. Некоторые дети самовыражаются через ведение своих видеоблогов. Если резко все это запретить, это будет трагедией для подростка, еще одним кирпичом в стену «родители меня не понимают».

Если за каждым шагом подростка будет

тотальная слежка, то у него не останется личного пространства для жизни.

Простой запрет подтолкнет подростков ко лжи. Родители Вари запрещали регистрироваться в социальной сети, заблокировали доступ. В итоге Варя создала профиль под вымышленным именем с компьютера подруги и сидела в своем профиле, когда была у нее в гостях. Бывать в гостях у подруги ей нравилось больше, чем дома. При этом родители были уверены, что их ребенок в социальных сетях не сидит, и не считали нужным объяснять ей правила техники безопасности: например, что нельзя раскрывать незнакомому человеку информацию о себе, писать свой домашний адрес и телефон...

Нарушенный контакт с родителями страшнее присутствия ребенка в социальной сети, а социальная сеть – это не абсолютное зло. Это просто ресурс. Каждый там может найти то, на чем сфокусировано его внимание. Поэтому стоит особое внимание уделять сфере интересов ребенка. Больше времени проводить с ним, иметь общие увлечения. Обсуждать, что ему интересно. Находить время, чтобы посмотреть вместе с ним сериал или новый клип его любимой группы (только не говорите, что клип «дебильный», – скажите, что он «оригинальный»).

В свое время Рунет всполошила статья про «группы смерти» – сообщества в соцсетях, где подростков призывают совершать самоубийства. Ответной реакцией пошла волна статей, где призывали усилить контроль, мол, «лучший способ уберечь ребенка – тотальная слежка». Следом подключились отделы образования. Обязали классных руководителей провести внеплановые родительские собрания и классные часы по этому поводу. В результате те дети, кто не знал о существовании «групп смерти», о них узнали. Родительские чаты наполнились ссылками на статьи, в которых даются советы: «Родители должны знать все логины и все пароли от всех ресурсов, на которых их ребенок общается, и раз в два-три дня заходить туда и смотреть, в каких группах он состоит, с кем и о чем переписывается. Только так можно понять, чем ребенок живет».

«Только так» можно понять, чем живет ребенок, при условии, что естественный диалог в отношениях уже отсутствует и нет никакого шанса его вернуть. А что дальше? Камера видеонаблюдения в комнате подростка? Прослушивающее устройство на его телефоне?

Если за каждым шагом подростка будет тотальная слежка, то у него не останется личного пространства для жизни. Жить будет нигде. Везде территория слежки. Если подросток обратил

внимание на подобную группу, значит, у него уже есть сомнения в смысле жизни. Он решает для себя вопрос: «Зачем жить?» Если трагическим образом в его голове сойдутся «жить незачем» и «жить негде», последствия могут быть страшными. Слежка, идейно назначенная инструментом спасения, может обернуться инструментом подталкивания. Представьте, если все ваши эсэмэски, почта, переписка в соцсетях будут просматриваться, карманы и сумки обыскиваться, история посещений браузера детально изучаться, – улучшит ли это ваше эмоциональное состояние? Добавит желания жить?

Когда родитель начинает следить за подростком, вскрывать его аккаунты в соцсетях, читать его личную переписку, проверять эсэмэски и историю браузера, – в чьих интересах он действует, чью потребность реализует? Давайте будем искренними с самими собой. Делается это не в интересах ребенка, и его потребностей не реализует. Делается это из тревоги родителя и его потребности в собственном спокойствии.

Спокойствие от слежки может быть иллюзией. Подростки не дураки. Они могут создать липовый аккаунт. Один «приличный» аккаунт будут держать для отвода глаз родителей, постить на стенку мотивирующие фразы, изредка писать в духе «что нам задали по литре?», а общаться о том, что их реально волнует, будут с другого аккаунта.

Необходимость врать родителям не улучшит эмоциональное состояние подростка и не добавит ему устойчивости. Пропасть между подростком и родителем от слежки будет только нарастать. Когда у вас есть вся информация о жизни подростка из его личной переписки, теряется необходимость что-то специально делать для того, чтобы установить с ним доверительный контакт, чтобы он захотел поделиться сам. Родитель идет по легкому пути, но не самому эффективному. Очень точно эту проблему выразил Януш Корчак: «В страхе, как бы смерть не отобрала у нас ребенка, мы отбираем ребенка у жизни; оберегая от смерти, мы не даем ему жить».

Мы хотим знать все о своем ребенке, движимые чувством тревоги. Парадокс в том, что именно наша тревога часто становится препятствием для доверительного общения. Ребенок видит слишком эмоциональную реакцию и делает вывод: «Об этом родителям лучше не рассказывать». По этой причине многие подростки охотнее делятся своими проблемами с психологом, чем с мамой. (Я не говорю про всех подростков, я говорю про тех, кто приходит ко мне на консультацию. В восьмидесяти процентах это девочки.) У меня как-то спросила мама девочки-подростка, моей постоянной клиентки: «Все-таки почему моя дочь

предпочитает ходить к вам каждую неделю? Почему с вами она откровенна, а от меня закрывается?» Потому что я ее слушаю не так, как мама. (Как мама, я слушать тоже умею, у меня есть свой родительский опыт. Как мама, я сама не всегда могу удержаться от интервенций.)

У девочки первая любовь и сложности во взаимоотношениях с мальчиком. Они то мирятся, то ссорятся. Ей совершенно не понятно, как он может сначала признаваться ей в любви, потом целоваться с девочкой из параллельного класса, потом писать ей, что скучает, и при этом ставить «лайки» под фотографиями другой девочки... Сердце болит, слезы душат, не хочется идти в школу, чтобы не встретиться с той, другой... И постоянно хочется мониторить, кто из участников драмы сейчас онлайн...

Мама говорит: «Соберись. Тебе надо готовиться к экзаменам! Выкинь из головы все, что не относится к учебе». Потому что мама тревожится, как дочка закончит школу. Мама говорит: «Хватит уже слезы лить. У тебя таких мальчиков еще с десяток будет». Она хочет поддержать, а дочка в этом слышит обесценивание своих чувств. Мама говорит: «Я тебе сразу говорила, что он мне не нравится и что не надо с ним дружить». Слушай маму, мама плохого не посоветует, у мамы жизненный опыт... Дочка слышит в этом осуждение. Ей больно, а теперь еще и стыдно.

«Попробуйте, – говорю я маме, – просто слушать. Быть рядом с ней. Не обесценивать ее боль. Не осуждать эмоции. Не оценивать поступки. Не говорить, что нужно делать, а что не нужно. Не советовать, если дочь об этом не просит. Не выпытывать больше, чем она готова рассказать прямо сейчас. Налейте чай. Достаньте шоколадку. Укройте пледом. Обнимите. Промокните слезы. Молча посидите рядом, сколько понадобится. Примите факт, что экзамены могут волновать гораздо меньше, чем отношения с «так себе» мальчиком... Успокаивайте себя возможностью пересдачи».

Вполне возможно, что после «впустую потраченного вечера страданий» у принятой и поддержанной дочки появятся силы на подготовку к экзаменам.

Заключение

Есть такая психологическая защита – вытеснение, суть которой в активном мотивированном устранении события из сознания. Проявляется в виде забывания. Забываем о плохом.

Я думала, что у меня о школе остались только хорошие воспоминания. Но когда я начала работу над этой книгой, я попросила читателей моего блога поделиться со мной школьными историями. Читая чужие истории, я вспоминала свои, аналогичные прочитанным.

Ощущение стыда, когда я не могу ответить на вопрос, стоя у доски; переживание того, что на меня сейчас все смотрят, мешало мне подумать и ответить на следующий вопрос учителя.

Ощущение обиды и возмущения, когда меня поставили в угол перед всем классом, причем чужим классом, и за то, чего я не совершала. Я просто шла по коридору мимо класса, а учитель выхватила меня, отчитала, что я срываю урок, и поставила в угол у доски. До меня в дверь класса барабанили какие-то мальчишки, потом они быстро убежали. Возмущенный учитель, открыв дверь, увидел меня. В первом классе я думала, что с учителями нельзя спорить.

Ощущение стыда и ужаса, когда учительница физкультуры заставила одноклассницу, забывшую дома спортивную форму, бегать в трусах и майке. В момент прыжка через козел, есть такой гимнастический снаряд, у трусов лопаются резинка, трусы сваливаются... Мне было стыдно быть свидетелем унижения и страшно оказаться на месте одноклассницы. Это был второй класс. Мы еще не знали, что учителей не всегда нужно слушать.

Ощущение стыда и обиды, когда учитель перед всем классом раскритиковал мой рисунок, нарисованный на неаккуратно вырванном из альбома листе. Она держала мой рисунок у себя над головой, трясла им и зло выговаривала: «Ну неужели нельзя догадаться и аккуратно обрезать край ножницами? Как не стыдно сдавать такое?» Это был второй класс. Тогда я еще очень болезненно воспринимала критику.

Ощущение оцепенения, когда на меня орала химичка. Орала очень громко. Как будто решила оторваться за весь класс, за все шесть уроков, что провела, стоя у доски, распинаясь перед «болванами и идиотами, которые ничего не понимают». На меня ни разу в жизни никто так не орал. Мои родители никогда не повышали на меня голоса, и я считала это нормой. Это был восьмой класс. Я уже знала, что на меня нельзя орать. И сказала об этом. А сказав, ушла с урока. Мама разговаривала с классным

руководителем, классный руководитель разговаривал с учителем химии, меня уговорили пойти на следующий урок химии. Учитель принесла извинения перед всем классом и никогда больше на меня не орала. Хотя орала она почти на каждом уроке. Краснела, срывала очки, бросала на стол, снова надевала и орала дальше, но не на меня...

Ощущение подставы и предательства. Когда одноклассники, не выучившие стихотворение, предложили на перемене идею, что если весь класс скажет, что стих трудный и его выучить не успели, то учитель просто даст еще время на подготовку и двоек не будет. Все договорились отвечать «я не успел выучить». Я первая по списку в журнале. Я отлично знаю текст, но мы же договорились. Говорю, что не успела выучить, и получаю два. А дальше... Все последующие рассказывают стих. И даже те, кто не выучил, сдали на слабую тройку. Как я объясню двойку родителям, волновало меня меньше, чем как я на перемене буду общаться с одноклассниками и что я им скажу...

Школа – очень непростой период. Это не только подготовка к ЕГЭ и ступенька к поступлению в вуз. Это период взросления, период становления личности. Период, когда осознают свои особенности. Период, когда учатся отстаивать свои границы. Период, когда учатся выстраивать отношения. Период поиска баланса между «хочу», «могу» и «надо». Пожалуйста, будьте в этот период на стороне ребенка!

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП
НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ
К КЛИЕНТАМ
НА ОБЛОЖКЕ

notes

Примечания

Теория «текучего» и «кристаллизованного» интеллекта была разработана психологом Реймондом Кеттелом (1905–1998).

Говард Гарднер – американский психолог, автор теории множественного интеллекта.

Боев И. В. – доктор медицинских наук, профессор
Ставропольского государственного университета.